

Так это было

(дневник гвардии техника-лейтенанта Б. Е. Корсакова
19 января – 11 мая 1942 года)

Санкт-Петербург
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
К 69

Финансирование издания: Лисовский Юрий Андреевич
Корсакова Ирина Борисовна

к69 Корсакова И. Б.

Так это было (дневник гвардии техника-лейтенанта
Б. Е. Корсакова 19 января – 11 мая 1942 года). – СПб., 2014. –
200 с., ил.

ISBN 978-5-4469-0241-5

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4469-0241-5

© Государственный мемориальный музей
обороны и блокады Ленинграда, 2014
© И. Б. Корсакова, 2014

*Опять война,
Опять блокада...
А может, нам о них забыть?
Я слышу иногда:*

*«Не надо,
Не надо раны берeditь».
Ведь это правда, что устали
Мы от рассказов о войне.
И о блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне.*

*И может показаться:
Правы
И убедительны слова.
Но даже если это правда,
Такая правда
Не права!*

*Чтоб снова
На земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтобы наши дети
Об этом помнили,
Как мы!*

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память — наша совесть.
Она, как сила, нам нужна...*

Ю. Воронов

Чтобы помнили

Невзрачная, в черной потертой коленкоровой обложке тетрадь с пожелтевшими от времени, потрёпанными, частично выпадающими листами... Абсолютно точно, что это не великое произведение искусства, поражающее неземной красотой и изысканностью... Но это **уникальный исторический документ**, созданный в самое трагичное для нашего города время. Время, когда решался вопрос о самом существовании Ленинграда как населённого пункта, как отметки на географической карте мира, когда стоял извечный вопрос: быть или не быть, жизнь или смерть.

История блокады Ленинграда, казалось бы, изучена вдоль и поперёк. Изданы сотни монографий, тысячи историко-литературных произведений, множество воспоминаний. Но всё равно в этой сложной и неоднозначной теме остаётся больше вопросов, чем ответов.

Если в советское время описание битвы за Ленинград и блокады — это, прежде всего, мужество, героизм, нестигаемость, сила духа защитников и жителей осажденного города, то в последние десятилетия появляются издания, в которых все больше делается акцент на то, что блокада, в первую очередь, — это величайшая человеческая трагедия. И в условиях, казалось бы, безвыходного положения, люди не все одинаковы и ведут себя по-разному. Черно-белая палитра официальных публикаций о блокаде стала раскрашиваться самыми разными (и не всегда светлыми) красками воспоминаний участников тех событий — военнослужащих и горожан.

Воспоминания — важнейший исторический источник, но к ним надо относиться крайне осторожно. Человек, пишущий воспоминания, так или иначе переосмысливает прожитое, свою роль в этих событиях. О чём-то умалчивает, что-то приуменьшает, что-то преувеличивает, а что-то и «приукрашивает». Оценка событий по прошествии времени может кардинально поменяться. Некоторые события — в памяти человека — могут сместиться во времени. Мне встречались воспоминания, в которых очевидец пробирался среди

сугробов и трупов, прячась от снарядов и бомб, на премьеру 7-й Ленинградской симфонии Д. Д. Шостаковича, хотя на самом деле премьеры в Ленинграде состоялась 9 августа 1942 года, и ни обстрелов, ни бомбёжек города в этот день удалось не допустить.

В ряду изданий о блокаде, особое — и, к сожалению, весьма незначительное по количеству, но не по значимости — место занимают **дневники** непосредственных участников тех событий. Подавляющее количество известных на данный момент дневников — это **дневники горожан, мирных жителей** и крайне мало известно **дневников военнослужащих**. Связано это с тем, что их ведение в боевых условиях не то что не поощрялось, а даже часто запрещалось. В условиях военного времени солдат или офицер, постоянно делающий какие-либо записи, непременно вызвал бы подозрения среди сослуживцев и в лучшем случае имел бы воспитательную беседу после изъятия и тщательного изучения дневника «особистами». Поэтому для историков находка каждого нового дневника военнослужащего — значительное событие.

На момент создания дневника Борису Корсакову было всего 23 года. Надо сказать, что он догадывался об опасности вести записи, и в тексте прослеживается мысль о необходимости более тщательно скрывать дневник от взглядов сослуживцев, тем более что характеристики некоторых из них весьма нелицеприятны. Помимо этого, автор даёт достаточно резкие оценки своему непосредственному командованию, выражает сомнения в правильности ведения ими дел. В тексте достаточно технических подробностей, которые в то время вполне могли расценить как «разглашение сведений, содержащих военную тайну». Говоря откровенно, всё написанное в дневнике, «тянуло», по законам военного времени, даже на «высшую меру». Многие дневники мирных жителей Ленинграда, хранящиеся в архиве «Большого дома» (авторы которых были расстреляны) не содержали и десятой доли «антисоветчины», «военных тайн», которые имеются в дневнике Б. Корсакова.

Дневник гвардии техника-лейтенанта Бориса Ефимовича Корсакова — настоящий кладёшь исторических фактов, бытовых описаний. Сведения, изложенные в нём, будут интересны не только военным историкам, но и медикам, психологам, экономистам, любителям авиатехники, всем, кто не равнодушен к прошлому нашей Родины.

Автор дневника хорошо образован. Грамотности, умению выражать свои мысли могли бы поучиться у него многие наши молодые современники, уровень образования, интересов и суждений кото-

рых, к величайшему сожалению, крайне примитивен. Автор молод, и многие суждения его достаточно категоричны. Он честен перед собой и описывает то, что происходит вокруг него, не используя, как сегодня принято, «толерантные» выражения. Многие документы того времени доходят до нас с грифом «проверено военной цензурой», кроме того, у людей постарше наверняка бы сработала «самоцензура». Но тем и интересен дневник Б. Корсакова, что он честно описывает всё, что происходит вокруг него и с ним самим, анализируя даже состояние организма и его реакцию на сложившиеся условия жизни.

Почти во всех дневниках блокадного времени, за редчайшим исключением, большое внимание уделяется самому насущному вопросу — пище (её количеству, качеству, составу). Не является исключением и дневник Б. Корсакова, в котором автор скрупулёзно описывает день за днём где, в каком количестве и какого качества он получал пищевое довольствие.

Наверное, все знают о печально знаменитой блокадной норме 125 граммов хлеба в день для детей, иждивенцев и служащих и 250 граммов для рабочих. (В одном из воспоминаний автор даже пишет: «Я получала 125 граммов хлеба всю блокаду». На самом деле эта минимальная норма выдачи хлеба действовала с 22 ноября по 25 декабря 1941 года, а потом стала понемногу повышаться. Но, именно этот период характеризуется массовой смертностью и долговременными катастрофическими изменениями в организмах людей: после войны алиментарную дистрофию стали называть «ленинградской болезнью»). Однако мало кто знает, кроме специалистов, какое количество продовольствия в день получали военнослужащие. Этот вопрос подробно раскрывается в дневнике. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что это не абсолютная истина для всех родов войск и всех фронтов.

Надо сразу сказать, что продовольственные нормы для военнослужащих были выше, чем для гражданского населения. Но из дневника видно, какую физически тяжелую работу в экстремальных условиях приходилось выполнять Б. Корсакову. Молодому организму при такой активной работе питания катастрофически не хватает. И очень драматичны моменты, когда автор пытается сам себя уговорить не напрягаться, не суетиться, жить как все: экономить силы. Но у него это не получается — добросовестное и ответственное исполнение обязанностей не позволяет такой роскоши.

Несмотря на то, что в дневнике основное внимание уделяется

описанию службы и быта на территории части, автор имеет возможность передвигаться по городу, видеть все ужасы блокады, и он понимает, что положение мирного населения гораздо хуже. В воспоминаниях автор честно признаёт: «В блокадной жизни мы не участвовали, но наблюдали».

Бытует устоявшийся штамп: «Население получало продовольствие по карточкам». На самом деле это не совсем верно. Товарно-денежные отношения во время войны никто не отменял: население не получало, а выкупало положенные по карточкам продукты питания.

В дневнике затрагивается ещё малоизученная и почти неизвестная широкой общественности тема; сколько стоили продукты в блокадном Ленинграде? Автор часто приводит цену того или иного продукта, купленного на «чёрном» рынке. Но, не зная уровень заработной платы у населения, размер денежного довольствия у военнослужащих, цен в государственных магазинах и на «чёрных» рынках, нельзя сделать выводы о том, насколько это дорого или дешево.

Попробуем вкратце прояснить этот вопрос.

По нормам денежного довольствия военнослужащих на период боевых действий, оклад Б. Корсакова должен был составлять 700–750 рублей в месяц. Кроме того, существовали поощрения: «За быстрый и качественный восстановительный ремонт личный состав походных авиаремонтных мастерских премировался денежной наградой в размере 500 рублей за каждый восстановленный самолёт» и «Тех. состав, обслуживающий самолёты, получал денежную награду в размере 3000 рублей при условии безотказной работы мат. части и при отсутствии её невыходов в полёт за каждые 100 самолёто-вылетов». (из Приказа Верховного Главнокомандующего «О порядке вознаграждения лётного состава Военно-Воздушных сил Красной Армии за хорошую боевую работу и мерах борьбы со скрытым дезертирством среди отдельных лётчиков» № 0299 от 19 августа 1941 года). В своей автобиографии 1943 года автор пишет: «Участвовал в польской компании 1939 г., в финской войне, участвую в Отечественной войне с 1941 г., с 22 июня. Обслужил около 500 боевых вылетов».

Для сравнения: солдат получал 15 рублей, майор — 1100, генерал-майор — 2500, в то время как оклады гражданских служащих были примерно такие: дворник — 150–180 рублей, секретарь-машинистка — 250–300, учитель — 350–400, водитель грузовой машины — 450–500, инженер мог получать от 450 до 700 рублей.

Надо сказать, что в Советском Союзе служба в Вооружённых силах считалась престижной и оплачивалась в среднем выше, чем получали представители гражданских профессий. Кроме того, военнослужащие получали вещевое и продовольственное довольствие. То есть, за обеды в столовой части автору не приходилось платить. Офицер вполне мог содержать семью (если она была) и помогать родителям. Автор отсылал часть своего денежного довольствия родителям, о чём и упоминает в дневнике: «Родители... получили аттестат».

Для того, чтобы можно было сравнить, перечислю цены на продукты питания в то время: килограмм ржаного хлеба в магазине стоил 1 рубль 20 копеек (исходя из этого, можно посчитать, стоимость 125 граммов хлеба), в магазинах «Военторга» хлеб стоил дешевле — 1 рубль. Проезд в трамвае составлял 15 копеек, газета «Ленинградская правда» стоила 15 копеек. Надо сказать, что цены в государственных магазинах и магазинах системы «Военторга» были фиксированными и значительно не изменялись во время войны. Мыло стоило 1,20–1,30 рубля, папиросы «Казбек» — 3,15 (едва ли не самые дорогие), водка (50 градусов, 0,5 литра) — 11,40, конфеты шоколадные — 20, колбаса «Краковская» — 17,50.

Исходя из приведенных цифр, можно сделать выводы о том, насколько высокими были цены на «черном» рынке, которые приводит автор в своём дневнике. И что уж говорить о покупательной способности населения, если даже для военнослужащего эти цены были высоки. Во многих дневниках и воспоминаниях прослеживается мысль, что деньги обесценились: на них можно было что-то купить по карточкам в магазинах, а больше ничего в учреждениях государственной торговли не было. На «чёрном» рынке пользовался популярностью натуральный обмен: продукты меняли на драгоценности, антиквариат и т. д.

Дневник интересен ещё и тем, что, помимо подробного описания жизни в осаждённом Ленинграде, даёт возможность узнать и сравнить условия жизни на Большой земле, где тоже было не сладко, но эти условия не шли ни в какое сравнение с ужасами блокады. Здесь уже можно было купить молоко и другие продукты, автор имел возможность, помимо положенного питания, покупать за очень небольшие деньги дополнительные порции. Б. Корсаков и здесь приводит цены, сравнивает их с ленинградскими, особенный шок у него вызывает коза на рынке стоимостью 4500 рублей. Постепенно улучшенное питание и силы молодого организма дела-

ют своё дело — у автора возрождается интерес к полноценной жизни. И в этой жизни уже есть возможность и, главное, желание посещать кинотеатры, лекции, библиотеки, танцы...

Надо сказать, что почерк автора не каллиграфический, кроме того, часть дневника написана карандашом, и карандашные записи частично стёрлись и трудночитаемы. Часть слов и даже предложений не удалось прочитать или расшифровать, и такие места помечены символом «*****». Создатели книги постарались сохранить особенности орфографии и правописания, которые использовались автором и были приняты в то время.

Безумно жаль, что до нашего времени сохранилась всего лишь одна тетрадь. Ведь трудно предположить, что автор вёл дневник только в этот период своей жизни и больше ничего не написал. По словам дочери, Ирины Борисовны Корсаковой, он начал делать записи в дневнике ещё во время советско-финской войны.

В данной книге, помимо самого дневника, приведены две автобиографии Б. Е. Корсакова: одна написана в марте 1943 года, а вторая — по настоянию дочери — в феврале 2005 года. И это уже даже не автобиография в узком понимании данного слова, а, скорее, история семьи, рассуждения о жизни умудрённого человека — преподавателя, учёного.

Кроме того, здесь приведён рассказ о судьбах четырёх друзей, окончивших школу в городе Вытегре Вологодской области. Они прожили трудную, насыщенную жизнь, в которой многого добились. Пройдя через все испытания, четверо обычных деревенских друзей-мальчишек из глубинки, дети крестьян, конюхов и прачек «выбились в большие люди», стали преподавателями, ректорами, профессорами сложных технических вузов и, несмотря на то, что жизнь их раскидала не то, что по разным городам, а по разным странам, пронесли настоящую, крепкую мужскую дружбу.

Мы живём в странное время, когда тиражом в 11 миллионов экземпляров выходят «труды» изменника Родины Резуна (цинично взявшего псевдоним Виктор Суворов), когда в библиотеках и книжных магазинах легче найти изданные большими тиражами дневники и воспоминания солдат и офицеров Вермахта, чем подлинные свидетельства наших бойцов — в современной «рыночной» жизни это «неперспективные коммерческие проекты». Мне известно немало случаев, когда блокадники на свою «повышенную» пенсию сами издавали свои воспоминания о жизни в осаждённом

Ленинграде мизерными тиражами в 100 экземпляров. Неудивительно, что эта живая правда почти не доходит до широкой публики и доступна лишь специалистам. Зато целенаправленно вбивается в голову мысль, что немецкие солдаты не виноваты, они лишь выполняли приказ... Даже иногда хочется пожалеть их, несчастных. Но **мы** должны знать и помнить, **что творили** в своём счастливом неведении эти «белокурые бестии» на нашей земле. Помнить, что победили эту первоклассную армию, несмотря на все невзгоды, не мифические русские богатыри, а простые воины, добросовестно и с достоинством несшие свою службу, такие как Борис Корсаков.

Выражаем благодарность за предоставленные фотоматериалы из семейных архивов Яковлевой Екатерине Михайловне, Лантратовым Наталии Михайловне и Владимиру Михайловичу и Кузнецову Александру Васильевичу.

За неоценимую помощь в создании научного комментария и аннотаций к авиационно-технической терминологии выражаем искреннюю благодарность историку военной авиации, преподавателю, руководителю реставрационных мастерских Санкт-Петербургского университета гражданской авиации Михаилу Филипповичу Кужиму.

Низкий поклон Ирине Борисовне Корсаковой за бесценный дар фондам Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда — комплекс документов военного времени отца — Бориса Ефимовича Корсакова — и за огромную помощь в издании данной книги.

*Заведующий
Научно-выставочным отделом
Государственного мемориального музея
обороны и блокады Ленинграда
Д.Г. Сотчихин*

Автобиография

гвардии техника-лейтенанта

Корсакова Бориса Ефимовича

[авиамеханика 28 ГИАП — зачёркнуто]

Родился в 1918 году в городе Вытегре Олонецкой губернии, ныне Вологодской области. До Октябрьской революции отец, Ефим Захарович, работал конюхом обоза фирмы «Громов и К*», мать, Гликерия Ивановна, была прачкой там же. После Октябрьской революции отец стал работать конюхом обоза при тресте «Севзаплес», мать, потеряв здоровье в прачечной, стала вести домашнее хозяйство.

[Зачёркнуто: «Сейчас родители живут в Вытегре». Сверху более поздняя запись: «Мать умерла в начале 1945».] Отец работает старшим конюхом обоза при техническом участке Наркомвода *[«хотя» — приписка сверху]*, ему *[«69 лет» — зачёркнуто]* уже 72 года. *[Зачёркнуто: «Мать — домохозяйка, ей 60 лет».]* *[«Их» — зачёркнуто.]* Его адрес: Вологодская область, г. Вытегра, Краснофлотская. 7.

Брат Иван Ефимович, рождения 1902 года. Живёт самостоятельной семейной жизнью *[зачёркнуто «вот»]* уже много лет. Он имел звание *[«лейтенанта ***** в Минеральных водах» — зачёркнуто]* *[«майора юстиции» — дописано сверху]*. Во время Отечественной войны погиб в Армавире в звании военюриста 2 разряда, старый чекист, член ВКП (б).

Брат Александр Ефимович, 1906 года рождения, машинист паровоза, находился в заключении по уголовному делу (подделка трудового списка в 1934 *[«кажется» — зачёркнуто]* году). Подробностей преступления и изоляции виновного не знаю. В 1934 году переписка его с отцом прекратилась, и до 1941 года все близкие находились в абсолютном неведении относительно дальнейшей судьбы порочного родственника.

Только в 1941 году от б. жены узнали родители о естественной смерти сына в 1935 году в Забайкалье. Последний раз я видел Александра в 1930 году, когда он был в отпуске — с этого момента я знал его лишь по письмам к родителям. Связь с ним не имел, хотя интересовался его судьбой.

Брат Валентин Ефимович, 1922 года рождения, после окончания десятилетки в 1940 году ушел в армию и погиб под Белостоком в первые дни отечественной войны.

За границей родственников нет, связи не имею, сам за границей никогда не был.

Семейное положение — [*«холост» — зачеркнуто*] женат [*дописано другими чернилами*].

В 1926 году поступил в среднюю школу, где [*«затисался» — зачеркнуто*] поступил в пионерорганизацию. В 1934 году вступил в члены ВЛКСМ: был принят комсомольской организацией Вышегорской средней школы, которая и выдала билет № 174101.

В 1935 году окончил девятилетку и, сдав конкурсные испытания, поступил в Ленинградский индустриальный институт, где учился... один месяц.

Был принят в 1935 году по спецнабору ЦК ВЛКСМ в 1-е Ленинградское военное авиационно-техническое училище им. Ворошилова. Училище окончил 4 ноября 1938 году на «отлично», получив звание воентехника второго ранга.

Когда учился в средней школе, вёл общественную работу по школьному самоуправлению, был председателем ученического комитета, ответственным за учебно-производственный, культурно-массовый секторы, старостой технического кружка, драмкружка.

В военной школе работал в редколлегии стенгазеты, был агитатором, политинформатором.

В строевой части был два года членом Бюро ВЛКСМ. (В 1942 году механически выбыл из ВЛКСМ, потеряв в заблокированном Ленинграде комсомольский билет [*«в 1942 году механически выбыл из ВЛКСМ за неуплату чл. взносов, связанную с потерей комсомольского билета» — вариант, приписанный сверху*]. [*«Свой проступок загладил, готовлюсь к поступлению в партию большевиков» — всё зачеркнуто.*]) Вступил в канд. ВКП (б) в 1943 году в ВВА.

В 1940 году закончил курс института заочного обучения иностранным языкам в Ленинграде по классу английского языка и не закончил второй курс вследствие начала войны в 1941 году.

Никто из родных в Белой армии не служил, отец — ветеран, участник русско-японской войны 1903–1906 годах. На территории, занятой белыми и немцами не жил, т. к. не имел местом жительства эти районы; в плену у немцев не был.

Под судом не был. Из родных — кроме брата — был судим отец (по обвинению в порче государственной лошади), но вследствие ложного обвинения был оправдан.

С 1938 по февраль 1939 года служил авиатехником в 25-м ИАП. С февраля 1939 по сентябрь 1941 года служил в 7-м КИАП авиамехаником. С сентября 1941 по [*«настоящее время» — зачеркнуто*] март 1943 года служил в б. 153-м ИАП, теперь — 28-м Гвардейском истребительном авиаполку.

Участвовал в польской компании 1939 года, в финской войне, участвую в отечественной войне с 1941 года, с 22 июня. Обслужил около 500 боевых вылетов.

Ранений, увечий не имею. Награжден за отличное обслуживание боевых вылетов в войне против белофиннов медалью «За боевые заслуги». Имею медаль «За оборону Ленинграда».

17.03.43 Гвардии техник-лейтенант Б. Корсаков

*Мы вместе прибыли на фронт:
Я — техник, младший лейтенант,
Он в том же звании — пилот —
Такой же синий кант.*

*Я по ночам ему чинил
Мотор в любой мороз,
Одет с иголки майор,
Промаслен я насквозь...*

*В конце войны полковник он,
Да с Золотой Звездой.
На мне былой комбинезон
С медалечкой одной.*

*Победа скоро! Скоро мир!
Подходит май в цвету...
Пилю из жести, командир,
Холодную звезду.*

*Под целлулоид подвожу
Такой родной портрет,
С твоим сынишкою дружю
Уж столько мирных лет.*

*И, вспомнив грохот канонад,
Победу пригубя,
Я, техник, младший лейтенант,
Пью чарку за тебя...*

1980

Феликс Чуев, сборник «Вечный лётчик»

Дневник

Корсакова Бориса Ефимовича

19 января — 11 мая 1942 года

19 января 1942 года (сегодня крещение, говорят)

Вчера вечером я вдруг убедился, что чем меньше человек думает о еде, тем меньше он хочет есть, тем меньше, естественно, он страдает. Вчера я был на концерте, слушал артистов ансамбля Носова, наблюдал танцы, одним словом, моё внимание было отвлечено от того, о чем говорят всё время в землянке. И я не был голоден. После концерта я спешил спать, и к 12 я был в постели.

Майор Миронов вчера предложил летчикам устраивать в школе танцы. Он сказал, что сегодня можно устроить танцы, после можно будет дать кино. Давно не смотрел кино. Можно будет сходить послушать патефон и картину, тем более что это недалеко.

И вообще, не надо жить будущим всё время, а больше жить настоящим...

Да, вспомнил интересную подробность. Комиссар 174-го ШАБ¹ — ст. батальонный комиссар — играл на баяне, а сидевший около него Миронов время от времени давал ему откусывать по кусочку шоколад от плитки...

И странно, мне почему-то не хотелось шоколаду, меня лишь занимал вопрос, откуда их снабжают им?

Вчера же я видел как наши летуны употребляли Витамин С с глюкозой; конечно, им выдали не по одной.

Петр Кирсанов был днем вчера на слёте истребителей фашистов и рассказывал, как Тюркин (б. [бывший] директор Индустриального

¹ Штаб авиационного батальона.

ин-та [института] Петр Андреевич) раздевал Михайлова, зазнавшегося инициатора этого движения...

Дубовик и Петрин поговаривали, что Кирсанов уже имел в активе 300 гр. огненной воды. Кирсанов рассказывал, как в вихре вальса партнерша ст. бат. [батальонного] комиссара, певица музыкальной Скопа-Родионова упала в обморок, вероятно, от слабого питания...

Да, в 18.30 было построение. Строил адъютант. Техников построил, а мотористов — нет. Послал за ними адъютант посыльного — в/г 2 р.² Блинова (вот где авторитет ст. командира — у этих ослов вроде адъютанта).

Вдруг подъезжает трехтонка³ Дайнеко. Все идут грузить № 116⁴. 116-й вытащили из ДОТа⁵, погрузили, отправили⁶.

Копылов собрал кое-кого и успел зачитать 3 информационных бюллетеня⁷.

Идем на выверку движухи 45⁸. Карпухин вырулил её. Идём, подняли.

Лобанов кричит, чтоб отставили, т. к. получено б. [боевое] задание⁹.

В 10.30 Карпухин вылетел на разведку. Посмотрел ДОТ. Греемсы.

У Корнева валенки требуют ремонта. Иванов — сапожник — сегодня должен приехать из города, где он хоронит сына и дядю. Даю Корневу свои валенки, а сам буду в сапогах.

² Воентехник 2-го ранга, соответствует званию лейтенанта.

³ ЗиС-5, бортовой грузовик грузоподъемностью 3 тонны, часто на него грузили намного больше.

⁴ Здесь и далее — последние цифры серийного номера ремонтируемого самолета, который присвоен заводом-изготовителем.

⁵ Долговременная огневая точка (иногда — долговременная оборонительная точка).

⁶ Речь идёт о погрузке в ЗиС-5 самолёта с отстыкованными консолями крыла. Такой способ широко практиковался для доставки неисправной матчасти к месту капремонта.

⁷ Речь идёт о заводских бюллетенях, о доработках какой-либо системы по самолёту или двигателю. Завод шлёт такие бюллетени в войска, т. е. руководству ВВС КА или КБФ, а уже оттуда Главным инженером ВВС КА они рассылаются в воздушные армии, дивизии и полки. Таких бюллетеней было много, с ними в обязательном порядке должны были знакомить технический состав и отчитываться об их выполнении.

⁸ Опробование двигателя на самолёте. Эта процедура обязательна после замены двигателя, выполнения на нём очередной формы регламентных работ, а также по замечаниям лётного состава. Синонимы: «газовка», «гонка», «проба» и т. п.

⁹ Видимо, на 45-м (здесь и далее — это последние цифры серийного номера ремонтируемого самолёта, который присвоен заводом-изготовителем — см. п.4.) поменяли двигатель, но обстоятельства вынудили со-вместить облёт с боевым заданием.

Карпухин вернулся не более как через 35 мин: жалуется, что не горит огонь уборки левой ноги¹⁰.

Виктор зарулил на место выверки движухи.

Подняли хвост, и я ушёл греть ноги (на тележку для ролика костыльного колеса надо подкладывать кирпич).

Адъютант стреляет закурить и носится с расписанием.

Витьке дал надфиль для финки, которую он делает в ПАРМЕ¹¹ днём, в свободное от дежурства время.

Пилипенко точит пилу — он три года был на лесозаготовках, по его словам.

Пришел Копылов и предложил мне сходить и проверить шасси 45-го. Сидаша нет.

Говорит, возьми у кого-нибудь валенки. Я хочу в сапогах, он протестует. Беру у Паршакова дрянные чёсанцы¹², которые у него погорели. Иду к Корневу.

Он хочет отсоединить костыль. Я говорю: «Подожди». Проверяем шасси, всё нормально, костыль не отсоединяем.

Спросил у Николая, закрыл ли он пробку и, думая, что все нормально, пошёл в землянку за людьми.

Да, пришел в землянку, и мне дали плитку витамина С, который тут же уничтожил. Копылов хочет дочитать бюллетени, но входит командир и ищет Сидаша. Он ещё не приходил, посылает за ним Паршакова (наверное, вместе пили).

Оказывается, для машины Корнева нет масла, и срывается задание (а я думал, что всё в порядке, надо будет требовать). Опять будет ругань!

¹⁰ Датчик сигнализации уборки левого шасси. Речь идёт о неисправности сигнализации убранного положения левой стойки шасси. По инструкции с таким дефектом лётчик не имел права вылетать на боевое задание. Дефект весьма распространённый из-за отворачивания от вибрации нажимного молоточка на кронштейне замка убранного положения, а также из-за неисправности самого замка. Но на И-16 имелись стопоры на лебёдке уборки-выпуска шасси, фиксирующие замки в убранном положении; очевидно, у Карпухина даже замок не стопорился.

¹¹ Передвижная авиаремонтная мастерская, состоящая, как правило, из двух-трёх походных мастерских на базе шасси ЗиС-5 или ЗиС-6: в одном кузове располагались станки, в другом — верстаки, оборудование для сварки и т. п., в третьем — электростанция для питания всего вышеперечисленного.

¹² Обувь из волокна высшего сорта, получаемого после чесания (одна из разновидностей — валенки).

Копылов ушел на линейку¹³. А Кукса рассказывает про штурмовку Сиверку. Всё-таки немецкие летчики на ME-110 отчаянно штурмуют.

Были даже случаи, когда их машины на штурмовке сталкивались. Иванов и Морокин испробовали пилу — напилили дров.

Надо будет дать Корневу Иванова и не посылать его в ряд — единственная машина ведь.

Читаю книгу. Вдруг входит Копылов и объявляет: сегодня к вечеру 4-я машина должна быть расстыкована¹⁴.

Я пытаюсь скомбинировать так, чтобы Иванов был у Корнева, а Гапоцкий бы расстыковывал плоскости.

Никак нельзя: Иванов перекладывает у себя печь, а Лесиков в лётном общезитии выпускает газету.

Иду обедать. Столовую открывают ровно в 14 [часов], к этому времени есть довольно много ожидающих. Сегодня дежурит Максимов, и он строго выдерживает время.

Несмотря на то, что я вошёл не первым, я получил место и к 14.30 покушал. Суп со шкварками, клецками и пшеном. Котлеты со шпиком.

Витька L заболел — повышенная температура.

Я беру его валенки, раскладываю инструмент и приступаю к съёмке обтекателей в 14.50. Мокроус и еще механик пришли в 15.40.

К 17.30 обе плоскости лежат на земле. После снятия одной плоскости помощники имели перерыв, я же никуда не отходил от самолёта.

Задержал нас передний болт левой (первой) плоскости. Я снял его последним и долго не мог снять.

Подобный же болт другой плоскости сняли первым и очень удачно. Вообще, первую плоскость дольше снимали.

Да, болты силовой тяги [надо] ставить сверху вниз, удобно шплинтовать¹⁵ и вообще ставить. Отверстия болтов лонжеро-

¹³ Стоянка самолётов. Профессиональные речевые обороты: «на линейке», «ушёл на линейку» и т. п.

¹⁴ Имеется в виду подготовка к отправке: отстыкованы и уложены в ложементы плоскости, винт, рули и т. п. (при необходимости).

¹⁵ закреплять какую-либо деталь шплинтом. Шплинт — металлическое упругое крепление, изготавливаемое в виде проволочного стержня полукруглого сечения, согнутого пополам с образованием ушка в месте сгиба. Применяется для скрепления слабо нагруженных деталей либо для предотвращения самоотвинчивания гаек. Для установки шплинта его вставляют в предназначенное для него сквозное отверстие, после чего загибают концы.

на¹⁶ лучше располагать вертикально, если это возможно.

После работы перешел воротничок, постирал старый, побрился, оделся и к 19.50 подготовился; ужин: пшено и котлета — вкусно! Хотел выпить 2 стакана чая, но это было бы так себе, поэтому выпил один, но зато исключительно сладкий.

Пошёл в школу. Там ждут кино «Вал. [Валерий] Чкалов». Наши лётчики лечат радиолу. Я слушал электропатефон.

В 20.40 зашел к Лёльке. Бельё не стиралось ещё. Мне оставалось сухо проститься и уйти.

Витька тяжело спит. № 45 сегодня греет Дахно¹⁷.

На улице снег с северным ветром: почти метель.

Витьке кто-то из мотористов принёс ужин, наверное, Цапович, я присылал его.

Почитаю газету, книгу — и спать. Завтра надо будет продумать, в чём ехать. Лучше всего, мне кажется, ехать в шинели, ватных брюках, телогрейке, без лишнего белья на груди, с полевой сумкой для остатка пайка, в валенках на носок и портянку.

Да, завтра [нужно] всё прибрать в машину, накачать правый пневматик¹⁸, взять баллон и кусок шланга в сумку.

Да, как быть с записями, когда уйду? Беру тетрадь с собой.

20 января 1942 года

Сегодня сильный мороз с ветром.

Подъём в 6.30. К 8.20 уже позавтракал: пшено с котлетой. Аня подала мне сахарный песок и подмочила, поэтому пришлось съесть всё с двумя стаканами чая. Завтрака сегодня не почувствовал.

Витьке вчера Цапович приносил ужин. Сегодня он выздоровел, и я вынудил его пойти самого.

¹⁶ Основной силовой элемент конструкции многих инженерных сооружений (самолетов, автомобилей, вагонов, мостов, кораблей и др.), располагающийся по длине конструкции. У самолетов лонжероны совместно со стрингерами образуют продольный набор каркаса крыльев, фюзеляжа, оперения, рулей и элеронов.

¹⁷ В холодное время суток при отсутствии тёплых ангаров требовалось периодически прогревать двигатель, чтобы самолёт постоянно был готов к вылету. Практика не лучшая, т. к. расходовались дефицитный моторесурс и горючее, но иного выхода, по-видимому, не было.

¹⁸ Речь идёт о подкачке покрышки правого колеса.

Подняли хвост после построения организованно (для слива бензина). Красновский обрадовал тем что, ещё 4 машины будем принимать с Р. Б.¹⁹

Зачем сдавать тогда инструмент, если ещё принимать машины? Куксе было жаль торцевого шарнирного ключа на 11 мм²⁰ Кольке Лебедеву.

Да, разочарование с этими машинами...

Когда поеду с 77-м в город, надо будет в сумку положить плоскогубцы и отвёртку.

Сегодня 2 И-16 и ЛАГ летят в освобождённые ***** и будут действовать с той стороны.

С Ивановым уложили мелкое барахло в фюзеляж, и дал указание накачать колеса.

Шилкин еще не уехал: болеет на дому.

Около 12 часов Карпов сообщает, что заморозил машину при $t = -28$. Мороз стоял с 4 1/2 до 11.

Tant²¹ — сразу на 100, а масло — нулики и даже меньше. Теперь вопрос: радиатор или крыльчатки помпы?

Нанесли печек, сняли ***** , греем радиатор.

Всё обошлось ничего — к 14 машина готова (прихватило радиатор). Трубицин приказал греть через 3 часа.

Обед в 15.15: суп с мяском, пшеном, черной лапшой; котлета с пшеном и подливой, хлеб 200 (сырой).

После обеда время идёт довольно быстро. Вот вошёл Иванов, и я дал ему категорическое приказание выкачать бензин из № 77.

Потом мне пришло в голову проверить это, и, несмотря на то что Корнев был на обеде, а я заменял его, я вышел к машине. Да Б. S.²² стоял, бензин выкачивался.

Я налил красного бензина (теперь применяем какой-то синий бензин)²³ и асбестом с бензином почистил валенки.

¹⁹ Ремонтная база.

²⁰ Речь идёт о специальном ключе с карданным шарниром, который применяется для сборки-разборки самолётов; он входит в состав группового комплекта на 5 или 10 самолётов, поэтому часто «уходит» в чьи-нибудь руки или хранится в ПАРМе. Возмущение автора объяснимо: прибывшие машины надо собирать и готовить как можно быстрее, т. к. существовал риск срыва боеготовности части.

²¹ Обороты.

²² Бензозаправщик. Слив бензина из баков самолёта осуществлялся насосом бензозаправщика.

²³ В этилированный бензин добавлялся краситель: так, например, Б-95 имел синий цвет, Б-100 - зелёный, Б-130 – красный.

Поставили корзинку с Ивановым и сняли с помощью людей машинку с хвостового козелка²⁴.

Вскоре (в 16.10) внесли газеты, потом Симушин объявил, что в 17.30 в школе лётно-технический состав собирает новый командующий ВВС 23 полковник Селезнев, тот самый, которому докладывал Корнев о замораживании мотора. (Слова Миронова: «Фокусники, что вы делаете?»)

Я пришёл, поговорил с Костиковым, Камериловым, Дубовиком, Никитиным. Меня все сторонятся — пахнет бензином. Объясняя: облился. Лобанов гонит к печке.

Иду, входит командующий и гонит всех от печки.

Он *****, в фуражке, бурках, с боевым орденом, брит.

Что полезного я услышал? Т. к. Селезнев вызывал каждого, то я немного познакомился с личным составом.

Узнал, что за медлительность Перетрухин перевел Кецо в мотористы — в/т 1-го ранга (Кецо). Это недолго зимой.

Ну да ничего страшного в этом нет, всё-таки он остается в/т 1-го ранга²⁵! Только бы скорей прошли январь и февраль в этой неразберихе!

Скоро ужин, зашёл к Кеше, поужинал в первую очередь (к 7.45 — на 15 мин. ужин запоздал из-за света). Сегодня рагу с пшеном. Ничего.

Как пришёл — сразу поспал с 8 до 11. Встал, положил валенки сушиться, почистил, сделал записи.

Ещё читаю и... спать. Ночью дежурят Дахно и мой Иванов²⁶.

²⁴ Обиходное название подъёмника. На самолёт полагалось 3 шт.: два — под плоскости, один — под хвостовую опору (колесо или костыль).

²⁵ Военный техник 1-го ранга, соответствует званию старшего лейтенанта.

²⁶ В состав технического экипажа входили техник самолёта (офицер), механик по самолёту и двигателю и механик по авиационному оборудованию (оба — сержантский или старшинский состав). Механики по вооружению, радио- и спецоборудованию, как правило, обслуживали два-три самолёта звена. Техник самолёта подчинялся по службе технику (инженеру) звена, а тот — инженеру полка, т. е. заместителю командира полка по ИАС — инженерно-авиационной службе, который имел звание военинженера 2-го или 1-го ранга (соответствует званию майора или подполковника).

21 января 1942 года

Подъём в 6.30. Сегодня с Блинчиком дежури́м.

Но он болен, поэтому пол подметаю я.

Интересно, должно быть, было посмотреть на меня, когда я подметал: растрёпан, в нижнем белье и в сапогах с метёлкой ходил я по землянке и собирал мусор в печь.

В столовую ходил в сапогах. Сегодня темно и было трудно разоб-
раться, что подано: греча с котлетой, чай с сах. [сахарным] песком (50 гр.). Вода идет по 1 стакану. К 8.00 покушал. Кукса, Паршаков берут на весь день. Кукса уже готов к отъезду: он в комбинезоне Баранова, который отныне принадлежит Сидашу.

Пришёл из столовой — ноги еле отогрел. С утра сегодня приличный морозец.

Копылов позвал на построение в 8.30.

После построения хотели читать бюллетень, но приехал Дайнеко и погрузили 97-ю.

После все пошло самотеком. Я валялся в койке, читал книгу об американской разведке до 12 ч. Потом пошёл в строевой отдел, взял командировочное (вылетел на 45-м Милехин), пошел в БАО²⁷ за аттестатом. К обеду имел в руках аттестат, но без печати.

Обед плохой: суп на мясном отваре с пшеном, греча с котлетой, хлеба сырого — 200 гр. К 15 часам пообедал.

Зашел в ПАРМ, взял выхл [отной] патрубков, поставил в 48-м БАО печать на аттестат — не без ожидания!

Островский стрижет и бреет техников.

С Блиновым заготовил немного дров, 45-я перерулила в ДОТ 97, Трубицын вернулся без машины (65), отморозил щеку на У-2.

Подписался на вещевую лотерею — 300 рублей, для родины мне ничего не жаль!

К 7.30 я с В. Никитиным ужинаем, Вася признал, что в СУУР мы жили не так, как надо было жить. Я отдал дежурному заявку на завтрак завтра. Ужин окончил к 7.45 — греча, гуляш (котлеты лучше), и опять хлеб плохо выпечен, опять нет воды, и поэтому один стакан чаю. Сегодняшнее содержание мне не нравится. Болтают о надбавке, но не нам.

В 8.00 в школе траурный митинг, кино. Не иду, отговариваясь оформлением документов.

²⁷ Батальон аэродромного обслуживания авиации.

Приготовляю себя к поездке. Сейчас прилягу, потом постираю воротник, платок, почитаю — и спать.

22 января 1942 года

Подъём в 6.30. Я не тороплюсь вставать, т.к. первой пойдёт машина Сергиенко (65): он вдруг выздоровел.

С Ивановым поссорился из-за воды, т.к. вчера принес воды, а самому умыться утром нечем (это хорошо, что я умылся вечером). Тем не менее воды хватило, и я умылся. Одел приготовленное чистое бельё (кальсоны простые и егерское бельё). Одел сапоги (в столовой может быть сыро) и телогрейку.

Всё-таки не вытерпел, пошёл и к 9.20 покушал. В столовой темно. Я отдал талоны, попросил, чтоб мне дали 500 гр. хлеба в одном куске. Сначала Аня — мечта (сорванец, скорее, назвал бы её я) — подала ячневый суп. Я подождал, пока она мне принесет второе. Она предлагает мне вместе, но я настаиваю на том, чтобы дали отдельно. Получаю отдельно. Котлеты (3) заворачиваю, три гарнира сваливаю в суп и съедаю со 100 гр. хлеба. Оставшийся хлеб (400 гр.) разделяю пополам, снабжаю каждый куском масла и заворачиваю в газету. Выпиваю 2 стакана чаю (из-за недостатка воды дают только по стакану чая!) с сахарным песком. Большую часть песка завертываю с хлебом. Все это засовываю в полевую сумку...

Когда пришёл, построение уже было. Прилёг отдохнуть. Приехал Серёгин за 67-й. Машину погрузили и вскоре отправили.

Я отдыхаю перед отъездом, приготовив ящик с болтами, гайками, противогаз, шинель с подстёжкой, сумку, рукавицы (сначала хотел взять Шубина, но потом выбор остановился на шерстяных, взятых у Симушина, и кожаных своих).

Позняков чистит от сажи трубу времянки, Поляков ремонтирует трубу другой печки. Между прочим, Поляков выставил меня перед завтраком заметать следы ночных испражнений перед землянкой.

Позняков, хотя и ворчит, что он младший, и его вечно заставляют всё делать, размачивает глину и замазывает дыры в печке, соединениях труб.

Входит Поляков и даёт мне последние инструкции (он любит это!), чтоб я укомплектовал самолет. Завязал хорошо чехол, подвязал все трубки и т. д.

Спрашиваю его насчет винта. Решаем взять кок и полукок с винтами. Полукок с диафрагмой беру у Сергиенко в ДОТе, кок — в каштерке (или наоборот, кажется).

Время идёт к обеду.

Приехал Дайнеко. Быстро грузим и в 13.15 трогаем — оставляем винт и плоскости.

Остановились у Дайнеко, ждем, когда он пообедаст. Это он сделал быстро и вскоре пришел в сопровождении жены. Выехали от дома № 7 (Макеева) в 13.35.

Ровно через 10 мин. быстрого хода в Вартемяках услышали стук в моторе: разрушился поршень компрессора²⁸. Поедем без компрессора.

При въезде в Парголово путь преграждают 3 трактора — задержались, т. к. самолет занесло в снег. Нас спасает то, что самолет без мотора, и мы удачно его кантуем.

Остановка у штаба дивизии.

К нам садятся майор и большой красноармеец. Теперь мне ехать хуже — дует в спину. До этого я был укрыт вместе с пом. [помощником] шофёра. Теперь же нас разделяет майор. Хотел проверить документы, но не стал.

Приехали к 4. Быстро сбросили капоты, хвост. С Дайнеко едет Самсонов. Он держит новый рюкзак. Говорит, что купил на ул. 3 июля²⁹, вероятно, — в Гостином [Дворе]. Надо будет и мне купить!

Сергиенко — порядочная сволочь. Он сбросил машину и уехал обратно, ссылаясь, на то, что без аттестата. А Куликов ходит как тень. Его нельзя посылать в Ленинград, т. к. он урезает себя в питании, отдавал много своей семье...

С места в карьер — за работу. Я беру свою сумку. Таскаем плоскости — 6 или 8 штук!

Нас немного: Григорьев, Куликов, Меев, Кукса, Паршаков. Всё же тяжело. Они здесь получают уже 600, а бойцы — 400.

Потом завели в цех (холодный теперь, уборные запущены, везде опустение: нескоро вернутся в строй эти МИГи) 67, 77, я снял часы АВР (упрут!) внес капоты, внес ящик с пулемётами (в дороге он был нам сиденьем). Теперь мне надо ходить: стройотдел, продот-

²⁸ Вартемяки — деревня Агалатовского сельского поселения Всеволожского района Ленинградской области. В эпизоде идёт речь о разрушении поршня на компрессоре для подкачки шин: на ЗиС-5 такой компрессор стоял штатно.

²⁹ Садовая улица.

дел, комендант. Выхожу из завода — не выпускают; «Почему нет пропуска?» Я объясняю, что выехал так. Почему?

В стройотделе отмечают командировочные, и дают резолюцию поставить на учёт. Захожу к коменданту в № 5, но его там нет. Вижу знакомую официантку.

Выписываю пропуск. Иду в завод, сдаю аттестат, получаю до конца месяца талоны.

Теперь мне надо сходить в столовую, поесть свои продукты и потом думать о ночлеге.

Столовая: я раньше кушал там, поэтому пошёл к парадной. Часовой пытался вернуть меня с пропуском, чтоб я отметился в производстве.

Оказывается, вход в столовую — через завод.

Встречаю Кецо, он направляет меня в команду к Сашке Григорьеву. Спрашиваю Кецо о ночлеге — он живет где-то в яслях, не брит и не умывается, видимо.

Команда во 2-м этаже. Вхожу: темноту пронизывают тусклые огоньки светильников почти на всех тумбочках (я бы назвал их лампадами) из смеси скипидара, масла, керосина. Саша у печки только что вскипятил котелок воды и собирается пить чай: он получает [его] сухим на 2 дня. Я видел, как он отрезал хлеб от завтрашней порции. Здесь живут рабочие, переведённые на казарменное положение. Среди них вижу Васю из ПАРМа. Раздеваюсь, съедаю 3 котлеты, хлеб. Пью из Васиной кружки кипятка с хлебом, маслом, песком. Наелся.

Отдаю поддевку, противогаз, ватные брюки Васе Нуждину (легко ходить по городу).

Обманывая старшину, получаю койку. Ложусь рано, много раз просыпаюсь. Спать тепло.

Чистые простыни, порядок. Можно купить валенки. И нет начальства. Чем плохо?!

23 января 1942 года

Да, вчера видел траурные флаги в городе.
Трамваи не ходят. Свет есть только днём, и то не везде.

В РБ № 2 работают только при дневном свете, в нетопленных цехах. Вася спросил у меня казанок. Можно печь хорошие блины! Учень.

Кукса собирается уехать домой, взяв здесь завтрак (300 гр.), вчера уже оформился.

Подъём в 7.00. Завтрак должен быть в 7–9 [часов]. Но он ещё не готов. Будет готов к 9.30, 10, а может быть, и ещё позднее. Я уже голоден и жду завтрак. Пугает то, что чаю, наверное, не будет: воды мало и пару нет. Сахар дают на 2 дня, питание — 2 раза в день: завтрак и обед с 4 до 8 или 9 вечера.

Чай только в завтрак: первое, второе; обед — то же самое.

Когда вернусь домой, не знаю.

Это оживленнее, чем у нас в Касимово³⁰, жизнь [здесь] больше мне нравится, чем в полку.

Увидим, что будет дальше... Глупцом буду, если не зайду в магазин, не зайду в кино, театр (хоть в кино). Стесняться, что война, не следует, я думаю.

А на ношение противогаза идёт второе — не буду носить...

Еле дождался завтрака. Около 10 часов я был в столовой. Холодно (я в шинели и синих брюках). Встречаю в столовой Марка Запольского, прибориста. В первых же словах он выражает желание пойти в часть. Лепеш, Чукардин и ещё другие... Все они ходят со своими котелками, ложками. Мне пришлось подождать тарелки, ложку.

Подают 300 [гр.] хлеба, вкусного, как булка, суп пшеничный (вода, т. к. мяса нет, постный), жидкий, и каши размазал — меньше, чем в Касимово.

Нам полагается по категории 10–5:

мяса — 250 [гр.], жира — 24 [гр.] (или мяса — 48 [гр.]), масла сливочного — 30 [гр.], сахара — 50 [гр.], крупы пшено — 200 [гр.], мука — 20 [гр.], хлеба — 600 [гр.], чая — 1 [гр.], соли — 30 [гр.].

Григорьев говорит, что выгодно получать именно так, сухим. Да и я сам убедился в этом.

Чаю сегодня нет даже в завтрак. Здесь сахар (песок) дают сразу на 2 дня. Выдача была вчера, стало быть, сегодня я должен полу-

³⁰ Деревня во Всеволожском районе Ленинградской области, входит в состав Агалатовского сельского поселения.

чить за 1 день. Спросил у начпрода в овощном отделе — отправил к служащей в продотделе, чтоб выписала накладной.

С Марком иду и сдаю часы АВР, аккумулятор, вооружение и организацию приёмку приборов, оборудования. С Сорокиным, который договаривается с Паршаковым, договариваюсь насчет приемки 77-й, но он не принимает, говоря, что без плоскостей не принимаем.

Оставил ему ящик с болтами и ушёл в город. Живу в команде, и здесь тоже один разговор: о питании, о том, как нас объедают, обманывают...

Оказывается, Шварц получил 10 лет за хищения. Они собирали овощи бесплатно и давали их нам, а все крупы, которые полагались, заготавливали на сторону.

Выписал накладную на сахар, но не подписал начпрод, и нет кладовщика.

Сейчас 12 [часов]. Решаю идти до Гостиного [Двора] и купить рюкзак. Но т.к. страшно холодно, то дошел с Марком до Ферзина пер.³¹ (квартира его — 36-я), где к 3 часам мы приготовили суп пшённый со шпиком, кашу пшённую. До того как приготовить, мы съели по 100 гр. хлеба со шпиком (напрасно, хлеб пригодился бы).

Сначала я не мог у него согреться, а потом, когда растопили времянку, стало ничего.

Вообще, Ленинград — город времянок. Город запускается, испражняются везде, даже в здании управления завода на площадках лестниц; у домов, на улицах валяются замёрзшие и занесённые снегом трупы...

Просматриваю журналы «Огонёк», «Техника молодёжи», Flight, читаю статью Ч. Чаплина о себе.

С аппетитом кушаем обед — это завтрашний сухой паёк Марка. Он боится, что его снимут с пайка, оставят при базе. Ему не дают никакой одежды — он даже в сапогах и шинель то докупил. Усы, однако, он сбрил. После обеда беру в карман ложку, идем в завод (обед с 16 [часов]). Берем пластинки, занесём к девочкам, у которых можно попить чаю с шоколадом.

Марк прав, говоря, что жизнь принимает ту фазу, что является настоящей борьбой за существование, что выживает сильнейший.

Комната малая, на 2 персоны, уютная, тёплая, хозяйку зовут Шурой, поговорили о Виипури³². Проиграли пару пластинок и пошли.

³¹ Теперь ул. Савушкина.

³² Финское название города Выборга.

Прошёл без пропуска, зашёл к Сашке, сообщил, что умерла сестра. Кукса уехал с Дайнекой.

Только к 6 [часам] я покушал (нет тарелок). По «бюджету» получают сырники из казеина³³. Нам их не дают (сырник стоит 30 руб., но он не сладкий).

Обед: суп пшённый, макароны с дневной порцией мяса, хлеб 300 [гр.]. После одного обеда это ещё ничего.

Марка переводят на бюджет. Пошел выяснять, я зашёл в команду. Он обещал зайти, и мы пойдём на чай к девочкам. Однако не зашёл.

Сегодня я ничего не пил, поэтому хочется пить, и воды нет. Нет, всё же лучше в части, я считаю.

Написал домой грустное письмо.

Сейчас 11 [часов] — лягу спать.

24 января 1942 года

Подъём в 7.00. Лежу, нежась, до 8.00.

Серый уже покушал сухой паек. К 9.00 покушал из котелка Нуждина Васи.

Сегодня тёплый суп с солониной, каша с солониной и солонина вместо масла, 300 [гр.] хлеба, 150 гр. песку (на 3 дня), чаю нет второй день.

Григорьев, Паршаков ушли пешком.

К 13 часам всё отгрузили, осталось сдать плоскость. Надо взять аттестат.

Сегодня хорошие известия — пущена Окт. [Октябрьская] дорога³⁴. Прибавили гражданским по 50 гр. (250 и 400).

Вот это — осталось немного, и задерживают меня. Плоскости не везут, о подписании акта речи быть не может — таков плачущий Сорокин.

³³ Органическое соединение из класса белковых веществ, продукт переработки молочной сыворотки, из него, в частности, изготовлялся столярный авиационный клей. Клей этот при правильном приготовлении был удивительно прочным: например, деревянные фюзеляжи И-16, МиГ-3, ЛаГГ-3 и Ла-5 склеивались этим клеем без единого гвоздя и шурупа. В условиях катастрофической нехватки продовольствия в блокированном Ленинграде казеин, после соответствующей переработки, использовался как добавка при изготовлении пищевых продуктов.

³⁴ Речь идёт об открытии движения по Ириновской ветке: от Финляндского вокзала до ст. Ладожское Озеро.

Так, ходил я пока что в продотдел, выписал сухой паек, получил его, выписал аттестат (обязательно с печатью и подписью начпрода).

К 16.00 я ждал в столовой обед с котелком и тарелкой. В столовой адски холодно. Входит Меев и говорит, что плоскости сгрузили. Значит, я могу все к завтра оформить, даже сегодня.

1/3 часть мяса, муку (20 гр.) отдал Васе Нуждину, т.к. места в сумке не было. Вася положил их в чемодан с замочком. При мне он стал варить кисель из клея, оставив чемодан прикрытым. При мне же произошел позорный случай — кража (это сосед Григорьева).

Одним словом, от 356 гр. мяса мне осталось грамм 200. С Сорокиным теперь надо оформить.

Обед: суп из солонины с пшеном, каша с куском солонины, кушочек чудного хлеба — 300 гр. Взял домой и кушал на тумбочке — приятно!

Пришлось съесть с дневной порцией сахара 1/3 завтрашнего хлеба. Ну, ничего!

Оказывается, Лебедев загнул, так сообщил мне Пилагин. И умер он из-за того, что все нес жене, теще, детям, не оставлял себе в такой момент почти ничего.

Сорокин заставил принести стыковые болты (все время плачет) и из-за одной гайки хотел прекратить приемку. Наконец, акт у меня в кармане.

Быть может, я пошел бы в тот же час (в 6), но мне не хотелось идти к Мар. Ив. (может быть, у них несчастье), потом неудобно будет варить, а на почте (Пионерская, 18) негде будет спать, варить.

Поэтому я решил переночевать в тепле, приготовить суп сегодня же. В Васькином котелке я принес из Невки воды (полный). Порезал мякоть, оставил кости и положил все это в воду (кости на дне). Вскипятил, прикрыв крышкой. Высыпал муку и 3 ложки крупы (пшено). Вскипятил. Соли не надо (солонина!). Теперь можно ложиться спать.

Утром разогреть, и можно кушать.

Здесь ребята жарят кости на печке и едят. Загоняют керосин за хлеб, кефир, какао. Получают из казеина сырники.

В городе появился сыпняк. 8 человек из команды попали вчера в госпиталь. Ночью прибыло пополнение: говорят, сильный мороз.

25 января 1942 года

Как жаль: сегодня выходной, а я здесь.

Встал в 6 [часов], подогрел суп, съел со 150 гр. [хлеба] — сыт. А когда сыт, хочется чай с печеньем.

Снился сон о доме, снился сон о том, что у меня отнимают суп, снился пожар на Красноярской, который я, однако, погасил.

Неужели сегодня в 18 [часов] не уеду?

Теперь и здесь будет орудовать военторг. Если раньше питались 2 раза, то теперь будут питаться ребята 3 раза в день. А это лучше. Вообще-то, в Касимово питание лучше. А здесь питание лучше, чем в первое время моего пребывания при Шварце.

Сейчас до рассвета через Невку пойду в город на Пионерскую, узнаю, потом пойду в центр с целью купить рюкзак, плед или что-нибудь, может быть, зайду в кино и потом... Уехать.

Как это у меня получится?

Я навьючен как мул: противогаз с котелком, сумка, пистолет.

Сейчас мороз с ветром (не поморозиться бы!). Видел вечером Людмилу Королеву. Она опустилась, схоронив мать, осталась одна.

Вышел из завода, спустился на Невку и вышел на Кировский. Нос прихватывает. Встречаю у мостика Меева.

Решил сначала пойти в район. Пионерская, 18. Машины ещё не было. От 48-го БАО ходит спец. [специальная] почтовая машина с экспедитором Маржан. Эта машина обычно приходит на почту к 5 [часам], т. к. именно в это время приходит почта. Кроме того, она часто развозит пакеты, возит поручения, но продовольственным — как, например, машина 39-го БАО и др. — не занимается. Многие экспедиторы ходят пешком. Здесь же получает почту 41-й БАО (парень из Муззвода), 2, 1, 3 РБ ЛФ, ПО и др. Сначала я ждал с 12 часов один, потом пришел большой боец автобата, потом Георгий — синоптик, врач, отсек 174-го ШАП³⁵.

Ожидание более чем томительное. Жду с 12 часов. Попытался выйти в город. Чёрт с ним, с рюкзаком, т. к. мороз слишком сильный. В тех районах, где я был, кино не работает — нет света.

Написал домой письмо, здесь же отправил его (казачное или простое — всё равно). Купил конвертов из хорошей бумаги.

Народу на нашу машину собралось много, а её все нет и нет.

17 часов: пришла почта, но газет нет.

³⁵ Штурмовой авиационный полк.

Маржан приехал только к 8. Теперь я повеселел, съел хлеб с сахарным песком, чтоб было теплей. Чувствую отъезд, т.к. Маржан должен съездить на пл. Урицкого³⁶, потом взять здесь почту и ехать.

Врач из лазарета в Агалатово торопится домой: он хочет «жрать», но при мне он съел после этих слов такую порцию съедобного, что её хватит на добрых 2 дня... А плачет человек!

Около 8 часов мы смогли выехать. Врач от ветра оделся сверху одеялом, я уткнулся от ветра в рукав лицом. Стараюсь не смотреть в сторону, чтоб машина быстрее поглощала расстояние. Хорошо, когда чувствуешь ход машины и чёткую работу мотора.

Остановка в Осиновой Роще, у 2 шлагбаумов. Около 10 часов — дома. Замёрзли ноги, руки, и сам немного.

На аэродроме ещё сильный мороз (ветер). Потом узнал, что мороз -36 °С. Надо было мне сразу забежать в стройотдел³⁷, как советовал писарь, а мне было холодно, да и я хотел сухим пайком получить (думал, что 600 [гр.]).

Пришёл в землянку — тусклый свет, т.к. нет аккумуляторов, зарядная не работает, свет излучает одна лишь переноска.

Пилипенко крутит патефон на койке Меева. На моей спит Сашка Паршаков с обмороженным носом. Ребята сообщают мне новость: завтра в 8.30 мне придется ехать в город.

Черт возьми, мне ещё не прийти в себя от этой дороги, а здесь ещё предстоит променады.

Стараясь не разбрасываться, готовлюсь в дорогу. Решил ехать в куртке, с маской, с сумкой, в которую помещу дневник, мыло, полотенце, инструмент, возьму ложку, котелок.

Сварил пшённую кашу и с аппетитом покушал. Без меня койку поразбросали, и мне пришлось её прибрать.

26 января 1942 года

Подъём в 6.30. Гриша дежурит, прогрел 45-ю — её будут доводить...

Одеваюсь и иду в БАО. Оставляю куртку в столовой. Долго ищущу писаря Румянцева. Из-за того что не отметился вчера в стройотделе, получаю сухой красноармейский паёк (400 [гр.] хлеба, 2 во-блы — 90 [гр.], 70 [гр.] масла, 35 [гр.] сахару; всего ничего).

³⁶ Дворцовая площадь.

³⁷ Строевой отдел, где фиксировалось убытие и прибытие личного состава части.

Зол на всех, зол на себя.

Забегал в столовую, выпил стакан чая с мерзлым хлебом и частью масла (в обед съел). Со мной кушает большой Тилкин.

Идут к лётному общежитию. Позняков взял на нас групповой аттестат. Красновский выписал командировочное на меня в БАО.

Инженер едет в Горскую. Его вызвали и гоняют за плохо укутанный аэродром. Машина довезет нас до Осиновой Рощи — там пешком.

Хорошо, что после 2-часового ожидания, комиссар Сорокин заставил довезти нас до города. Быстро мы доехали до Строганова моста³⁸, несмотря на то, что имели остановки для набора воды. С 12 до 14.30 мы ехали.

Красновский, Сидаш пошли вставать на довольствие в 41-й БАО. Никитин пошёл на аэродром. Мы пошли в РБ, где в 2 часа я съел остальное содержимое сумки. Остальное время мы держим банк³⁹. К 6 часам мы с Куксой получили талоны в 41-й БАО.

Куксе приказано найти Кецо. На аэродроме его нет. Он может быть в яслях (рядом с аэродромом, там, где была летная столовая). Но, быть может, он будет в столовой РБ около 16 часов.

Так оно и было, мы встретили его у аптеки. Сегодняшний вечер для меня — пытка. Я сижу на начсоставском пайке. К тому же съел его к 2 часам. Под сильным впечатлением написал домой письмо.

С нетерпением жду завтрака.

Делать нечего. Света нет — одни коптилки и тех недостает. Да и читать нечего.

Спать.

27 января 1942 года

Подъём в 7.00. Я немного еще нежусь в постели. Сейчас уже прошло невыносимое чувство голода, я спокойно и даже безразлично жду завтрака. Мне это знакомо, т. к. я бывал голоден более, чем двое суток. К 9 часам уже покушал: каша гречневая — 65 [гр.],

³⁸ Мост через Большую Невку, недалеко от территории Комендантского аэродрома и мастерских бывшего РБВЗ, где в советское время был организован завод № 23 «Красный лётчик», а в годы войны и блокады — ремонтная база ВВС. Ныне это Ушаковский мост.

³⁹ Либо речь идёт о карточной игре, либо фраза означает «мы банкуем», т. е. распоряжаемся собой и временем.

масло — 30 [гр.], сахарный песок — 35 [гр.], хлеб — 200 [гр.], кружка чаю. Мяса утром нет — это плохо.

В столовой не так уж светло и, главное, холодно. Красновский к 11 часам даёт указания по приемке машин. Мне досталась 3542-я с таким серийным дефектом, как трещина 5-й нервюры центроплана⁴⁰ (а света для сварки нет).

Больше отдыхаем, чем осматриваем. Температура -28°C , а к 2 часам — -25°C . С 13 часов Красновский и Сидаш уходят на аэродром. На обед приказано идти не ранее 15.40.

Сходил в строевой отдел, но командировочное некому отметить. Строго выдерживаю срок, и идем в столовую в 15.40. У арки встречаем Сидаша.

У булочной в саду драка: публика совершила нападение на повозку с хлебом (растачила около 150 кг). Я сам наблюдал эту сцену. Мы стояли в стороне группкой во главе с Красновским. Хлеб свежий, вкусный. Публика расхvatала его, и у того, кто схватил буханку, другие с дракой отнимают.

Это жуткая картина! Но есть люди, которые не сочувствуют этому. Отрадно, что их большинство. Они мирно стоят в очереди и ждут.

К 16.30 пообедал.

Прекрасный перловый суп (жирный), 125 [гр.] шпика с ячневой кашей, 200 гр. тяжелого хлеба. Обслуживает Аня. Говорил с обеими Дусями. У Дубовика родился от Маруси сын. Маруся не работает, живет в этом же доме, где столовая.

На обратном пути видел 4 трупа, которые лежат, видимо, давно и не убраны.

Хорошо, что мороз.

Зашли в стройотдел — опять никого нет. А в РБ еще нет хлеба, ребята не кушали с 8 до 19 часов. Вот сейчас 19 часов, у них начался ужин.

Здесь все больны: работают 2–3 человека. Большинство звонят языком, но чтобы работать... нет.

У Доценко (болен животом) купил завтрашнюю порцию масла в 30 гр. (за 50 руб.). На это мне не жаль денег! Они, деньги, не нужны сейчас.

⁴⁰ Трещина в конструкции центроплана МиГа, перешедшего от И-16, который был целиком сварным из хромансила (сталь 30ХГСА), были самым «любимым» дефектом техсостава: во-первых, заваривать такие трещины мог лишь специалист-сварщик, во-вторых, чтобы к ним подобраться для исправления дефекта, требовалось разобрать пол-самолёта.

Вместе с Куксой умылся из котелка, пришил воротничок. Часов в 8 пойду на ужин.

Иду на ужин с Вовкой Крыловым. К 8.45. поужинали. В столовой свободно. Столы с клеёнками и салфетками, свет от движка. Единственное неудобство — холодно. Да и неудивительно, т.к. тяжело времянкай натопить каменное толстостенное здание.

Сегодня рисовая каша — 50 [гр.], с мясом — 125 [гр.], хлеб — 200 [гр.], чай — жестяная кружка. Чудесно!

После ужина написал письмо домой.

Подработаю дефектную ведомость и... спать.

28 января 1942 года

Ночью почувствовал боль (режущую) в животе. Сразу же принял салол. Как будто все успокоилось. Но перед подъемом боль усилилась. Это или от шпика, съеденного в обед вчера, или холодной (сырой) воды из Невки, выпитой вчера вечером. Лучше было бы мне выпить лишнюю кружку чая вечером, без всякой бозни бегать в уборную (там же так холодно).

Подъём в 7.00. Я встаю в 8.00. К 8.30 умываюсь из котелка вместе с Куксой. К 9.30 я в столовой. Сегодня рис 50 [гр.], с мясом (говядина) — 125 [гр.], хлеб — 200 [гр.], шпик вместо масла — 30 [гр.], подлива, песок — 50 [гр.], кружка чая. Завтрак хороший, в столовой свет.

Наши летчики говорят, что питание одинаковое. Нет, мяса — 350 [гр.], а не 250, масла — 90 [гр.], а не 30, сыра — 20 [гр.], кисель, только хлеб одинаково. Но я им не завидую и свою работу к их работе не приравниваю. Потом. Им дают лучшие продукты, например, сегодня масло нам заменили шпиком, а им дали масло, мякоть идет чаще им, а сухожилия в мясе — нам.

С Доценко сегодня на сделку не пошел — только масло!

А в мирное время завтрак у нас у всех одинаков.

После завтрака в 10.00 на работу по составлению ведомости дефектов не пошёл (задали дел). Поручил Мееву.

Делаю записи в дневнике.

В 41-м БАО хорошо тем, что вывешены в столовой образцы талонов, вывешена раскладка меню, видел пропуска, топится времянка сегодня, свет от движка. Сегодня немного теплей. В бу-

лочных очереди, хлеба не хватает, т.к. нет воды для хлебозаводов (водокачки не работают, топлива нет, горючего нет, и транспорт стоит).

После завтрака болен и лежу. Раскопал случайно завалившийся в карман кроссворд. Переписал дефектную ведомость и положил чистовой экземпляр в карман. Да, Меев дополнит ведомость. Надо бы посмотреть фюзеляж, да нет свету. Вообще то, осматривать темно, ребят гонят в цех, а там нечего делать без света.

Старшина Алексеев кричит в команде. Сейчас были здесь Жданов, Муратов, Красновский.

Интересно то, что и Жданов стал командовать нами. Но ерунда, в этой борьбе береги силы — таков мой лозунг дня.

Я думаю, что этот лозунг оправдан будет временем. Вот живот поправится, тогда я буду осторожен, буду тепло одеваться, стараться не простужаться, не пить сырой воды.

Вообще, *[надо]* **быть осторожным!**

Если заболешь, то легко умереть. Об этом напоминают многочисленные трупы, лежащие около дорог; мимо них мы ходим по несколько раз. И не убирают!

Какая зараза будет летом! Жаль, что в Ленинграде нет крематория, он так необходим!

Газеты опаздывают жутко, читаю «На страже Родины» за 21–22 *[января]*.

К 16.00 пообедал. Сегодня жидкий, но вкусный суп-горох. В раскладке 50 гр., а в супе ничего, ни одной горошины. Второе: жидкая греча (подливы больше, чем гречи) с мясом (говядина кусками, должно быть 125 *[гр.]*). Мягкий, вкусный, но тяжёлый хлеб — 200 *[гр.]*.

Обед вкусный, но я не сыт. В Касимово питание лучше, я считаю. Там обед я всегда чувствовал.

Хорошо, пойдём на ужин в 7.00, завтракать — в 8–9 *[часов]*. От 9 до 16 *[часов]* время в работе пойдет быстро. Скорей бы в Касимово. Потом переходы от РБ до столовой в раз утомляют. Считаю, что лучше уж есть 2 раза в РБ № 2.

Живот, кажется, поправился.

У Куликова умер еще сын. Его вскрывают.

Красновский дает 5 дней срока на устранение дефектов, зависящих от нас. Завтра приступаем. Значит, срок истекает 2–3 февраля.

Узнать, где оси, перекрыватели, плоскости, болты.

Завтрак в 8 *[часов]*. Обед в 14 *[часов]*. Ужин в 19 *[часов]*.

Иду с Куксой на ужин в 19 часов. По пути вижу умирающего мужчину. В 20 часов я уже кончил свой ужин: пшено — 60 [гр.], хлеб — 200 [гр.], чай.

На ужин подали удовлетворительно приготовленное пшено — покруче. Выпил кружку чаю.

У булочной очередь и днём и ночью, а хлеба нет. Почему не дают мукой? Пускай дадут припек, учитывать его можно (на пуд — полпуда припека). Или хлеб [надо] продавать во всех магазинах, всё равно в этих магазинах продавцы ничего не делают!

У нас в столовой ещё есть порядок, мы не переживаем ужасов очередей. Какое надо иметь терпение!

Некоторые техники обедают и ужинают в 19 часов. Как они терпят так долго (по 12 часов)?! Это же вредно! Завтра подъем в 7.00. Надо ложиться спать. Сейчас уже 21 час.

Неужели не будет улучшения? Когда я шел домой с ужина, я видел этого мужчину мертвым у забора. Где то мой брат Валя? Как живут мама, папа? Как живут Иван и его семья?

Много вопросов остаётся без ответов...

Красновский едет к брату в пармовской машине (приехал парень из ПАРМа со стальными зубами). Сидаш ушел в город; Кукса взял ему ужин. Крылов ходил на базар к Госнардому⁴¹.

100 гр. хлеба стоят 50 рублей, 500 гр. хлеба — 1/2 литра водки, 150 папирос «Бобовые» — 300 гр. хлеба, 1 литр керосина — 150 рублей, 1 пачка спичек — 15 руб., 1 пачка «Беломора» — 50 руб. и т. д.

Ужасный обмен в этом мёртвом городе!

Мне кажется, что меня утомляет дорога в столовую. Я чувствую слабость. Может быть, влияет перенесённая сегодня боль в животе?

Видел Циона, Болотина, Б. Плотникова, Натку. В столовой пишется много лётчиков с У 2: им я, пожалуй, не завидую... Летать и каждую минуту рисковать быть сбитым Hanz'om...

А в мирное время эта работа — красота!

⁴¹ Речь идёт о стихийном рынке («барахолке») возле здания бывшего Народного дома (в 70-е гг. — «Мюзик-холл», а ныне — театр «Балтийский Дом»).

29 января 1942 года

Подъем в 7.00. Чувствую незначительную боль в животе.

В 7.30. идём завтракать. К 9.00 завтрак закончен: рисовый суп — 50 [зр.] (жидкий), со свининой — 75 [зр.], шпик — 30 [зр.] (вместо масла), сахарный песок — 30 [зр.], хлеб — 200 [зр.], кружка чаю. Завтраком можно быть довольным!

Красновский хлопочет выезд брату на Большую землю. Передаёт через меня инструкции для Сидаша: составить общую дефектную ведомость, составить новый список для бюро пропусков, перейти в комнату на IV этаже.

С 10 часов выходим на устранение дефектов. Работаю с Кучеровым на моей же машине (3542-й), и Крылов. Несмотря на то, что темно, кое-что сделали существенное. Вижу машину 3009 (14).

Работаю с поднятой ушанкой, в телогрейке. Сегодня температура колеблется в пределах -14°C — -16°C , снег, ветер. Перерывы делаем в 12 [часов] и в 2 [часа] на обед.

К 15 часам пообедали. Сегодня мы сели не к Ане (по ошибке), а к другой. Она долго обслуживала.

Хороший обед: кислые щи, гречневая каша — 65 [зр.], с подливой, кура молодая — 100 [зр.], хлеб — 200 [зр.]. Начпрод всё время дежурит в столовой, поэтому в ней порядок. Утром и вечером свет от движка. Красноармеец, проверяющий пропуска, топит времянку. Народу в столовой прибыло. Самсонов — писарь у Сидаша.

Красновский уезжает в Касимово.

Пришли с обеда, по дороге вижу умирающую женщину, которая идёт, падает, ее поднимают, она идёт. Но по лицу её видно, что она готова.

За хлебом большие очереди. Почему не дают муки? После обеда посетил с Крыловым комнату. Позвал народ, чтобы приготовиться к переселению, вынесли мебель, чертежи, внесли печку, стали проводить трубу, оставил за этой работой Ненашева и Андриюшкина.

Сидаш составляет каждый день к 10 утра строевую записку и отдает в БАО. Есть какие-то нормы еще у лётно-технического состава (мы — техсостав).

Сейчас он с помощью Самсонова составляет список для получения талонов на февраль.

Нашли сушеный овёс, пожевали малость, приятно!

На ужин пойду к 7.00. В 7.00 должна быть в БАО лекция «Итоги 7 месяцев войны», после лекции — концерт артистов-

профессионалов. Не знаю, может быть, останусь. Но, вообще-то, нет настроения слушать концерт.

К 8.00 поужинал: рис-сечка — 50 гр., мясо (говядина) — 75 [гр.], кружка чая (тарелка), хлеб — 200 [гр.] (мягкий, пахнет керосином).

Слушал замечательную лекцию. Сидел с Болотиным и Ционом. Да, потом был концерт. Хорошо выступали братья-цимбаллисты Лепяньские с песней о котелке и о городе Севастополе. Вся группа спела остроумную песню о геббельсовской утке — «Корова, которая горела 4 дня...» — на мотив «Так будьте здоровы, живите богато».

Опубликован в Ленинградской правде от 29 числа приказ о введении с 22 января новых персональных званий инж-тех. [*инженерно-техническому*] составу ВВС КА. Я уверен, что не получу более техника-лейтенанта. Это так и будет. В конце концов, это правильно, но сколько будет одинаковых лейтенантов (один служит год, а другой — 4–5 лет).

30 января 1942 года

Подъём в 7.00. К 8.30 позавтракал. Сегодня тепло. Завтрак: греча — 60 [гр.], с мясом — 100 [гр.], масло — 30 [гр.], сахар — 50 [гр.]. Оставил полпорции масла и сахару.

Поднял койку со 2-го на 4-й этаж и обессилел. Андрюшкин, Ненашев, Крылов оборудуют печь.

До обеда устраняем дефекты, Куперов — помощник.

Я делаю кинжал из ленты⁴². На обед уходим в 15 [часов].

Суп рисовый — 50 [гр.], котлета — 100 [гр.], греча. Поужинал сразу (к 4.30): котлета — 75 гр. с пшеном — 50 гр. Без чая: лучше не ходить лишний раз.

Прилетел Налим за 65 на У-2.

После ужина до темноты (до 18 ч.) делал кинжал. Потом, не умываясь (имею жуткий вид: грязен, небрит), ложусь спать, съев 100 гр. хлеба от ужина с кусочком масла, с песком (грамм 20).

⁴² Во всей «подкосно-расчалочной» авиации во все времена находились умельцы, которые творчески использовали старые или бракованные ленты-расчалки: проволоку, отформованную до чечевицеобразного сечения, с резьбой на обоих концах, которая служила для придания жёсткости крылу, стабилизатору, рамам фюзеляжа и т. п. Сталь на их изготовление шла неплохая, поэтому выходили и шампур, и ножи и даже «кинжал», над которым трудился автор.

Нас 10 койка о койку: Сергиенко, Самсонов, Кецмарашвили, я, Батуркин, Строганов, Ненашев, Андриюшкин, Крылов, Комарницкий, Куперов.

Я сплю без матраца. Всю ночь дежурит Ненашев: он топит прожорливую времянку.

У круглого столика с фонарем «Летучая мышь» без стекла, ребята отчаянно сражаются в 21.

Хорошо, что не пил чаю, хоть и хотелось ночью пить, но сбегать пришлось 1 раз, в 6-м часу. Лестница, площадки все обгажены... Культура!

Снилась штурмовка, бомбардировка, ножи...

31 января 1942 года

Подъём в 7.00, сразу в столовую. К 8.00 покушал, хотя долго и ждал (идти туда 40, обратно — 30 мин.). Обслуживала Дуся — толстая.

Теперь у меня есть ложка большая, малая, нож. Их ношу в кармане куртки или в сумке. Чего же мне более? Когда кушаешь (разрезал мясо и пережевывал его), разрезаешь хлеб, намазываешь масло, появляется чувство удовлетворения завтраком, обедом и ужином.

К 9.00 надо выйти на работу. РБ получит деньги. А мы сделаем машины, ничего не буду делать особого, буду копаться. Потом у нас в полку отдых, а мы здесь в жутких условиях спим, не отдыхаем и работаем...

В 9.00 отметился у табельщика. Еще темно, и ребята ушли к себе на IV этаж (подъём отнимает много сил!).

Я никуда не ухожу, делаю кинжал. Моему примеру последовал Сергиенко. Куперову поручил снять с другой машины колесо левое и поставить. У ребят нет папирос: курят бычки, сорок, меняют на хлеб на Сытном, платят сумасшедшие деньги... До обеда ходил отметился в стройотдел и в плановый отдел.

Ребята ночь провели за картами.

Обед в 15 часов: суп перловый — 50 [гр.], мясо — 100 [гр.], с гречей — 60 [гр.], хлеб — 200 [гр.]. Хлеб тяжёлый, и поэтому не верится, что это [весит] 200 [гр.]. Тарелки дают неполные. Обслуживала Дуся — длинная.

После обеда я опять делал финку, ходил в цех. Потом я спустился в последний раз в цех и увидел там Богачева, Чернова, Румянцева, Сергиенко.

Как старший, я объяснил Богачеву условия работы. Богачев хочет идти в нашу комнату. Предупреждаю Сергиенко, что наши играют в карты. Кецо ещё не выпустил своей машины: неполадки организационные, нет воды, масла и т. д.

Еще немного попил и в 5.30 был на IV этаже. Беседа Богачева не носит резкий характер: скорее дадите полку 4 машины — тем лучше!

Наверное, инженеры видели карты... Спросил у Чернова насчет места — ничего нет... После ухода опять карты, я отдыхаю.

В 20 часов ужин. У меня свой нож, я не спеша режу 75 гр. гуляша и кушаю с ячневой кашей. Чай.

Завтра выходной. Пойду в город.

1 февраля 1942 года

Ребята всю ночь играли в карты. Я спал — они играли, я встал — они — спать.

Встаю в 7.00. В 7.30 получил в столовой талоны и в 8.45 кончил завтрак.

На день нам положено:

каша — 200 гр., из неё греча (утром) — 50 [гр.];

пшено (обед II) — 50 [гр.];

рис (обед I) — 40 [гр.];

[каша] ячневая (ужин) — 57 [гр.].

Мясо (250 гр.): из них — мясо говяжье (утро II) 75 [гр.], дичь — кура (обед II) — 100 [гр.], мясо говяжье (ужин) — 75 [гр.].

Масло — 30 гр. (утром).

Сахар-песок (утром) — 50 гр.

Хлеб 3 x 200 = 600 гр.

В столовой 41-го БАО есть какое-то подразделение: лётно-технический состав (масло они, кажется, получают в 2 раза больше, но меньше мяса).

В город пошли в 9 часов с Самсоновым, дав заявку на обед в 19 часов вместе с ужином. Гоношили обед в завтрак, но ничего не вышло из этого. Я сэкономил грамм 40 хлеба, 10 гр. масла и 20 гр. сахару.

Пошли пешком. За 45 мин. дошли до Кировского моста и без 10 [минут] 10 были в Б. Гостином [Дворе]. Здесь мы разошлись.

В Гостином [Дворе] торгуют 3–4 магазина, часть ряда, где было кафе, сгорела от зажигалки. В кино [театре] «Молодежный» сегодня «Чапаев» в 2.30, это единственный театр в центре, который работает.

Напротив дачи Жданова у мёртвого трамвая лежит тщательно завернутый в грубую материю мертвец. Это частое явление. Хорошо, если его везут, чаще всего бросают. Вот если умрёт ребенок, везут следствие, а если не возвращается домой взрослый, это обычно.

Из Гостиного [Двора] вышел и пошёл в ДЛТ⁴³. Около ДЛТ из гидранта берут воду: очередь, женщины с ведрами, санками ругаются, здесь же стоит, вмёрзнув в воду, крытый авто черного цвета — пикап.

«Вход в Дом торговли со стороны Волынского переуллка», гласит объявление. С этой стороны я ещё никогда не входил.

I этаж закрыт. Работают II и III: нет ничего, кроме пуговиц, пластинок, шляп, пудры, коньков, мехов дорогих, утонченных кухонных принадлежностей, которые ещё долго не понадобятся...

Купил две мыльницы для набора рукоятки⁴⁴, 2 носовых платка.

Из ДЛТ вышел на Невский и пошел к вокзалу. Зашёл в Елисеевский [магазин]: темнота, где сверкают звездами 2–3 свечи продавцов. Перед входом мужчина и женщина скучными голосами предлагают фитили для коптилок по 2 и по 3 рубля. Некоторые берут по 2–3 штуки сразу, но здесь же, узнав, что они плохо горят, изменяют решение, если деньги ещё не уплочены, и ограничиваются одним для пробы. Не купившие же отходят прочь.

Пассаж закрыт со стороны глав [ного] хода... В кафе Nord очередь...

Иду к Литейному. Недалеко от Бристоля, в галантерейном магазинчике, купил за 18 р. тёмно-синий шарф...

Рюкзаков нигде нет, искать напрасно. Захожу в магазин «Тэтэ»: только пудра, множество односортовых коробочек, ими заполнены все витрины, все полки, все стены. Слушаю радио: итоги 7-месячной работы ленинградского комсомола, материалы совещания 30 января.

⁴³ Дом ленинградской торговли, крупнейший универсальный магазин Ленинграда.

⁴⁴ Из цветного целлулоида мыльниц делали наборные рукоятки ножей, в частности, для той самой финки, над которой трудился автор.

Теперь домой. Иду по Литейному и вспоминаю прежние места... Сворачиваю к цирку: здесь торгуют в переулке (у Моховой) букинисты. Покупаю книгу «Болезни обмена веществ», спросил книгу по кулинарии — нет.

Цирк, Инженерный замок и горстка людей у входа, несут труп в склеп (наверное, госпиталь). Марсово поле, Кировский мост, проспект.

Голод подгоняет. Уже 14 часов. Спешу на обед. Прошёл проспект, по Строганову мосту не пошёл, а спустился к реке, пересёк по диагонали и вышел к Ферзину. Меев заготавливает дрова, приедет теща и увезёт на санках то, что было забором когда-то. Дрова меняют на хлеб сейчас...

Когда шёл в город, на Кировском видел, как в саду (у дома Кирова) ломали парты и тащили домой, кто на плечах (если есть силы), кто волоком, кто на санках...

К 15.00 пообедал. Добавил 50 гр. хлеба от завтрака и всё равно не почувствовал — таково истощение! Как же живут питерцы?

Нет, так дальше продолжаться не может, еще полмесяца, и Ленинград будет мертв!

После обеда иду домой усталый, но бодрый, т. к. письмо Джамбула напомнило мне, что мы не одиноки в лишениях, что Сталин знает, как тяжело городу, и город скоро оживет!

Наступит и на нашей улице праздник!

Но вот ещё одна забота: встретил коллегу из Череповца, который сообщил, машин нет, кормят неважно (хлеб (600 [гр.]) и все, кашка без мяса, коммерции нет, только на махорку всё). Это на Большой Земле-то!

Известие меня сильно расстроило! Неужели не удастся нам, заблокированным (если, как сейчас полублокированным) восстановить силы?

Вот, видать, из-за дряни портится настроение. Ну, хоть бы хлеба было 800 гр., вдоволь, а то 600! А, может быть, он отвык от нормы и, как все мы в мирное время, не знает, что дают и что полагается?

Я точно скажу: если б в мирное время меня так кормили, я был бы доволен, т. к. тогда был упитан. Сейчас же я истощён и чувствую упадок сил. Из-за чего? Из-за отказывания в хлебе, мясе, жирах!

До темноты делаю записи, пишу письмо домой, запрашивая о норме (буду надоедать в каждом письме, пока не ответят).

Ребята играют в карты. Я набираю рукоять кинжала прожиганием.

Крылов сменял 1 кг хлеба на 125 шт. папирос «Сулико» (200 гр. — пачка), купил за 80 руб. книг (6 шт.— «Нива», Жюль Верн, «Золотая Книга»), проводил дипломантку Горного института (еще занимаются, молодцы!).

Жизнь в городе приняла характер борьбы за существование.

Налим не улетел из-за аккумулятора. Торопится домой. Говорят, что военных на базар не пускают. Спрашивал насчет ружья: он всё тот же неисправимый охотник.

Теперь и я понимаю, уважаю охотников, между ними и гастрономами, к каковому отношу я себя, нет никакой разницы.

Немного отдохнул. Ребята идут к 19 [часам] на ужин. Я поручил Куксе принести ужин. Он принес мне его к 8 часам (чуть ли не к 8.30), нет света, движок испорчен. Кушаю из кружки ячневую кашу и гуляш холодным — приятно. Ем хлеб с песком и маслом — изумительно! Мне не надо и чаю. Ограничиваюсь глотком воды (чая) из моего котелка, принесенного Сидашом.

Переход из столовой и обратно так утомляет...

Сплю с 10 часов.

2 февраля 1942 года

Никошев по ошибке поднял, согласно моих часов (стрелки стоят ненормально, обманчиво), в 6 часов, а не в 7. Поэтому долго сидели в темноте в столовой, ожидая завтрак.

К 7 часам покушали: каша гречневая — 60 [гр.], масло — 25 [гр.] (5 гр. дали растительного, 24 гр. Комбижира: пошли в котел), хлеб — 200 [гр.] (тяжелый — кусок и довесок), мясо (гуляш) — 75 [гр.], сах. [сахарный] песок — 50 [гр.].

Сегодня пил чай из тарелки глубокой...

Выход на работу в 9.00. Отметил у табельщицы по списку людей, пошел искать эмалит. К 11 часам собрал набор с желтой эмалевой краской. Сидаш ушел к 65 (на аэродром), оставил мне документацию. Сижу, оформляю.

Через полчаса придут люди из цеха, соберу на обед. Обидно то, что наши отдыхают, а мы работаем и в таких жутких условиях живем.

И к работе нет желания, нет света переносного, тем более что моя машина стоит в тёмном углу.

Хорошо бы уехать в Касимово!

Должно приехать начальство: по-моему, не приедут. После обеда буду опиливать рукоять.

Мне кажется, что я приму эту 3542-ю, а работать будут другие ребята. Да я и не прогадаю: капоты новые, ключ шарнирный есть, радиатор с новыми кранами, народу будет достаточно на действующие машины. Действовать, вероятно, ещё долго будем из Касимово...

К обеду закончил порученную работу. В 14.00 пошли в столовую.

Там сидят Красновский, Богачев, Сидаш, Шестаков. Красновский спрашивает ведомости, я приготовил их вовремя!

Тороплю Аню, однако, она не торопится: в лётную залу больше не сажусь!

Обед: суп рисовый — 40 [гр.], каша ячневая — 60 [гр.], мясо (гуляш) — 100 [гр.], хлеб — 200 [гр.].

Перешёл в зал начсостава и у Дуси — толстой — получил ужин в 15 часов: пшённая каша (чувствуется растительное масло!) — 57 [гр.], мясо — 75 [гр.], хлеб — 200 [гр.]. Граммов 100 оставил хлеба. Хотели подбить Лидию на суп, но ничего не вышло.

Спешу с обеда. Красновский нашёл ведомости. Опиливаю финку, потом объясняю ему всё наспех. Имею беседу с Богачёвым.

В 17 часов кончаем.

Беседа с Красновским — не уедем, пока всё не сделаем!

65-й не взлетел (аэродром не укатан), Налим удрал домой!

Приехали Фалилеев, Шурик, ребята там толкуют, много больных.

Шестаков успокоил меня: в тылу хорошо кормят (800 гр. [хлеба]), и лишь лётно-технич. [лётно-технический] состав, не имеющих машин, получает 600 [гр. хлеба] и меньше мяса.

В тылу готовятся сильные резервы, это действует успокаивающе! Будут ли такие резервы у Гитлера? Вот когда мы продиктуем ему свою волю!

В 7 часов закусил 100 гр. хлеба, [сахарным] песком, 10 гр. масла. Приятно!

Написал письмо домой.

Почитал. Сейчас 10 [часов] и... спать.

3 февраля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Не умываясь, иду в столовую. К 8.00 покушал без света: каша (греча) — 60 [гр.], мясо (гуляш) — 75 [гр.], масло — 30 [гр.], сах. [сахарный] песок — 50 [гр.], хлеб — 200 [гр.].

Иду на IV этаж. К 9 [часам] выходим на работу. От Румянцева отняли аккумулятор и передали мне. Куперов разбил лампочку. Работаем мало, больше бегаем за специалистами, аккумуляторами.

Урываю время для кинжала. Купцов, Сергиенко, Батулин, Строченев тоже делают.

Выбиваю ось костыля, Капустин болты сломал — ничего за день почти не сделал, кроме мелких работ, и могу сказать, что осмотрел с-т [самолет].

С 14 до 14.50 — обед (суп (щи кислые), греча — 60 [гр.] с мясом — 100 [гр.]). После обеда болтался до 17 [часов].

В 18 [часов] Красновский взял итог, дал задание вывезти на пробу с-т [самолет] к 5 февр [аля].

Вчера, позавчера было тепло. Сегодня морозец. Мой нос облупился от старых морозов.

Дал Фалилееву принести ужин. К 20.30 поужинал: пшено — 57 [гр.], мясо (гуляш) — 75 [гр.], хлеб — 200 [гр.], часть масла, часть сах. [сахарного] песка.

Спать лег с Куксой около 11 часов на одной кровати.

4 февраля 1942 года

Подъём в 7.00. Завтрак с 7.45 до 8.00: греча — 57 [гр.], мясо — гуляш (больше подливки, чем мяса) — 75 [гр.], хлеб — 200 [гр.] (камень!), масло — 30 [гр.], сах. [сахарный] песок — 50 [гр.], без чая (готов будет через 2 часа). В РБ дают на завтрак пастилу 1 к 2 и хороший хлеб, не прогадал, или перейдём сюда к «Военторгу».

Лётчики получают 50 и 40 [гр.] масла, крупы утром — 70 [гр.], мясо — 125 + 100 + 125 [гр.], сыр — 30 или 20 [гр.], сахар 50+50, хлеб 3х200. Это — замечательный пансион! А Налим всё плачет!

Что-то сегодня я сделаю на своей машине? Что касается ножа, то мне остается зашпаклевать рукоять и поправить на оселке.

Переходить на РБ на питание нет смысла т. к. скоро на аэродром,

можно будет завтракать в 9–10 [часов] и съесть всё масло, весь хлеб, весь сахар (или брать с собой). Обедать и ужинать до 6 часов, опять-таки съедая всё и идти на РБ спать.

Узнаю, что к 8.40 чай в 41-м БАО приготовили.

У нас теперь в общежитии две комнаты, две печки, обещают достать всем койки, матрацы и даже по одной простыне.

Перешиваю воротничок каждый день, умываюсь лишь после работы. Сегодня надо будет вырезать воротнички. С вечера вчера в столовую дали свет от движка, поэтому сегодня ужинать буду в столовой.

Главное, не надо опускать руки и самому опускаться!

Выход на работу, как всегда, в 9.00. Отмечаю у табельщицы — все налицо! Аккумулятор ещё не беру.

Вижу, Галкин режет трубки для коптилок, вырезаю ножовкой себе одну. Да, Кукса принес мне пол-литра из-под пива, слил бензин из 3542-й, 3177-й — было полбутылки. Фитили из асбеста, жестиной держатель и... коптилка готова.

Вызывает нач. [начальник] цеха Дериглазов: «Сколько людей?» Отвечаю: «12». Беру аккумулятор.

Нахожу Сергеева, Сашу, Степанова, Гукардина.

Саша зубилом выбил конусные болты, выбили ось. Ось и бронзовые втулки требуют замены, в комплектовочной их нет, нашел только болты. В 13 часов придёт с обеда Сергеев, и мы всё сделаем: может быть, снимем с других машин.

Да, часов в 10 Саша предложил мне хватить смеси, заливаемой в цилиндры ног, хватил три глотка: ужасная дрянь, крепкая, правда. Больше никогда ее пить не буду! Пил из уважения к Сашке и [чтобы] задобрить его.

Поднялся в б. малярный цех и зашпаклевал рукоять. Обделаю шкуркой и так оставлю.

Сегодня резкий ветер и с морозцем.

Выдают по одной простыне. Простыни чистые, как свежий снег, а моё полотенце! О, ужас, какое оно черное! И все-таки я им вытираюсь! Надо будет постирать его хоть сегодня.

Камбуларов и комплектовщица опять заметили мне, что на глазах худею. Уж не отдаю ли я кому свою норму, спрашивают они?

Приехал инж. [инженер] дивизии Голубчик (не люблю этого человека — пустослов, не более).

Вчера был артобстрел опять: снаряды ложились в Петроградском р-не [районе] (Карповка, мост через Невку). ***** базу слыш-

ны были выстрелы, разрывы. Крылов же был свидетелем попадания в жилые дома.

Я опять завозил в грязь и ватные брюки, и телогрейку, и куртку. Ради упоения в работе — тогда незаметней идет время — я жертвую всем, даже чистой одеждой. Да, главное, это жить.

Вообще-то говоря, надо и сейчас жить, а не утопать в грязи. Ну, да ладно, пора выстирать эту пару и куртку, если буду жив. Конечно, не буду стесняться стирать, как после финской, или сдавать их. Ведь валенки-то не сдал, и они мне в Суур пригодились!

А ватные брюки и куртка всегда будут нужны — это же тепло и лёгкость, т. е. то, что люблю я сочетать в одеянии!

Зашёл в столовую за Сергеевым. После обеда, после 13 часов, он будет у моей машины. Втулок я еще не нашёл, ось тоже подлежит замене.

Зная, что от Сергеева помощи нечего ждать, пошёл искать сам. В запустелом цеху (их много стало теперь на заводе!) нашел костыльную раму от МиГа с хорошим костылем. Приметил. Уже 14 часов — пора на обед. Сходил в сушилку, переоделся.

К 15.20 я уже пообедал, съев дважды суп картоф. [*картофельный*] (из американской сушёной картошки, говорят), рис (60 [гр.]) с гусем (100 [гр.]) и хлеб — 200 [гр.] (за обед и ужин). Около 150 [гр.] хлеба оставил на ужин к 19 [часам].

К 16 часам на базе. Теперь ленинградцев часто можно видеть с саночками (вспомнить интересно). Сегодня опять обстреливают город из орудий.

Купер уже снимает ось и втулки. Помогаю ему. Стою перед дилеммой: свежая ось не подойдет потому, что отверстия просверлены произвольно. Ставить новую ось — сверлить отверстия вручную.

К 17 часам кое-как выбиваем старую ось (люфт немного меньше) при свете севшего аккумулятора.

Что я мог доложить Красновскому?! Много делал, но ничего не сделал. Хорошо, что я его все время информировал о ходе работы...

И он меня ничем не мог упрекнуть...

Короткое совещание. Завтра завтрак с 8.00 (вернее, с 7.30). Работа с 9.00. Гонять будем мой мотор. Возможно, будем варить S-раму центроплана. Обед и ужин в 16.30.

В 17.30 будет проводиться техсовещание, ставящее целью подвести итог опыту работы за 7 м-цев [*месяцев*] войны.

Доделываю рукоять клинка.

Стираю в котелке 4 воротничка, полотенце, пришиваю свежий. В 19 часов ровно съедаю с маслом и сах. [сахарным] песком кусочек хлеба грамм в 120–150, этого довольно перед отходом ко сну.

Красновский оставил вопросник для техсостава, чтобы приготовиться к техсовещанию.

Сегодня большинство ребят пообедало и поужинало в 15–15.30. Поэтому время ужина застает их здесь, в комнате на IV этаже.

Познакомлюсь с вопросником, почитаю, да и спать.

Завтра после подъёма хорошо умоюсь, не торопясь, пойду на завтрак, чтобы быть здесь в 8.40, переодеться и идти к 9.00 на работу.

Гонять мотор — это веселее.

Сегодня И-16 отвезли на аэродром.

Опять спать лег с Куксой. Сегодня разделся до теплого белья.

5 февраля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Умываюсь, к 8.30 позавтракал: пшено — 50 [гр.], с мясом (гуляш) — 75 [гр.], хлеб — 200 [гр.], чай, сахар — 50 [гр.], масло — 30 [гр.].

На работе с 9.00. Волокита с костью продолжается. Нечем сверлить новую ось, нет свежих бронзовых втулок. Костыль заел в оси, не вращается.

Так работал до 14 [часов].

В 14 часов Красновский приказывает ставить другой костыль. Поставим костыль, соединим пружины, завтра выведем для обгонки мотора.

Да, надо не забыть поставить мешок⁴⁵ для люка костыля.

Красновский ругается, что мало ребята работают, а больше греются, особенно Сергиенко.

В Касимово супы с макаронами, но зато часто появляется в меню рыба (даже вобла). Так что здесь мы питаемся лучше.

Куликов схоронил всех своих (троих) детей!⁴⁶

Сегодня в заводе при выходе из цеха умерла женщина. С 10 февраля возобновляется эвакуация с Зааводом 23. Людмила Королева желает отправиться именно с этим заводом.

⁴⁵ Специальный чехол из дерматина или брезента, препятствующий попаданию грязи внутрь фюзеляжа через вырез для костыля.

⁴⁶ Строка подчеркнута красными чернилами.

Красновский отправил своего младшего брата, студента-выпускника юридического факультета, с направлением в Ашхабад.

На Большой земле, говорят, норма хлеба — 800 гр., в магазинах ничего из продуктов не достать. Так что там немногим лучше, чем здесь⁴⁷. А поэтому и не стоит мечтать так сразу о жизни за кордоном.

После работы, законченной в 16 [часов], умылся и готов к следованию на прием пищи. И так, да здравствует обед и ужин. Оставлю от ужина 200 гр. хлеба, чтобы скушать их с [сахарным] песком и маслом часиков в 20.00.

Пообедал и поужинал у Ани: разбавленный суп-горох, греча — 50 [гр.], с мясом брезе⁴⁸ — 100 [гр.], ячневая — 50 [гр.] — с 75 [гр.] мяса (гуляш), хлеб — 2 x 200 [гр.], 150 [гр.] оставил к 19 часам.

Дома в 17.40. Началось техсовещание: выступил первым о подогреве, обогреве при постановке мотора, отсутствии ***** у Ам-35А⁴⁹. Удалился шить ножны (плохие). Коптилка горит плохо, надо другой фитиль из ниток.

В 19 часов покушал и лёг спать (одетым).

Снился сон: оставил Нонне Чесноковой и Александру Ивановичу Голубеву много вшей. Снились вши, вши...

К чему это? Несмотря на то, что пил мало, часто ходил во двор. Да, надо ходить на ужин и пить чай, хотя бы из тарелки, кушать горячую пищу. Пускай ребята ужинают в обед, я буду ходить один, садится один, так лучше. Так я люблю. Почему-то не взлюбил Сергиенко.

Почему? Не знаю. Скучаю без писем из дома.

6 февраля 1942 года

Вчера прислали из Касимова 4 полных баллона воздуха, 2 больших с переносками и 4 малых (12 AS) аккумулятора. Сегодня наверняка запустим мотор.

Подъём в 7. Одеваю обувь, иду на завтрак. За мной по пятам Сергиенко со своим насморком.

⁴⁷ Здесь, безусловно, автор ошибается. На остальной территории страны было трудно, но не так тяжело, как в Ленинграде. Проблема заключалась в недостатке информации как с одной, так и с другой стороны. Например, в Музее обороны Ленинграда хранится письмо, в котором автор просит родственников в Ленинграде купить и прислать конфет.

⁴⁸ Мясо-брезе — тушеное мясо с овощами и приправами.

⁴⁹ Двигатели, устанавливаемые на МиГи.

В 7.30 я уже в столовой (первым). Официантка приносит лётно-техническую порцию сах. [сахарного] песку (30 гр).

Сегодня завтрак: пшено — 60 [гр.], гуляш (говядина) — 75 [гр.], масло — 30 [гр.], сах. [сахарный] песок — 50 [гр.], хлеб мёрзлый 200 [гр.] (порция мизерная по объёму). Становишься мелочным при такой порме.

Лучше получать бы сухим!

Кончил завтрак в 7.50. В столовой нет ни кружек (чай в больших тарелках), ни вилок, ни ложек, ни ножей, ни тарелок. Хорошо, что я имею все, кроме вилки: второе кушаю ножом.

Пришел в общежитие в 8.20. Значит, на переход уходит времени 25–30 минут.

Сегодня надо пойти на обед не ранее 14 часов; позднее не стоит ходить потому, что суп разбавляют, и ночью (как сегодня) живот это чувствует.

Ходить одному, садиться одному. Обязательно ужинать.

Ожидал, что в 8.30 рабочие будут ставить мешок костыля, заделывать отверстия в фюзеляже. Оказывается, нет. Я набегался, изнервничался, и никакого сдвига. Чукардин тоже ничего не может сделать. Тоже мешок не готов, и некому ставить его. Явились один столяр и маляр-шпаклевщица.

Поставили прибористы редуктор рабочего давления. Дело за Сергеевым. Решаю ждать Сидаша: он на завтраке, не получил, кажется, мяса.

Я поднялся наверх, сделал записи в дневнике, написал карандашом письмо матери.

Вошел Сидаш и начал нить.

Пошёл, поставил капоты, привернул баллон, но нет Сидаша, стал такелажником — отвёз 2 плоскости Сергиенко в слесарно-маллярный цех.

На обед пошёл в 13.35 один, по дороге присоединились Меев, Комарицкий. Получил обед в 14.10 и к 14.30 пообедал: суп рисовый — 40 [гр.], греча — 50 [гр.] и дичь — 100 [гр.]. Ясно чувствуется растительное масло (вероятно, дали вместо комбижира) и в супе, и во втором.

Хлеб мягкий, вкусный. Довесок чёрствый.

Ребята комбинируют с обедами и ужинами, огромные (кинжалы), скандалы.

С папиросами тяжело, стрелков очень много. После обеда до 15 часов дома. Разговор с Голубцом. Да, были техники в его время. Дурак

он, Голубчик! Попросил у матери кулинарных советов в дополнение к письму.

Красновский уехал в Касимово.

После обеда перевезли 3542-ю на место для опытной (предварительной) стыковки плоскостей. Наскоро состыковали и закончили рабочий день в 17.15.

Сегодня температура –18 °С, веселое солнце после полудня. Сидаш ушел в город, оставив меня за себя.

Оказывается, надо ленту-расчалку калить после обработки, чтоб получить хороший нож (перед набором рукояти).

Сейчас 17.40, еще светло. Побреюсь, умоюсь, полежу, потом иду на ужин. Ну, а после ужина можно будет почитать и... спать.

Побрился, умылся, полежал и, взяв у Андрюшкина объемистую кружку, пошел в 18.40 на ужин.

К 19.10 был в столовой и к 19.20 поужинал (при свече): каша ячневая — 50 [гр.], гуляш мясной — 75 [гр.], хлеб — 200 [гр.], чай.

Сегодня я ужином доволен.

На обратном пути с Куперовым увидел свет на РБ. Дали свет на своей станции, вероятно, комнаты залиты светом. Просто весело стало на душе!

Сейчас около 20 [часов]. Почитаю с часок да и спать.

Завтра встану и не торопясь пойду в столовую. Только не в первую очередь. Может быть, попью чаю в кружке, заимствованной у друзей.

Доценко спорил с завом: мало мяса в ужин. В Касимово же при этих нормах никогда не дают по столько мяса (всегда меньше). Да, там редко бывает мясо (оно всё в лёгкой столовой).

Здесь же лёгчики (если они есть) питаются по тому же меню, только в другой пропорции, а там при отдельных столовых всё самое лучшее идёт лёгчикам, техников же кормят воблой, кильками, шпротами, консервами.

Да, в 41-м БАО кормят не так уж плохо, я считаю. Конечно, недодают порции, но ближе к норме.

Итак, не торопиться при еде, стараться получить второе в глубокой тарелке (наглеть!), садиться отдельно стараться, и... всё будет в порядке.

Сегодня вечером при мне у Куперова официантка отобрала столовую ложку, которую он присвоил, и с лёгким сердцем отдал её обратно.

Кушал с вкусным хлебом, корочка была очень аппетитна.

Если я буду жив, я постараюсь иметь у себя на квартире всё необходимое, чтобы приготовить завтрак, обед, ужин. Особенно ужин, или завтрак.

Я помню Суури: в выходной день не хочется идти на завтрак через аэродром (рано, да и далеко). Вот здесь-то и нужен завтрак. У меня были сковородки, блюдечки, электроплитка, вилка, нож, ложки, кружка. Но я не имел запаса продуктов, а диетпаёк просто не брал. Как я был глуп тогда!

После войны, вероятно, военные будут иметь завтрак, обед. Тогда опять-таки нужен будет ужин на одного и даже в условиях холодной жизни на две персоны.

Жизнь должна быть более покойной у меня (уже перегорели одна за другой две, а теперь и третья лампочка, хорошо, что есть запас), т. к. срочная служба введена, я считаю, надолго и должна привиться в ВВС.

Люди же, подобные мне, будут жить на квартирах.

Лампочки перегорели потому, что имели вольтаж 220, поставили 120 вольт, и они горят, правда, не так ослепительно ярко. Итак, при быте холостяка я постараюсь иметь дома масло, крупы, кофе, какао, яйца, даже мясо, хотя бы консервы.

Я помню, с каким удовольствием я кушал, когда имел растяжение в голеностопном суставе и приготовил на плитке банку таких дрянных консервов, как тресковая печень!

Да, если вспоминать Суур-Мерийоки⁵⁰, то немало приятных картин можно вспомнить...

Помню, как с Павлом Пилит мы пошли вверх по реке на лыжах, как потом прошли на станцию Тиенхаара⁵¹ (это было примерно в это время), как зашли в магазин и взяли печенья.

С каким удовольствием лыжники подкреплялись!

А вечером они, как всегда, два друга, были на танцах в Выборге. На Выборг у меня падает немного вина, я доволен, что больше увлекался танцами, а не вином, что чаще всего я среди пьяных был трезвым.

⁵⁰ Автор вспоминает условия при базировании части на аэродроме в Суур-Мерийоки, недалеко от Выборга.

⁵¹ Поселок, находящийся в 10 минутах езды от Выборга, ближе к границе с Финляндией. Во время войны здесь находился финский концентрационный лагерь для советских военнопленных, через который прошло до 90 тысяч солдат. Ныне Селезневское сельское поселение. На окраине поселка имеется кладбище, на котором похоронено около 20 тысяч советских солдат.

Я вспоминаю толокно⁵². Как я любил деревенское толокно, на-мешанное на воде! Это толокно (сухое, но и густое, да и с молочком)! Или толокно в пакетах, которое продавалось с молоком!

Когда я жил в Пушкине и Выборге, я питался в столовой (хорошо питался!) и забыл о таких прелестях, как загуста⁵³, блины, толокно. Не было времени, потом этих пряностей место занимали сладости. Чего я не забывал, это сырковой массы, простокваши с сахаром в молочных буфетах и виipurский лимонад. Вообще-то есть что вспомнить!

Вспоминаю, как в Ленинграде зайдёшь в кафе: сосиски, сардельки, ромштекс, какао, булочки, мороженое, и сыт до предела. Ничего человеку не надо, он идет в кино, в театр. А в театре надо схватить пирожку, лимонаду, какао в перерыв, потому, что ехать далеко — Пушкин, Горелово. Хорошо пожил.

Я не понимаю отца, мать. Они пережили не один голод. У них было много моих денег. Неужели они не могли купить мешок гречи, пшена, лука, иметь их в запасе? Неужели они опять оказались простаками?

Я, например, после пережитого, при условии холостой жизни, и то буду иметь запас. Сухари у меня всегда будут. Я люблю сухари размочить в воде и есть их с молоком. У меня будет много бисквитов, печенья, будет шоколад. Я люблю размочить печенье и есть с молоком. Я обожаю шоколадное масло.

Хорошо, пускай я буду рабом желудка! Но я не буду простаком! Сознательно буду делать то, что делал герой рассказа Jack London «Любовь к жизни».

Кончается шестой день февраля.

Командировочные были до 5, продлили до 15 февраля.

Что будет дальше — не видно.

Да, М. Засельского перевели в штаб РБ — начсоставский пансион (400).

⁵² Мука из зерен овса, которые предварительно пропариваются, высушиваются, обжариваются, очищаются и толкутся (отсюда и название). Толокно не нуждается в варке, его можно развести кипятком или горячим молоком. Фактически это первая «быстрорастворимая» каша.

⁵³ Крутая каша из ржаной муки с молоком (или сметаной) и маслом. Употреблялась в Карелии, северо-западной России и Белоруссии.

7 февраля 1942 года

До 3 часов ребята играли в карты. Доценко проиграл 700. Кукса после завтрака слёг, ссылаясь на живот, просто хочет спать и всё.

Подъём в 7 [часов]. К 8.20 покушал: греча — 50 [гр.], мясо (гуляш) — 100 [гр.] (дай Бог, если есть 50!), хлеб — 200 [гр.], сах. [сахарный] песок — 50 [гр.], масло — 30 [гр.].

После завтрака отдохнул. В 9.10 вышли на работу. Сходил в сушилку. Начал писать письмо домой.

Мне пришла в голову мысль: уж не зря ли я пишу всё это? Не лучше ли было, читая, набираться знаний, чем убивать время на записи?

Может быть, всё равно мне всё это не послужит уроком? А, интересно, смогу ли я ответить себе на этот вопрос?

Покрасил аэролаком П⁵⁴ покрытия рукоять. Был в сушилке. Она стала уборной. А сколько там хранится в коридоре растворителя? Эмалита?

Думал: надо бы захватить в бутылочку с собой, чтобы после работ с эмалитом, имея её в чемодане, смыть лак с рук. Это было бы не плохо, а просто чудесно.

Сидаш еще не пришел, придёт, по-видимому, к обеду. Я вижу, что ни Сидаш, ни Красновский, пока на них не нажимают, не торопятся...

Но вообще-то позор. С 7 ноября эскадра не представляет боевой единицы, и это на фронте!

Если бы я был у руководства, я не терпел бы этого!

Ну, а сейчас я всё это вижу со стороны и... молчу.

Между прочим, хорошо в подобные времена быть свидетелем, маленьким человеком и всё видеть, замечать, наблюдать, переваривать в сознании.

Сколько сделано необдуманных шагов?

Сколько напрасно сделано работы и, соответственно, затрачено средств, испорчено жизней, испорчено крови, нервов!

Докончил стыковку плоскостей. Пригнал маляра. Проверил закрывки с Сергеевым, ноги. К 12 [часам] они ушли на обед.

⁵⁴ распространённый тогда авиационный лакокрасочный материал: аэролаки 1-го и 2-го (АЛГ) покрытия применялись для окраски загрунтованных деревянных и тканевых поверхностей самолётов; эмалиты — для покрытия тканевого материала, натянутого на крыло, стабилизатор, рули, элероны, даже фюзеляж (на У-2), кроме того, на эмалит приклеивались матерчатые ленты, наклеиваемые на стыки обшивки.

В это же время ребята ушли на перерыв и пришли с перерыва лишь к 13.30 (и то Голубчик выгнал их).

Голубчик, Муратов подходят. Доложил Муратову, как инженеру фронта. Голубчик спрашивает о Сидаше, людях и недоумеает, почему всегда, когда он приходит, у нас перерыв...

Оказывается, Голубец считает, что мы готовим МиГи сами⁵⁵, поэтому, за всё случившееся в части он спросит, за каждый винтик... Надо быть осторожным, чтоб не стать жертвой какой-нибудь глупости, недосмотра. Завтра надо будет ещё раз осмотреть фюзеляж.

В 14 часов иду на обед с Крыловым.

К 15 часам покушал, Дуся сегодня, забыв о нас, обслуживала с перерывом: суп рисовый — 40 [гр.] (чувствуется растительное масло), пшено — 50 [гр.] (тоже чувствуется растительное масло) и дичь — 150 гр., хлеб — 200 [гр.].

После обеда (на обеде увидел Сидаша) я зашёл в цех, потом поднялся, переоделся и до 17.20 подгонял нож с Сергеевым, купола⁵⁶ с Максимовым (уважая меня, он немного задержался).

Поднялся, умылся, перешел воротничок, дописал домой письмо, записал в тетрадь.

К 7 [часам] пошел с Сидашом на ужин. Взял с собой объемистую кружку Куксы: ячневая каша — 50 [гр.], с комбижиром, хлеб — 200 [гр.], чай. К 7.30 покушал в очень спокойной обстановке, при свече, конечно. Зашли к парикмахеру, который уже заканчивал работу (надо будет как-нибудь зайти в обед), потом в клуб, где стоял уже аппарат для демонстрации кино «Волочаевские дни», но меня интересовал лектор Избаш, которого, однако, к 20 ч. [часам] не было (а на завтраке сегодня 8.20 он торчит).

Прихватив из биб-чки [библиотечки] брошюру «Происхождение жизни на Земле», я ушёл домой. Откровенный разговор с Сидашом, я вкратце услышал его карьеру.

В 21.45 погас свет, и я лёг спать. Ночью было холодно, несмотря на то что я не раздевался, поэтому часто просыпался. Куликов болеет, зачем его берут в город? А, однако, болезнь не мешает ему быть подвижным в столовой.

⁵⁵ Жирно подчеркнуто автором.

⁵⁶ Речь идёт о подгонке заливов на куполах колёс шасси в нижней части центроплана, куда уходит колесо стойки после уборки, т. к. эта позиция требует кропотливой ручной подгонки, чтобы снизить по максимуму вредное сопротивление планера в полёте. Головная боль всего советского авиапрома, когда даже серийный самолёт собирается индивидуально, всё ставится по месту и требует адского количества времени на подгонку и регулировку...

8 февраля 1942 года

Сегодня воскресенье, в полку выходной день, а мы работаем нормально. Надо будет взять поправку на выходной день.

Сергиенко болен, вероятно, по случаю выходного дня.

Подъём в 7.15. К 8.10 покушал: греча — 50 [гр.], мясо — 75 [гр.], хлеб — 200 [гр.], остальное нормально, чай из кружки Куксы. В обед будут макароны — 50 [гр.]. Интересно, сколько дадут их количественно по виду? Сначала зайти к парикмахеру.

В городе часто видно как идут парами, в крепкой связи под руку — для взаимной поддержки.

Сегодня беру аккумулятор, просматриваю фюзеляж, особенно тросы и тяги, регулирую нейтральность элеронов⁵⁷, подгоним ноги, закрылки, поставим мешок, и если... расстыкуем плоскости. Варка, вероятно, завтра, да и щелевые ленты тоже.

На моих часах уже 9, а никого нет с завтрака. Неужели часы опять ушли вперед?

Кецо и Кукса ушли на аэродром.

Вышли на работу в 9.20. Начали проверять ноги, подгонять закрылки. Кончился второй баллон воздуха, на себе привёз другой, Кукса и Куперов внесли его. Куперов регулирует вместе с Куксой нейтральность элеронов. Оба Лёшки заняты закрылками. Потом Кукса и Куперов контрят гайки колёс.

Подошел инженер Богачёв, завтра он хочет вывести для опробования мотора 3 машины.

Мою, пожалуй, выведем к обеду.

Сергей Кононенко и Макаров переходят на подгонку щелевых лент⁵⁸. Иду в 13.45 на обед с Куксой.

К 14.15 пообедал: суп рисовый — 40 [гр.], вермишель белая — 50 [гр.], с гуляшом, мясо — 100 [гр.], хлеб — 200 — (подлива — подс. [подсолнечное] масло).

После обеда зашел к парикмахеру — там уже Сидаш. После Сидаша подстригся, и к 15.20 я в цеху.

⁵⁷ Специальное приспособление — струбцина — надевается между ручкой управления и педалями, фиксируя последние в нейтральном положении, затем, вворачивая или выворачивая вильчатый наконечник тяги, добиваются нейтрального положения рулей и элеронов. Процедура и по мирным временам сложная, а на холоде и при минимальном освещении — просто адская.

⁵⁸ Ещё одна трудоёмкая процедура: стык крыла и центроплана закрывается особой лентой, которая должна очень точно, без щелей и перекосов, закрыть не просто щель, а довольно большой промежуток.

Придется менять цилиндр закрылок...

Ничего особого не сделал, отвёз (распорядился) с помощью Куксы и Комарицкого баллоны в зарядку.

Посидел у камелька до 17 часов (за это время стащили переносную лампу).

До обеда сегодня осмотрел фюзеляж, элероны, закрылки.

После окончания работы умылся, почитал немного, перешил один и выстирал другой воротничок.

Сделаю записи, схожу на ужин, и спать.

Кукса ушел к парикмахеру.

У нас много больных: Сергиенко, Батурин, Меев, Куликов...
Надо постараться не заболеть...

После обеда пил и думал: если я раньше был любителем девочек и танцев, то теперь я смотреть на них не буду. Конечно, придётся жениться, но чтобы я был у ног жены или заискивал перед ней — нет!

Я буду любителем изысканных кушаний (но не вин, т. к. эта блокада унесла несколько лет моей жизни) и музыки. Женщины отойдут у меня если не на последний, то не на второй, а на третий план.

Вовка Крылов был на базаре и видел шоколад по 300 руб. плитка, наказал купить, т. к. ничего не жалко для восстановления здоровья.

Почитал книгу о Гёте после ужина в 8 [часов]: пшено — 50 [гр.], мясо (гуляш) — 75 [гр.], хлеб — 200 [гр.], кружка чаю, и в 10.30 лёг спать.

Ребята всю ночь играли в карты.

9 февраля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Сразу на завтрак. Сегодня теплей, чем вчера; выпал снежок, почти безветрие. К 8.05 позавтракал. Недоволен завтраком, т. к. торопился отдать Куксе кружку: греча — 55 [гр.], мясо (гуляш) — 75 [гр.] хлеб — 200 [гр.], масло — 35 [гр.], сах. [сахарный] песок — 50 [гр.].

Решил жиры и песок употреблять сразу: вторую половину съел уже по приходе домой.

Вечером буду ограничиваться вторым, хлебом и несладким чаем (полташка). Я даже люблю чай с хлебом и солью!

Начфин 41-го БАО (я знаю его по Суури) даже не узнал меня и спросил: уж не был ли я в госпитале?

Вот до какого состояния я дошел!

Надо будет поменьше забот, поменьше волнений и расхода нервов, поменьше движений вообще. Не пренебрегать перерывами хотя бы у камелька. Так нужно в этой борьбе за существование! Зачем выходить на работу в 9 [часов], когда можно выходить в 9.30?!

Ведь заводские рабочие все равно выходят в 9.30, в 10 ч. [часов] и не могут жить без погонялки.

Да, такова жизнь! Зачем, например, я волновался из-за баллонов и таскал один на себе, когда можно было использовать Куперова и других? Надо пользоваться положением заместителя старшего группы!

Итак, поменьше волнения, больше спокойствия.

Спокойно, спокойно! Спокойствие всюду, и ты спасён!

Зачем волноваться в столовой, когда знаешь, что тебя всё же обслужат? Зачем спешить в столовую, а тем более из столовой? Зачем я вчера разозлился, вступаясь за двух женщин, и побил парня пистолетом?

Зачем лишний раз подниматься на IV этаж?

Зачем тащить тяжёлый аккумулятор туда же?

Зачем таскать дрова и пилить их, когда есть другие? Время для тренинга прошло, наступило время для сохранения энергии! Вот сегодня будем выкатывать мою машину, опять же спокойно.

Вчера начал писать письмо домой и, увидев, что [остался] последний конверт, решил его придержать и отправить с письмом, датированным другим числом.

У наших ребят идут дела — у Серёжи Кононенко и Макарыча. Достал новый баллон, компрессорная не качает, но баллон нашелся. Отвез его с помощью Сашки и Алёшки. Они сдали мне нож. Купцов зашил чехол, я помог ему поставить капотик для неубирающегося костыля.

Закрылки надо клепать. Убрал нож для удобства работы жестянщиков⁵⁹ (Максимов, Валя). Заставил Алексея набить новый сальник крана шасси.

Сергеев — плут. Он хотел, чтоб я подписал, что шасси 42-й машины принято⁶⁰. Контрольный мастер ОТК (что *****) сделал за-

⁵⁹ Авиаремонтная профессия, требующая высокого мастерства и умения. Эти специалисты выколачивают из листов металла различные криволинейные детали: капоты, обтекатели, коки и т. п. как с помощью приспособлений, так и вручную.

⁶⁰ В «Дефектной ведомости», которая является основным документом заводского ремонта авиатехники, есть графы: одна — «выполнил», другая — «контролировал» или «принял» (в зависимости от формы бланка). Роспись принимающего в этой графе автоматически означает, что ответственность несет расписавшийся.

мечание, что с костылём ничего не сделано. «Вы бы хоть гайки зашплинтовали», — напомнил он. Я, конечно, отправил его дальше...

В 11.30 шассисты и жестянщики ушли на обед. В 12 часов и я пошел на перерыв, поднялся наверх и оставался там, читая книгу до 13.20. Оставив Кучерова у машины на случай, если придут рабочие, пошел с Куксой на обед. К нам примазался Сергиенко. Между прочим, выказал откровенную к нему неприязнь по дороге.

Он притворяется больным, стреляет курево (но сам не покупает его), вообще, я его недолюбиваю.

К 14.10 пообедал: суп рисовый — 40 [зр.], кура — 100 [зр.], с вермишелью (макаронны — пишут в меню; ну, правильно — белое макаронное изделие). Хлеб опять очень сырой.

До 15 часов лежал в кровати. Кукса ходит сегодня сонный, до 7 часов утра он играл в карты!

Жестянщики еще не пришли с обеда. Пришли они в 15.30. Закрылки подгонял сам. Расстыковывал левую плоскость (задержал передний болт), правую плоскость не мог снять из-за переднего конуса (возился целый час).

Решил, что всё-таки утро вечера мудренее...

Это было уже в 17.30. Сергиенко пошел с братией за дровами. Я же остался пока в цеху, а потом пошел наверх.

Прилетел на У-2 Виктор Карпухин! Он пригнал её сюда вообще. Говорит, что в Касимово привозили подарки. Да, говорит, что завтра, вероятно, привезут их и нам. Затаю обиду, если не получу подарок, выражу недовольство. Работаешь, работаешь, а подарки получают бездельники!

После работы не умывался, потому что делал это перед обедом.

Вместе с Куксой и Виктором пошел в 18.30 на ужин. К 8 часам поужинал: пшено — 55 [зр.], мясо (исключительно вкусный гуляш — суурмерийокский повар!) — 75 [зр.], хлеб — 200 [зр.] (исключительно сырой и тяжёлый поэтому), чай с солью.

Кукса носит с собой перец и соль, это очень хорошо.

Приобрёл вилку и кружку. Стал чистить кружку наждачной бумагой, вынул кинжал и хотел сделать метку... и прорезал как раз на середине! Придется завтра заварить!

Да, всё-таки теперь со своей кружкой надо будет половину масла и половину сах. [сахарного] песку оставлять на ужин, а то всё-таки скучно пить чай с солью. Ну, хорошо, если б был хлеб, а то его мало даже для второго.

В 21 час произвожу записи. Вынесу кровать сюда и тогда лягу спать. Завтра разгадаем мотор. Масло готовили и сегодня, но не справились с плоскостями.

Привезут ли мне подарок? Да и что это будет за подарок? Пара конфет, вероятно! Завтра не буду торопиться завтракать, чем позже приму пищу, тем менее мучительно буду ждать обед.

10 февраля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Задерживаюсь в постели до 7.30. Воды нет, поэтому не умываюсь, а именно из-за этого задержался! Иду в столовую к 8 часам с Куксой.

К 8.25 завтрак уже закончил: пшено с подсолнечным маслом — 60 [гр.], мясо-гуляш — 100 [гр.], хлеб — 200 [гр.]. Половину жиров и сахара оставляю, как всегда, к вечеру. Пью чай из дырявой кружки.

Кукса, Крылов задержались, а я пошел в РБ, зашел в сушилку и момент переодевания застал меня в 9.10. Сидаш удивляется, почему не на работе?

Выгнал всех на работу. Задача: расстыковать плоскость и вывести машину. Болт конусный не выходит, били всем, даже ломом — ничего. Вопреки мнению других, решаю спилить головку и выбить болт, вышибить его насквозь.

Пришлось долго пилить поперёк. К 11.30 плоскость была снята, но я уже так устал, как никогда (всё время бил тяжелым ломом, молотком, пилил ножовкой).

В 12 [часов] начали выводить (рабочие на обеде) — тяжело.

К обеду заправили основные баки 7–8 вёдрами Б-95 (синий), 2–3 бидонами масла и горячим антифризом из Гончарки (экономная Гончарка!). Идёт снег, ветер.

К 13.40 все идут на обед. Я и Крамар пытаемся запустить, не можем, плохо работает пуск. катушка. Проливаем антифриз — ничего. Вызываем электрика. Тот копается — готово. Запускаю, нет заливки. Достал Б-95, нечем залить, нет воронки. На заводе люди вроде проклятого еврея Крамара мучают других людей, ленясь сделать воронку, чайник.

Пошел искать воронку, продрог как черт. В сушилке, из которой таскают дрова (пол) и испражняются, нашел два новых костыля с втулками и полуосями. Нет, здесь просто не хотят работать, видимо!

15.30 — вижу Куперова. Он сказывается больным, но я даю распоряжения и иду на обед.

Переоделся в куртку, умываю руки, но на пути в столовую в 15.40 встречает Сидаш, объясняет: да, был Миронов, Красновский, им дайте машины и всё. Подарки? Это дело комиссара!

Ну, так и работа в лес не убежит!

Чтоб я теперь поторопился!

За обедом прошу ужин, не дают. Довольствуюсь обедом: борщ из цветной сушеной капусты, рис — 50 [гр.], с подсолнечным маслом и кура — 150 [гр.], хлеб — 200 [гр.].

Меев обедает и ужинает. Да, Миронов предложил нам эвакуировать семьи. Кого же мне эвакуировать? Может быть, Людмилу Королёву?

У начпрода выпросил еще тарелку супу. Съел — страшно, живот полон, но ещё съел бы вола!

К 17 часам я уже в заводе. Хотел пройти мимо 42-й, но подошёл; Гончарка топится, антифриз из системы слит, мотор не запущен. Крамар кривится — болит живот! У Кучерова тоже болит живот, но он чистит свечи.

Зашёл наверх, переоделся (17.30), Сидаш после ночи игры в карты спит (руководство как и у Григорьева!).

Надо слить масло! Только ради этого решаю запустить⁶¹. С Куксой залили антифриз, я сел в кабину и с помощью старого баллона в 40 атм [*осфер*] со второй попытки запускаю: Р масла 15, температура ант. [*антифриза*] сначала — 45 °С, потом — 120 °С, хотя h надо не более 1200, заслонка открыта, температура воды — 25 °С, вых. ш. 35, и это через 5 минут тряски, выключаю⁶².

Долили полведра антифриза. Запустил при температуре 100 °С, опять температура полезла, сел Сидаш. Вскоре самовар был готов, антифриз льётся ручьями. Когда я вышел из кабины, мне стало ясно, что мотор не переходит на малый шаг.

⁶¹ При низких температурах масло сливается максимально полностью, когда горячее, т. е. после работы двигателя в течение некоторого времени.

⁶² Последние две строки можно перевести на общедоступный язык прилизительно так: «Наблюдаю по приборам: давление масла — 15 (много, по Руководству — не более 6 кг/см²), температура охлаждающей жидкости сначала достигает 45 °С, потом — 120 °С, хотя обороты составляют не более 1200 (об./мин), заслонка водорадиатора открыта, температура охлаждающей жидкости на выходе из радиатора — 25 °С, заслонка водорадиатора открыта на 35 градусов, (т. е. полностью)». На двигателе МиГа контролировались следующие параметры: число оборотов, наддув, температуры входящего в двигатель и выходящего из него масла и охлаждающей жидкости(антифриза), давление масла и бензина.

Через нижний край сливаю горячее масло (Крамар ушел, отдав ключи, кто кому сдает?) через помпу; оставляю краны открытыми.

Сливаю антифриз через лев. [левый] кран радиатора (хорош кран), оставляю открытым, тоже делаю с краном помпы.

Строганов, помогавший мне, идёт сразу на ужин (уже 7 [часов]). Кукса и я решили погреться. Иду наверх, но там нет для умывания воды. Беру у Макарыча рукавицы, мои мокры; иду на ужин. Серёжа взял заклепать у меня кружку, но утерял.

К 8 часам мы с Куксой не спеша поужинали: греча — 50 [гр.], хлеб — 200 [гр.] и против обыкновения 1,5 кружки чаю; чувствую, что живот полон. Устал, поэтому к 8.30 был дома и сразу лёг спать.

Сидаш осматривает всех на шивость.

Я говорю, что у меня они есть: обнаружил (к своему ужасу, конечно) еще 3 дня назад!

Из 15 чел. у 10 чел. явное овшивление!

Вот, где работа командования — люди больше м-ца [месяца] не мылись в бане! Я ещё менял бельё, а другие!

Опять карты до 3 утра.

В 3.30 просыпаюсь. Заполняю дневник. Вот Макарыч встал и подбросил дров в печку, спросил время у меня. Сейчас отложу перо в сторону, дочитаю брошюру о происхождении видов и лягу досыпать (3.50).

Да, вчера переселился с помощью Комарицкого из малой комнаты в большую, здесь лучше топят.

Незаметно перешёл к одиннадцатому числу.

Ну до чего же я не люблю Фролова!

11 февраля 1942 года

Да, свою коптилку забросил, пользуюсь инженеровой, что стоит за его письменным столом. Однако, в РБ бывает каждый вечер свет до 9–10 часов вечера. Хороший свет!

Изучал состав веществ, из которых состоят тела животных и растит. [растительных] организмов, химики нашли в них те же элементы, из которых состоят и тела неживой природы (земная кора, вода, атмосфера).

Весь материал для построения своего тела живые организмы берут из окружающей их среды.

Но в живом организме эти элементы образуют много таких химических соединений, которые в других телах природы совершенно не встречаются. Таковы углеводы (крахмал, сахар, клетчатка), жиры и белки, образующиеся в природе только в растительных и животных организмах.

Поэтому все эти вещества получили название органических. В основе всех органических соединений лежит углерод — элемент, обладающий большой способностью соединяться с другими веществами.

К числу жиров относятся сало (свиное, говяжье, баранье и т. д.), рыбий жир, коровье масло, различные виды растит. [*растительных*] масел.

Название белков дается веществам, близким по сложности своего состава к обыкновенному яичному белку: их много в мясе различных животных (глобулины), в семенах растений, особенно бобовых (клейковина муки), в кровяной жидкости (альбумины, глобулины), в свернувшемся молоке (казеин).

Подъём в 7 [*часов*]. Я поднялся немного раньше, умылся (лицо, руки). Сергей заклепал мне кружку. К 7.50 покушал: каша — пшено — 60 [*гр.*], мясо — 75 [*гр.*], хлеб — 200 [*гр.*], сахар. [*сахарный*] песок — 50 [*гр.*], масло — 30 [*гр.*].

Узнаю, что добавили хлеба: лётный состав [*получил*] 400 [*гр.*] белого и 400 [*гр.*] черного, крупу, 80 техникам [*дали*] (**8, **4) 700 гр. черного (добавка 100 гр., в обед — 300 [*гр.*]). Иду с завтрака с Семёновым, встречные женщины с нами, бойцами, делятся новостями: товарищи бойцы, нам хлеба добавили!

После завтрака прилёг и почувствовал боль в животе, начался понос. Вокруг разговоры о прибавке: с сегодняшнего дня рабочие получают 500 гр. хлеба, 2 кг крупы и 1 кг масла на м-ц [*месяц*], служащие — 400 гр. хлеба, начсостав — 600 гр., иждивенцы — 300 гр., бойцы передовой линии — 800 гр., госпитали — 400 гр. черного, 200 [*гр.*] белого, сухой паёк 1 линии 800 гр., второй линии — 600 гр.

Сергиенко ведёт людей на работу. Я лежу, скрючившись. Сидаш входит, объясняя ему болезнь.

Кроме меня, больны Кучеров, Батулин, Фалилеев, Кононенко, Макаров. Мою машину поручают Мееву. Крамар ругается: почему не убрали ведра и бидоны?

Сначала надо узнать, какой винт: на диафрагме выбито «АВ-5», но при открытом коке можно было увидеть «ВИШ-226Е»⁶³. Мотор, кажется, не запустили, но обнаружили заедание редукц. [редукционного] клапана Р-2 (помпа качала сама по себе). Крамар притирает клапан. Специалистов зав. № 24⁶⁴ найти довольно трудно, их можно найти в столовой 41-го БАО.

Приехал Голубчик и удивлялся, почему больны. Беспокоится о себе, у него тоже режет живот.

В 13.30 пошли на обед. До обеда пришли 2 новых костыля в цех, поднабрал инструменты, приготовился к отъезду.

Сидели в столовой довольно долго. Пообедал, оскорбив толстую Дусю, лишь к 15.30: суп рисовый — 40 [гр.], вермишель — 60 [гр.], и кура — 100 [гр.]. Пошли с Куксой домой. Дошли до РБ. Встречают Сергиенко. Оказывается, приехал с ПАРМской машиной. Красновский за нами (14 чел.). Сергиенко собирает талоны и предлагает идти ужинать. Нехотя иду обратно, хотя живот и мучает меня. В саду забегая в разрушенный снарядом (или бомбой) дом.

Ждём ужин до 17 [часов], нет хлеба (в кладовой, а ключ у зава, тот в бане). Наконец покушали: ячневая каша — 50 [гр.], мясо — 75 [гр.], хлеб — 200 [гр.]. Самсонов оставил Бабурина без ужина.

В столовой холодно. Меня знобит, пульс — 95. Я с ужасом думаю о предстоящей поездке.

Вот мы на IV этаже. Сдали простыни, оделись.

Шофёр один остался для ремонта движка Голубчика.

В 17.50 выехали, и лишь к 21.30 был дома. После Осиновой Рощи кончился бензин. Немного подъехали на-арапа, так же нас высадили.

⁶³ Промышленность выпускала трёхлопастные винты, которые можно было устанавливать на разные модификации двигателей, однако при этом на каждом типе чётко оговаривались углы установки лопастей для малого и большого шага. Соответственно, для каждого типа винта требовалась определённая модификация регулятора оборотов и комплектующие (ограничительные шайбы, сухари, втулки и т. п.). Даже на ремонтных базах, не говоря уже о частях, часто наблюдалась пересортица: присылались винты одни, регуляторы другие, одно с другим не работало. Причина — низкая квалификация персонала, нежелание наводить порядок в этом деле, «чтобы потом не наказали», и до боли знакомый бардак. В данном случае: клеймо «АВ-5» означало, что регулятор работает совместно с винтом АВ-5, а на МиГе ставился винт ВИШ-22Е.

⁶⁴ Это моторный завод, где разбираются и в регуляторах, и в винтах (должны разбираться, по крайней мере).

Пешком шли от последнего шлагбаума. Еле иду, мучает понос и тяжесть инструмента.

Ура! Дома. Разговоры.

Ложусь спать. Знобит, но я пропотеваю, и, кажется, делается лучше. В землянке жарко.

5 раз в ночь бегал во двор.

12 февраля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Я же встаю в 8 [часов] и к 9.20 покушал: затхлое пшено (меньше, чем в 41-м БАО) и котлета, хлеб, чай, масло — 20 [гр.], сах. [сахарный] песок — 50 [гр.].

После завтрака читаю домашние письма. Рецепт загусты, Валя в Армавире.

Температура тела у меня нормальная. Вот только рези в животе, понос.

До обеда разобрал спальное место, всё вынес на мороз, приготовился к бане, убрал в ДОТе инструмент.

Получил бумажный свитер.

Обед в 14 [часов]: суп рисовый, пшено, гуляш. Суп подают в глубоких мисках — хорошо. Хлеб — 300 [гр.]. Хлеб лучше, чем в 41-м БАО.

После обеда захожу за бельем, Ольга эвакуируется. Иду в землянку, потом в баню, только 30 [градусов], ещё не готова.

К 16 [часам] помылся, выстирал платочек, пошел к врачу. У меня энтерит (мелкий кишечник расстроился), осв. [освобождение] на 3 дня; в лазарете нет мест.

Ужин в 18.30 до 19 [часов]: пшено и котлета, хлеб — 200 [гр.], чай. С самого начала перерыв в снабжении хлеба, на ужин не надо опаздывать.

Зашли с Витькой З. к лётчикам — *****. Его не будет — аппарат неисправен. Поговорил, и домой.

Почитаю, и спать. Сейчас уже 9.30.

Завтра должен получить сухари по записке врача.

600–360

700 — x x = 7 x 60 = 420 грамм.

Значит, я могу получить 120, 200 и 100 грамм.

Посмотрим, как это получится!

Конечно, торопиться завтра с подъёмом не стоит...

13 февраля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Я поднимаюсь в 8.30. К 9.20 я уже позавтракал: пшено и гуляш, масло, хлеб (а не сухари — 200 [гр.]), сахар — 50 [гр.].

Пришел с завтрака, внёс грязное бельё, лежавшее всю ночь на воздухе, собрал всё для стирки. Намереваюсь отнести в деревню. Хотел приурочить это к обеду.

Сел писать письма: маме и Ивану. Вот они уже готовы. Из целлулоида сделал футлярчик для талонов. Плексиглас можно гнуть, резать с предварительным нагревом.

Поляков чертит схему К-35⁶⁵, предлагает сделать подписи, текст. Соглашаюсь и к обеду текст готов в карандаше.

Здесь много перемен. Иван Иванович стал зав. [заведующим] всеми столовыми. Дают концентраты. Суп — горох — был хорош, — в этом отношении концентрат оправдывает себя, а вот пшенинный концентрат, 200 гр. (на 4 чел.), даёт привару мало.

Вчера заменили масла мясом (но это не было заметно во втором), а жир в концентрате учтён (17 гр. жира).

Здесь гарниру дают мало, масло почти не дают. Вот вчера давали масло по 20 гр. — хорошо! Весь день гарнир — пшено. Куда лучше в 41-м БАО!

Лётчики в Касимово уже сыты, бросают куски.

Обедаю с Антоном Копыловым в 14.30: горох (конц. [концентрат]), пшено, котлета, хлеб — полусухарь — 300 [гр.] (Ваня взял кусок в 300 гр., разрезал на 4 кусочка и высушил). Пошли в БАО, никого не нашли: ни кладовщика, ни начальника вещевого довольствия.

В столовой нет приборов, нет соли на столах.

Разумовский стал инженером 23-й армии по спецоборудованию (был Сазонтъев в/ч 2). Говорят, умный парень, перевёл полностью с английского языка описание «Томагавк»⁶⁶.

Бесцельно сходили в БАО.

Идёт снег с ветром, а с утра был сильный туман.

После этого путешествия отдохнул в кровати.

В 6 часов с Поздняковым притащил дров, с Корневым напилели дров, накололи, запасли снега.

⁶⁵ Карбюратор к двигателю МиГа АМ-35.

⁶⁶ Истребитель фирмы «Кертисс», Р-40 «Томагавк», поставляемый нам по ленд-лизу.

В 16 часов Перетрухин (зам. инж. [*заместитель инженера*] полка) приказал разобрать 45-ю, приготовить к 8 утра к транспортировке; отзывает людей из Питера, МиГи [*велел*] не принимать. «Отсюда делайте вывод», — говорит он.

Еле хожу, болит живот.

Ужин в 8 часов: каша — пшено, гуляш ничего, сухари пережженные — 200 [*гр.*], чай, сахар с утра.

После ужина решил спать. Разобрал чемодан, т. к. всё дело идёт к тому, что будем получать новую матчасть и не здесь, а на Б. [*Большой*] земле.

Приехали Меев, Крылов, Сидаш помывться в бане. Двое последних приехали без аттестата.

Сидаш приказывает завтра сдать всё, что числится за эскадрой, т. к. 16-го уедем. Ой, не верю я этим срокам! Однако надо готовиться.

Вовка Зейлут прислал «Петровичу» письма из-под Куйбышева. Жалуется, ему плохо: сначала был в ЗАПе⁶⁷, теперь в 175-м ШАПе, скучает по Касимово. Побыл бы он здесь зимой! Что ему надо?

Морокин — инж. [*инженер*] полка по спецоборудованию!

Спать, устал сильно (болен ведь).

14 февраля 1942 года

Подъём в 7 [*часов*]. Я поднимаюсь в 9 [*часов*] и иду в сапогах на завтрак. В валенках и шинели ходить тяжело. В городе я сильно потрепал валенки. Ночью была сильная метель, я это видел, раза 3 выходя из землянки. Выход замело, и можно было после завтрака наблюдать, как Поляков отрывал снег.

Сегодня дают копчёную тарань, я взял двойной гарнир — пшено-концентрат. Масла дают 13 гр., подливы нет, врач забраковал, т. к. явный запах и вкус бензина, сухарей Иван не приготовил.

После такого завтрака обед покажется слишком далёким.

К 9.30 закончил завтрак. Сейчас 10.30 — веду запись.

Сидаш уехал со 174-м ШАП в город. Крылов так и не покушал. Кукса, Самсонов — в лазарете в Агалатово. Я сделал лучше, остаюсь на домашнем лечении.

Мама сообщила мне, как готовить загусту. Если будет возможность, то на Б. [*земле*] земле приготовлю её. Обязательно!

⁶⁷ Запасной авиационный полк, куда попадали выпускники ускоренных наборов авиашкол и некоторые выписанные лётчики из госпиталей.

Если мука ржаная, то вскипяти воду, в кипяток положи соли по вкусу и потом замешивай кипяток мукой, прокипяти, и вот тебе готовая загуста — можно кушать! Вкусно кушать с маслом и молоком!

Едва дождался обеда. Возвращаюсь с обеда в 15 часов. Сегодня суп (горох-концентрат), хороший, и пшено — гуляш. Абсолютно не сыт. Встречает Пилипенко: «Оденься почище и в 15.30 в школу». Я говорю, что не пойду, т.к. болен, и с таким решением продолжаю движение домой.

Встречаются у развилки дорог Васька Ник., Левин и предлагают пойти, т.к. узнали новости о будущем. Соглашаюсь.

Когда пришел в школу, нам предложили раздеться. Я разделся у лётчиков. Оказывается, ожидают делегатов — приморцев (дальневосточников) — с подарками. Можно подождать! Болтают, что подарки содержат зимние вещи, увидим!

А. Петрин дарит мне синюю диагональную⁶⁸ гимнастёрку (рост № 2), ему она мала. Быстро перекальваю знаки, и вот я в свежей гимнастёрке.

Вскоре внесли подарки, вошли гости, и комиссар открыл митинг. Я получил подарок из Алапаевска, Свердловской области. Когда вручение было окончено, я развязал мешочек и начал есть пряники, колбасу, сухари, конфеты. Пошли на ужин: двойной гарнир пшена вместо воблы. Полякову досталась четвертинка: он опьянел и сразу заговорил. Еле добрался до дому — объелся. Корнев, Копылов, я вскипятили чай на примусе. И я ещё поел. Живот полон, впервые почувствовал, что сыт. Ночь провёл спокойно, несмотря на то что был болен и дал сильную нагрузку желудку.

15 февраля 1942 года

Подъём в 8.30. Пошел на завтрак, захватив сухарей, колбасы, конфет. Опять в гарнире затхлое пшено! Сегодня дали только 13 гр. масла.

После завтрака взял два описания Н-200 (опись инструмента). Поляков поручил мне собирать имущество из ДОТов и каптёрок.

Сегодня последний день освобождения

⁶⁸ Плотная хлопчатобумажная или шерстяная ткань с рубчиками, идущими по косой линии.

Поляков вообще не постоянен, он часто меняет приказания, и я сегодня с ним поругался. Он посылает на обед в 1.30, а я не хочу идти в 1.30, а в 2 часа.

Тем не менее подчиняюсь разуму, может быть, будет автомашина за инвентарём.

Еле осилил обед: подали в пиале пшенной суп, гуляш (какой же гуляш, когда подают с костями; рагу) с пшеном. Ел пшённый суп с белыми сухарями (гренки) и поэтому оставил к вечеру 3 куска хлеба.

После обеда разобрал инструмент, запчасти, потом ужинал в 7 часов: пшено, двойной гарнир, две кружки выпитого чая.

Пришел с ужина и решил съесть все дары, съел. Осталось лишь мясо, колбаса, конфеты, хлеб — 2 кусочка. Почувствовал, что живот набит. Хочется пить, но пить не стал. Зашивал матрац, написал письмо друзьям-свердловцам. Приехали ребята из города, получили такие же подарки, что и мы. Меев чуть было не подвёл Витьку З., сообщив ему, что Валя эвакуировалась в Ташкент, оказывается, она переехала на Лиговку.

Сегодня кино в школе, не пошел.

16 февраля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Встал с болью в животе — пучит. Спасёт лишь выделение газов.

Завтрак: пшено, котлета, без масла. После завтрака есть уже нечего, да и не хочется.

Меев сообщает, что придется ехать на РБ продолжать ремонт. Неужели не поедем для получения новой матчасти?

Жестокое разочарование, уныние. Готовлюсь к отправке оборудования.

Ко времени обеда отвёз первую машину. Она забуксовала у склада. Долго не мог найти дороги к складу. Обрато еду обедать (около 15.20): суп пшенной — сечка, пшено с котлетой. Сегодня подали соль и горчицу на стол.

После обеда еду за второй машиной. Сдаю сгруженное с первой и второй; сгрузив третью, возвращаюсь домой. Меня ждёт письмо из дома от 24.01.42: аттестат получили, очень довольны!

Вчера было очень тепло, просто, как весной, тепло, и я ходил в рабочих сапогах, отдав свои Ивану в подшивку. Копылов сдал

ватное обмундирование, Иванов хочет сдать валенки. Я этого не собираюсь делать, а валенки, наоборот, починил. В марте, например, самое лучшее, это работать в телогрейке и ватных штанах — тепло и легко (это я испытал ещё в финскую [войну] и в Суури).

Сегодня же морозец сильный утром, и меня в шинели на складе поморозило, вечером я долго не мог согреться.

Написал перед ужином письмо домой, отдал Симушину и поужинал к 8.30: двойной гарнир с растит. [*растительным*] маслом (хорошо!), вместо 2 воблин пшено, хлеб — 200 [гр.], сахар от утра и 30 гр. сгущенного молока (люблю!).

Иду домой довольный. После ужина, ничего не делая, иду спать. Выхожу ночью, ночь морозная, мириады звёзд.

17 февраля 1942 года

Подъём в 7.30. К 9 часам позавтракал: пшено с мясом — гуляш (попало хорошее мясо, хорошо пережевывать), хлеб — 200 [гр.], масла нет, сах. [*сахарный*] песок — 50 [гр.], чай — пиала.

Позавтракал спокойно, обслуживаемый Любой, женой Новикова. После завтрака прилёг, полежал. Поляков вскоре отправляет меня, Шилкина (Дахно отказался, ссылаясь на боль в животе), Паршакова, Благого, Айрпаева, Киселёва в Агалатово для приведения в порядок и сдачи имущества.

Захожу за Смолич в БАО. Уговорил, вот, чёрт возьми, надо уговаривать всякую дрянь!

При входе в городок задержали: просрочено удостоверение личности (31 января 1942 года), повели к командиру, который, выяснив дело, выписал разовый пропуск.

К обеду сдал многое, остались инструмент и запчасти.

В 13 часов отпустил мотористов и техников и сам пошагал на обед.

К 14 часам пообедал: суп-горох с мясом, рис с котлетой, хлеб — 300 [гр.]. Приехали с Б. [*Большой*] земли Кириллов, Чусов. И-16 они сдают там, значит, готовимся к перевооружению серьезно.

Приехали Кецо (№ 65 его не принимает), Сидаш, Корнев (умер отец ещё 7 января, а он собирался его эвакуировать!). В 15 часов уже был у склада. Кладовщика нет (я приказал ему быть в 14.30).

Вот пришли Айрпаев, Благой, Киселёв.

К 17 часам всё сдали. Пришёл Поляков, и пошли домой. Скоротали время до ужина. Поужинал к 19 [*часам*]: пшено, котлета, хлеб — 200 [*гр.*], чай.

Договорился с Левиным насчёт 2 осьмушек махорки — 400. Пошёл к нему после ужина, он живёт в доме № 42. Взял у него Бориса Лихарёва рассказы. Немного почитал, и спать.

Вчера была тёплая погода весь день. Это начало масляной недели. Говорят, если этот день тёплый, то и весна будет ранней. Увидим.

Витька дежурит. Нарезал дров осиновых, но не затопил печь. Вышел скандал с Поляковым, никто с ним не может ужиться.

18 февраля 1942 года

Подъём в 8 [*часов*]. К 9.30 я на завтрак. Левин уже позавтракал, оставив мне свои 200 [*гр.*] чёрного [*хлеба*] с довеском. Сегодня хороший гуляш с пшеном, без масла завтрак. После завтрака читаю очерк Б. Лихачёва. Ветер!

В 11 часов Поляков берёт меня, Куксу, Паршакова в БАО к Розенблюму, и мотористов. К 12 [*часам*] мы были там, Розен уехал в Питер.

Зашли в вещ. отдел (принимает с 4 до 8 [*часов*]), финчасть, потом на обед к 1-му часу.

Мы с Куксой первые. К 14 часам пообедали: суп (горох), котлета с пшеном, хлеб — 300 [*гр.*].

После обеда поспал часок, потом почитал Дж. Мильбера — «Пре-йскурант», — отремонтировал часы, пришлось выбросить минутную стрелку.

Хочу есть, не могу дожждаться ужина.

Да, приехал Григорьев, Блинов с РБ № 3, картина такая же, что и на РБ № 2.

Сегодня в 20 часов в школе лётчиков концерт, не хочу идти, если хочется есть, и нет настроения.

На ужин пришёл первым, поскандалил с Николаевым, поскандалил с Поляковым (спор продолжился и в землянке после ужина), чуть было не оставил Сергея Паршакова без тарелки.

Гарнир — чёрная вермишель. Съел двойной гарнир, хлебная норма обычная.

С Аркашей, фототехником, договорился на 10–11 часов (дом № 9 на левой стороне от школы лётчиков), чтоб сфотографироваться для удостоверения личности. Значит, не надо одевать свитер, одеть португую — учесть при одевании утром.

А сейчас — почитать и спать. Впрочем, схожу на концерт. Пошли с Дахно по наикратчайшему пути (иду впервые) в школу. Опоздали, и, потому что там командующий Селезнёв, нас не пустили.

Я не стал дожидаться, пошёл спать. Опять нашел насекомых. Умылся и лёг спать. После концерта, оказывается, были танцы. Селезнёв и Шанишвили отличились в танце, говорят.

19 февраля 1942 года

Подъём в 8.00. Быстро умываюсь, завтракаю: пшено, котлета, масла нет. Полежал после завтрака и с разрешения Полякова пошел к фотографу в дом № 9 — нет его. Зашёл в школу, поговорил с Бус насчёт простыней. Говорит, чтобы пришёл перед обедом.

Пришёл перед обедом — нет ***** . Поговорил с лётчиками. Лётчики жаждут отдыха после 8 месяцев войны.

Обед в 15 [часов]: суп (горох), пшено с котлетой, хлеб — 300 [гр.]. Кушаю, разрезал хлеб.

Иду домой — большой стул по пути.

Полежал, говорят, терпи. Пошёл в школу, ждал, читал книгу до 17 [часов], ушёл. Узнаю, что на РБ едет весь полк (техсостав). Черт возьми, на один МИГ столько изменений!

Не буду роптать, береги здоровье.

Ужин в 10.00: пшено, котлета, чай, хлеб — 200 [гр.], кусок от Левина. С ним в расчёте.

Завтра едем на РБ. Сегодня кино «Златые годы» в 8 часов.

Получил из дому 2 ноябрьских письма.

Главное, береги силы и здоровье.

Сходил в кино. Посмотрел до половины и ушёл. Ребята в ожидании кино спивали песни под руководством инж. [инженера] полка по вооружению.

Спать (около 11 [часов]). Когда шёл, были ночные полёты, и гробанулась У-2.

20 февраля 1942 года.

Подъём в 7 [часов]. Позавтракал с 8 [часов]: суп ячневый, гуляш, два гарнира, масло — 14 [гр.], сахар — 50 [гр.], и хлеб — 500 [гр.], взял с собой плюс мясо — 100 [гр.].

Если собирался уехать в 8 [часов], уеду в 12.

Сходил к фотографу, так и не добился ничего.

С собой взял походную сумку, матрац, одеяло.

В 12 [часов] выехали, масса происшествий.

Приехали к 41-му БАО, прибыли на РБ № 1: не ЛАГи изучать, а МиГи ремонтировать.

Сходил на барахолку у кольца, жуткие цены, потом был у девочек, знакомых, из Суури, потом приехали на РБ № 2, устроились кое-как.

Нас поставили на лётно-технический паёк!

21 февраля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Завтрак в 41 БАО: хлеб — 300 [гр.], сахар — 25 [гр.], масло — 30 [гр.], гречн. [гречневая] каша с маслом. Всё съел сразу.

После завтрака построение, и пошли в цех. Начальник и комиссар базы поставили задачу: дать 10 с-тов [самолетов] к 1 марта.

Ребята недовольные расходятся по бригадам. Я в бригаде с Мокроусом на 3110 (на аэродроме).

Инж. [инженер] дал нам задание привести в порядок общежитие. Я вытираю ватой окна, подметаю пол с Паршаковым, выношу ведрами жидкость из лохани (это дело Куксы, он дежурит, и поэтому он загнулся).

Дело движется к обеду. Решили с Сергеем Паршаковым сходить в город. Идём на обед в 13 [часов]. Захожу в аптеку и покупаю пачку зубочисток. Думая, что столовая уже открыта, иду с Виктором Смирновым и Филатовым.

Оказывается, столовая ещё закрыта, и мне нужно ждать. Ждём, однако, недолго. Столовая открывается, и мы занимаем стол — 3 справа — у Дуси — большой.

Сначала она обслуживает два первых стола. Вскоре мы тоже получаем: суп из сухой картошки, мясо-брезе, 2 куска — 150 [гр.], крупу ячневую — 60 [гр.], хлеб — 300 [гр.].

Удивительный обед: особенно второе с луком, ячневая каша приятно подгорела... Я доволен...

После обеда пошли на «толкучку», купил за 15 руб. мыло. Потом зашёл в часовую мастерскую напротив ДК Промкооперации⁶⁹. Сначала еврей — мастер — отнекивался, потом согласился через час починить. Обещаю зайти к 16 часам, иду в Ситный⁷⁰.

Достигаю Ситного, дальнобойная бьет почти по рынку. Покупаю 500 гр. хлеба за 150 руб., 200 гр. съедаю, иду на рынок, меняю на 100 гр. колбасы, съедаю.

Покупаю 500 гр. хлеба за 150 руб. Покупаю 2 кубика «Сен-Сен». Спешу в мастерскую и получаю часы, отдаю... грамм 200 хлеба. Сволочь еврейская...

По пути домой покупаю 250 [гр.] льняного масла за 200 гр. хлеба (по 25 руб. посчитали) и 125 руб. деньгами.

По пути отпиваю глотка 2: масло ничего, чуть горчит. Парень советует поджаривать хлеб и [есть] с солью.

К 5.30 я уже дома.

Завтра будем питаться на РБ № 2, приходил и много обещал сам начпрод. Приказ округа: обеспечить лётно-тех. [лётно-технический] состав питанием (чем они питались в частях) при РБ.

К 19 часам пошли с Куксой на ужин. Ларёк у ***** подпирает женщина. Думая, что [это] мальчик, спрашиваю: «Мальчик, что с тобой?» Оказывается, женщина средних лет, и на меня глядят безумные глаза, ничего не понимающие уже, и губы что-то лепечут, выделяя пену.

Помощь была бесполезна. Я подал ей валяющуюся рядом ватрежку и с мыслью, что на обратном пути здесь будет уже труп, пошёл далее.

К 8 часам поужинал: вермишель с маслом подсолнечным, масло — 20 [гр.], чай. Кушаю вермишель с маслом льняным...

Сильно нагруженный хлебом, от которого сильно пучит живот, и маслом, от которого чуть-чуть не тошнит (*****).

Заходим с Куксой к Лидии, Ане, Дусе, Жене, Марине... Кукса играет с ними в карты, я прилёг на койку и уснул. Маруся вчера похоронила сына Геннадия ***** ***** Дубовика... Хорошая дева: в Суури я её не замечал, но она меня знала. Вчера она откровенничала и хорошо отзывалась обо мне: ребята пьянствуют, а он на лы-

⁶⁹ «Промка». В 1960 году был переименован в ДК имени Ленсовета. Дворец не закрывался даже в блокаду (Каменноостровский пр. д. 42).

⁷⁰ Старейший рынок Санкт-Петербурга, основанный в 1711 году. Первоначально рынок назывался обжорным («обжорка»). В просторечии часто употреблялось и другое название — Ситный рынок.

жах, ребята пьяны на танцах, а он всегда трезв, чисто одет, обычно в хорошеньком гражданском костюмчике и всё время танцует, чаще бывая на танцах.

Идём домой в 9.30. По дороге имею б. стул. Кукса — недалёкий парень. Весь круг его интересов сводится к пище и женщинам. Он перестал мне нравиться. Надо искать товарища лучше себя мне...

В общежитие совещание: обсуждают рабочий день и намечают работы на завтра. У Перетрухина много разговоров. Сколько будет дела, интересно?

22 февраля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Умывание. В 8 [часов] в комнатке столовой. Тепло, уютно, столики с клеёнкой, но для нас комната явно мала. Сегодня суп пшенной — 40 [гр.], пшено — 60 [гр.], с растит. [растительным] маслом — 15 [гр.], чай, хлеб — 300 [гр.]. Как будто бы ничего.

Я добавил своего масла, дав ложку Витьке Смирнову.

После завтрака построение. В 8.45, почти в 9 [часов].

Кукса взял мою кружку и оставил в столовой — не давать!

После построения идём в цех № 1 и там распределяемся (в который же раз!) по работам.

Опять вводная Перетрухина, выводящая из терпения даже комиссара Петрова.

Нам дают 2 моторных сумки инструмента. Тот инструмент, что я сдавал 2 дня тому назад в склад, привезён обратно.

Мокроусов берёт одну сумку, оставляя вторую, они неполные, оттого они и не нужны, потому что нужный инструмент в них отсутствует.

Перетаскиваем автогенную установку (а рабочие наблюдают).

В 19.40 направились на аэродром. Зашли на «толкучку», ещё никого нет. В 10.40 — в ангаре. Напрасно брали разовый пропуск: калитка есть напротив яслей.

МИГ-3 № 3110. На нём ставят пару инженер Володя из ОТК и Виктор Ольшевский. Вчера воткнули мотор. Помог им, поставив 2 м/радиатора, винт.

На обед пошёл в 15 часов, оставив у Виктора *****. Виктор хочет работать до 18 часов. Мы на это не согласны.

А Дахно смылся в 2 часа. То же сделаем и мы завтра...

Заходим на толкучку, ничего интересного.

К 16 часам я дома. Беру прибор, масло, спускаюсь на обед. Витка С. недоволен обедом. Один в комнате — красота. Увидел у Андрушкина перец, попросил в ложку. Просит Мокроусов, не даю.

Обед: суп-горох + 150 гр. мяса, котлета с пшеном и растит. [*распительным*] маслом, 200 [гр.] хлеба. Употребляю своё масло. Чудно!

После обеда узнаю, что был здесь герой. Приехал Никишин Васька.

Прилёг поспать после обеда. Заехал Беляев, привёз 60 подарков на полк и винт в Касимово (ну, нам, конечно, ничего не будет), а 6 литров вина было на 40 чел.

Выпил из кружки 150 гр. за 5 руб. — вот вам и праздник, 24 годовщина Кр. [*Красной*] Армии. Как они легко хотят купить человека. Ещё раз убеждаюсь в том, что надо (условия вынуждают) быть эгоистом.

На РБ ничего не буду делать. Работаю, чтобы скоротать время от приёма до приёма пицци!

Почитал Лавренёва и заснул до ужина.

В 19.00 ужин: котлета, пшено, хлеб — 200 [гр.], нет чаю.

Беру холодную воду в столовой и кипячу.

Завтра будут другие продукты, сказал начпрод.

Моё маслице кончается, просил Мокроус, и я не дал. Больше никому не даю!

В 9 часов принесли приказ по РБ: 153-й ИАП (прим. техсостав 153-го ИАПа, командированный на рембазу) скверно работает, рано уходит с работы. Учреждается день с 8 до 18 часов. Тогда уходим в 14 часов с аэродрома на обед и приходим в 16–17.

Полякову и группе командования РБ объявляет благодарность.

В 10 часов умываюсь к отходу ко сну. Мыло уже стацили с мыльницей!

До 11 [*часов*] записываю дневник. Почитаю и... спать.

Ради праздника надо будет сходить на Ситный рынок и купить хлеба, муки...

Хочется пить, пью завтра 2 кружки чаю. Завтракать иду пораньше, может быть даже без умывания. Да, сегодня довольно сильный утренник!

Вчера написал, сегодня отправил домой письмо.

Пить масло целыми глотками нельзя: желудок не выдерживает и вызывает рвоту. Вчера ночью перед сном выпил глоток, и спустя некоторое время вырвало.

Всю ночь дальнобойная артиллерия немцев была по Ленинграду.

23 февраля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Умылся, к 8 [часам] позавтракал: суп рисовый с мясом, греча с маслом раст. [растительным], масло — 30 гр., сах. [сахарный] песок — 50 гр., хлеб — 300 [гр.], чай. Чудный завтрак. Дежурит Филатов — не позволил лить воду в суп, сама официантка свидетель тому. Да, сегодня наши продукты.

Вчера с вечера хотел пить. Утром же уже не хочу. Всё же чай вечером необходим.

Масло кончается, оставил грамм 15 масла, то же сах. [сахарного] песку и грамм 50 хлеба на ужин.

Построение внизу. Роюхов читает приказ по полку. После читает приказ по РБ, содержание которого знаю уже я.

Да, за нас берутся, видимо, крепко.

Идём строем в цех. В цехе уже собрались все.

Перетрухин докладывает начальнику РБ. Тот строит всех в две шеренги, начинается скандал: «Работайте так, как на линейке, иначе доложу командованию ВВС, комиссару Иванову». Вызывает перестроем Корнева.

Расходимся и идём в ангар. Я пошел по наб. Чёрной Речки с Позняковым.

Семёнов уже работает. Ставлю винт, контую, ставлю кок⁷¹. Семёнов (я не прошу) помогает мне.

Приходит Виктор Ольшевский и даёт задания! Мне возиться с Р-2 и снять штуцер БНК 10.

Работаю, помогаю всем: и Семёнову, и Мокроусову, и Познякову. Познякова берут в компрессорную.

В 12.20 идём на обед, т.к. Ольшевский должен достать бензину для компрессора РБ № 1.

К 13.30 пообедал: суп (горох) — 550 [гр.] с 40 гр. мяса, рис со зразами (2), хлеб — 200 [гр.]. Хороший обед, я доволен. После хорошего завтрака даже не хотел кушать.

После обеда можно ехать на машине.

Захожу в комнату к Шелагину. Зашёл разговор об авторучках. Шелагин был в Берлине, купил за 6 долларов автомат, но потерял. Потом перешёл разговор о блокаде. Шелагин считает, что голод этот быстро забудется, люди опять будут стараться чище, изящней одеться, а значит, за счёт желудка. Он считает, что хорошо одетый

⁷¹ Обтекатель на винт, снижающий аэродинамическое сопротивление.

человек должен иметь несколько костюмов и по сезонам. Нет, я никогда не буду одеваться за счёт желудка. В конце концов, я буду ограничиваться одним военным костюмом и буду иметь здоровый вид и (главное) желудок, пищеварение.

Вошёл комиссар РБ, я вышел искать штуцер. Вернулся — все ушли! Решил идти пешком, встретил комиссара Петрова, мотористов. Петров спрашивает, куда? Тороплюсь на аэродром — машина. Да, Виктор задерживается с пропуском, поэтому ребята пошли пешком. Я решил ждать и дождался. Еду с Виктором, он держит бидон бензина.

После обеда работали до 17 часов — [*вернулись*] на машине домой. Здесь, Кукса получил на меня и себя подарок. На всех нас (40 чел.) привезли 20 подарков, некоторые не получили, некоторые получили на 1 чел.

Некоторые получили на 2 чел. — один.

Дожидаюсь Куксу, он приходит в 6.20.

Разбираем: водки — 250 [*гр.*], 14 пряников, кусок ковриги, горошек «Октябрята», колбаса, грамм 300, пастила — 200 [*гр.*], 1 пачка махорки, 1 пачка спичек (отдал Куксе); остальное же разделили пополам. Мне достались ещё зубной порошок, носки трикот. [*трикотажные*], мыло туалетное, нос. [*носовой*] платок.

Можно быть довольным подарком, тем более что дали на полк их мало. Откровенно говоря, я как-то не надеялся даже.

Свои 125 грамм отдал Ольшевскому — не хотел пить, потом хлеб было долго ждать.

К 7.30 съел с маслом пшено и котлету, выпил 2 кружки чаю со снедью, вкусно, но желудок не отягощён. Полной сытости не чувствую.

Масло моё кончилось. То, что стечёт со стенок бутылки за ночь, [*положу*] в суп завтра — бутылку выброшу.

Филатов дежурил, хорошо. Его хотели купить, обмануть, но он был последователен до конца.

После ужина заполнил дневник (лампа бензиновая дважды вспыхивала, и я гасил её шлепком).

Чаю в столовой уже не хватило. В нашу комнату идут кушать все из РБ.

Говорят, что мы скоро перекочем на РБ № 1 изучать ЛАГи, ремонтировать и получать. Новая для меня машина — это интересно!

Пойду к Виктору, он посмотрит часы мои, научит в них разбираться.

Настроение моё к концу дня поднялось. Да, а у Познякова оно понизилось. Он ворчит, в конце концов, он крохобор. А подарка он не заслуживает.

Пошёл к Виктору. Посидел, поговорил. Оказывается, он был в 1933 году в Кошелево, знает о деле Бауева и Валуева. Потом слушал лекцию Виктора о машине, часах, смотрел, как он ремонтирует часы. Он подарил мне стекло для «ЗиФ»⁷², но я не взял пока, боясь разбить, подарил лупу часовщика. Поздно я ушёл от него.

У нас темно, все спят, спотыкаюсь о спящих на полу. Раздеваюсь, чищу зубы, умываюсь, укладываюсь спать.

24 февраля 1942 года

Подъём в 6 [часов]. Быстро споласкиваю лицо, чищу зубы и на завтрак. Официантки не было к 6.30.

К 7 часам позавтракал: суп гороховый, пшено с маслом, хлеб — 300 [гр.], масло — 30 [гр.], песок — 50 [гр.] (съел всё, т. к. оставшееся украдут, как вчера у Чусова подарок с сумкой из фюзеляжа). Нач. [начальник] столовой обвиняет нас в том, что крадём ложки, деж. [дежурный] Филатов вчера пытался украсть 2 кг хлеба.

Построение в 7.45. Мотористы гадят у себя в дверях — безобразия. Идём в цех, потом на аэродром.

Сегодня -7°C , идёт пушистый снег.

По дороге заболел живот, делаю привал у вокзала с Позняковым за компанию.

Сегодня ставлю створку м/радиатора слева.

В ангаре холодно, а на улице тепло.

Инж. [инженер] Кудрявцев привёз плоскости, помог ему выгрузить и еду на РБ на обед. К 15 часам спокойно пообедал. Идти до ангара 40 мин. Делаю записи, получаю табак. Надо будет зайти на базар с пачкой табаку.

У Полякова утащили сумку со стабилизатора. Он потом нашёл её, но горошка и постного сахара (остаток от подарка) уже не было...

Это говорит о том, что ничего оставлять ни в общежитии, ни в цехе, ни в ангаре нельзя.

Всё время бьёт тяжёлая артиллерия. По-видимому, немцы опять обстреливают город.

⁷² Марка часов Пензенского часового завода.

Обед сегодня (дежурит Пилипенко — подлиза): суп пшеничный, кусок мяса, котлеты (или зразы 2) с горохом — чудный гарнир, но мало, хлеб — 200 [гр.]. Обедом я доволен.

Немного подождал адъютанта и получил пачку табаку 3-го сорта «А» (100 гр.). Пошёл на базар, 200 [гр.] белого хлеба съел. За 120 руб. [купил] 600 гр. черного хлеба. Вернулся к ужину.

Пошёл на ужин с хлебом. С Витькой выпили 125 гр. белого вина. Хлеб съел с чаем и солью, оставив ломтик к утру. Сегодня пшено — гуляш.

После ужина почувствовал потребность спать. Спать лёг рано. Да, перебрался в малую комнату. Почитал, и спать...

25 февраля 1942 года

Подъём в 6 [часов]. Быстро спускаюсь в столовую. Холодно сегодня: температура -25°C . Официантки еще не пришли.

Да, поднялся наверх и ждал до 7.20, потом без суеты покушал: пшеничный суп, рис с раст. [растительным] маслом, хлеб — 200 [гр.], масло — 30 [гр.], сах. [сахарный] песок — 50 [гр.].

Построение в 7.45. Выводим 63-ю из цеха, потом идём на аэродром. Ставлю правый каркас капотов.

Привезли 63, 58, 42 (35). Едем на обед в 13.30.

Целый день на морозе, и погреться негде!

Сильно замёрз и не могу согреться. Дочитываю Бориса Лавренёва, умываю руки, иду обедать. Сегодня нет хлеба для военных. Обед сегодня неважный (дежурит Витька Смирнов): суп (горох), пшено (гуляш) (даже не похоже, что 150 гр.), хлеб — 200 [гр.] (300 [гр.] дадут, вероятно, в ужин).

Сейчас будет машина на аэродром. Я пойду пешком через базар (пройдёт время). Беседа о том, что кадры нашего полка держат здесь... бардак!

Пошёл на аэродром, по пути зашёл на Кольцо, ничего не купил. Закончил читать повести Лавренёва.

К 17 [часам] был на аэродроме. Потолкался. Говорил со Свистенко. Нет воздуха, чтоб запускать, накрыли мотор тёплым чехлом и ушли. Подъехал на грузовике с Камбуларовым. Оставшийся путь был вместе с Ольшевским.

В 6.30 поужинал: 300 [гр.] хлеба, пшено-гуляш, чай пустой. Весь день кормят плохо, плохие продукты.

Хорошо умылся, и спать.

Всю ночь вались снаряды где-то совсем рядом.

26 февраля 1942 года

Сегодня тоже морозец. Осталось 3 дня (неполных февраля). Это хорошо, чёрт возьми. Говорят, что наши взяли Старую Руссу, при этом уничтожив 12 000 немцев.

Подъём в 6.15. Завтрак кончаю в 7 [часов]: суп-горох (у меня с мясом), греча (гуляш), хлеб — 300 [гр.], масло — 30 [гр.], сах. [сахарный] песок — 50 [гр.], Витька дал мне хлебца от каравая.

Съел всё и... не чувствую.

С Мокроусовым и Позняковым пошли пораньше на аэродром, попили и стали организовывать подогрев мотора.

Мокроусов колет дрова и растопляет Гончарку. Я иду в каптёрку Шелапина за печью, но она закрыта.

Стоило нам идти пешком, когда вскоре приехали все на авто? Беру лампу, зажигаю, подогреваю, пользуясь приспособлением Желанина⁷³, картер мотора. Вокруг меня целый *****: Филатов Мишка, Смирнов Витька и др.

Носил воду в Гончар. из водоёма, принёс 4 ведра (или 5).

Да, вчера объектом артобстрела была РБ № 1: разбито 3 ЛАГа, 1 СБ⁷⁴, 1 БЗ с английским горючим⁷⁵, 1 ВМЗ⁷⁶. Поэтому решено рассредоточить и нашу матчасть.

Понемногу рассредоточиваем. Готовили мотор к запуску: я сижу в кабине, Семёнов лезет в помощники. С Божьей помощью испортили индикатор, трудно понять, кто из нас виноват, тем более что плунжер винта слишком туг.

Раздражает то, что воздухораспределение неправильно: в одном положении винт не проворачивается воздухом, и баста⁷⁷. Кое-как

⁷³ Практически аналог лампы АПЛ, широко применявшейся для подогрева двигателей при низких температурах.

⁷⁴ Скоростной бомбардировщик конструкции Туполева.

⁷⁵ Бензозаправщик с английским горючим, в числе первых поставок в рамках ленд-лиза числилось также авиатопливо.

⁷⁶ Водомаслозаправщик.

⁷⁷ Скорее всего, проблема не в неправильном воздухораспределении (например, могли трубку перепутать при сборке), а в низком давлении воздуха из-за неисправности пускового насоса ПН-1.

запустили. Погонял минут 5 — течь масла. Выключаю. Выясняют, где течь.

Запускаю ещё раз. Боже мой, зубы лязгают от тряски. Трясет на 800, 1000, 1100, 1500... Мотор даёт 1830 об./мин. Гоняю минут 15. Ролик Р-2 туго ходит. Давление масла мало (7). Сигналят — выключай.

Прогорело 2 возвратных клапана, 2 трубки, 3 цилиндра слива не работают. Сливаю масло, воду, вызываю специалистов из РБ № 3, у них есть запчасти.

В 1.45 едем на обед на машине.

С Витькой поднимаемся наверх. С Засельским договорился, что куплю через него масла сливоч. [*сливочного*] за 350 руб. Наверху нам сообщают, что едем в Касимово. Связываю матрац, собираюсь, греюсь и на обед.

В 15 часов обедаю: хлеб — 200 [*гр.*], суп-горох, гуляш — пшено. Кормят с каждым днём всё хуже и хуже.

Не хочется ехать и рассредоточивать машины.

Перетрухин заставляет ехать, а Поляков так и исполнял этот приказ.

Едем с тем, чтобы в 5 часов быть в РБ № 2.

Что я сделал после обеда? Ничего! Сходил в тёмный угол ангара, помог советом на самолёте 2242 при стыковке, поболтал с Ольшанским.

Не понимаю, почему ставят не обкатанный мотор, мотор-заготовку! Или заставляют ставить капоты на такой мотор!

Всё-таки пришлось снимать и вертикальный капот радиатора.

Оставил Семёнова, Ольшевского и пошёл домой.

В 6 часов поужинал, сдал талоны, вынул одеяло, чтоб укрыться с дороги, приготовился к отъезду.

Ужин плох: пшено с раст. [*растительным*] маслом, хлеб — 200 [*гр.*], чай.

Сел в ЗИС-5 (Сидаш). Выехали в 6.35 от Ланского, укрылся и только чувствовал остановки у контрольных пунктов, в 7.50 были в Касимово.

Сменил бельё, побрился, умылся, собрался.

Ребята уже готовы. У них богатая фантазия. Им мерещится Кинешма и Харрикейны⁷⁸.

Плохо веря в это, я готовлюсь.

⁷⁸ Переучивание на истребители фирмы «Хоукер» проводилось в Кинешме.

Самсонов вносит уныние, принёс из штаба 23-й армии весть, что 1 эск. не едет.

Укладываюсь спать часов в 11.

27 февраля 1942 года

Встаю в 8 [часов]. Умываюсь. Иду в столовую, Горохова нет (таллоны), а жрать хочется! Иду в БАО и встречаю ребят.

Кушаю по списку: пшено-гуляш, хлеб — 200 [гр.], масло — 12 [гр.], сах. [сахара] — 50 [гр.], пью 2 кружки чаю. Горохов себя включил в список техников, а Смирнова — нет. Витька не растерялся и покушал за Горохова. Даже Морокин Горохову ничего не дал, и он был вынужден идти в БАО. Не капитан, а баба!

У командования на каждый час новое решение. Откомандированные на РБ остаются на месте. Нас, по-видимому, оставят. Лётчиков наших оставляют. Те, обычно презирая техников, не хотят остаться без них! Трубицин даже недоумевает: «Неужели вам не хватает пайка?» Да, у лётчиков уже появляются куски... Им здесь хорошо!

После завтрака беру бельё из стирки. В землянке меня ждут письма из дому от 4 и 6 февраля. Хорошие, подбадривающие письма.

Отец получает 800 гр. хлеба, мать — 400. Не хватает сладостей.

Ребята все думают, гадают, проклиная Семёнова.

После полудня вбегают посыльный с КП полка и требует Сидаша, всем ясно — РБ. Так и есть. Вскоре Копылов извещает, кто едет. Еду я, конечно. Надо собираться, обедать, ужинать, почтовая машина Баржана ждёт нас у лётной столовой.

Кукса и я при комиссаре требуем в баню, ссылаясь на то, что насекомые... Баня есть там — ответ. Корнев сказывается больным...

Беру сапоги, одеваю синие брюки вместо тёплых кальсон, свитер диагон. гимнастёрку, заворачиваю телогрейку, туалет. Одежду оставляю укрыться — сильная выюга сегодня.

Свёртки тащу на себе до столовой. К 14 часам съел обед и ужин: суп горох-пшено жидкий, двойной гуляш, греча с растит. [растительным] маслом, хлеб — 300 [гр.], хлеб — 200 [гр.] + масло (10 [гр.]) с собой.

Иду к лётной столовой. Нахожу место в уголке машины и, как сельди в бочке, в 14.40 выезжаем. Часто останавливаемся в дороге,

сломали борт, покалечили сидящего на нем Полякова (сидя на борту, надо быть внимательным!), укрылся одеялом я не зря.

Сегодня ехали уже не 1.15, а 1.40...

Почти 17 часов. Устраиваюсь на старую кровать. Топим печь. Вскоре приходит и вторая машина. Кипячу в кружке воду. Она долго не кипит. Наконец закипает. Пью воду напополам с Витькой С.

Спускаюсь вниз, иду в сушилку, потом в столовой съедаю хлеб и пью 2 чашки чаю.

Забегая к Ольшанскому. Уже 19 [часов], а он на аэродроме!

Рано ложусь спать. В 9 [часов] бужу спящего Витьку, чтоб разделся. Горохов даёт талоны на завтра.

Чертовски хочется есть. Да, Сашка Григорьев ожидал авто в столовой лётчиков и наблюдал, как те бросаются уже хлебом. Сашка не стеснялся и взял в карман несколько кусков черного и белого хлеба. Белый хлеб! Я забыл, когда я его ел. Ради хлеба можно сейчас пойти на всё! О, как я ненавижу Трубицина, Плющ и прочую сволочь!

Ну, чёрт с ними! Может быть, скоро и я откормлюсь. Но блокаде ещё конца не видно.

А о Большой земле и думать не надо, т.к. я попал в несчастный полк: лётчики не хотят и их оставляют (они же отдыхают!), ну и держатся за нас. Завтра надо одеться потеплей, чтоб не мёрзнуть, ничего не делая. Надо постараться устроить отдых.

Пишу и слышу, как воеет ветер: метель, вероятно.

Вот она, наша русская организация. Ничего не понять! Мы опять на РБ. Раньше я все эти перемены переживал, а теперь в душе только смеюсь над ними. Надо жить сегодняшним днём, в данном случае — от завтрака к обеду и к ужину.

Сегодня ещё раз можно было убедиться, как мало о нас заботятся: понапихали в машину людей и... езжайте, чёрт с вами, как-нибудь!

Хочется быть безразличным, но как это всё же трудно!

Сейчас 23.30. Подъём в 6.15. Завтрак с 6.30 или с 6.45. Надо ложиться спать — это ясно. А завтра будет видно, что к чему. Догадываюсь, что будем доводить мотор 3110⁷⁹. Это было бы хорошо, если б не пришлось принимать эти МиГи.

Боюсь, что это так, будет возни с ними. Пробыть бы здесь до тепла...

Тогда и ЛИ-35А, и МИГ-3 будут хороши.

⁷⁹ Здесь и далее — последние цифры серийного номера ремонтируемого самолета, который присвоен заводом-изготовителем..

28 февраля 1942 года

Подъём в 6.15. Ночью часто ходил за нуждой, чем это объяснить? Кажется, начинаю входить в норму, за большой потребностью хожу ежедневно.

Быстро умываюсь, иду в столовую. К 7 часам кончаю завтрак: суп-горох, греча с раст. [растительным] маслом, всё остальное по-прежнему. После приёма пищи отдыхаю. В 7.45 построение, и на авто. Едем работать.

Я опять на 3110. По существу ничего не делаю: поставил капоты мотора с левой стороны.

Семёнов любит поговорить, а поработать он не любит. Например, он начал мне втолковывать насчёт Р-7 и Р-2 и соответствующим им ВИШ-22Е и ЛАГ-5⁸⁰. Я знал, что всё дело в переходниках, они ставятся лишь в одном положении.

Я отказался копать в (радиаторах) карбюраторах⁸¹. Пришел спец из РБЗ и не мог в течение дня заменить 2 трубки и 2 клапана.

В 14 часов поехали на обед. Кажется, я один поднялся, чтоб помыть руки. Встречаю Голубчика, что он делает? Пророчествует насчёт того, что мы получим отсюда МиГи. Значит, так и будет. Согласен, летом они будут неплохо работать. Пожалуй, лучше иметь свой ЛАГ и свой МиГ, чем толкаться здесь на всех машинах.

После обеда в 15 часов вижу Ерлыкина: он в фуражке, чуть постарел. Его 7-й корпус получает МиГи, 63-й, 65-й, 35-й, 42-й уже улетели в Углово⁸².

В 17 часов и я уйду, т.к. делать нечего, Мокроусов до вечера ищет палец сектора газа⁸³, Поздняков отозван на 1158.

Зашёл на толкучку, купил 25 гр. шоколаду за 70 руб. Съел. В 18 часов умылся, получил на 10 дней талоны для РБ в столовую.

Пошёл к 19 часам на ужин: пшено с котлеткой, хлеб — 200 [гр.]. Обед: суп-пшено, пшено и 2 котлетки, хлеб — 200 [гр.].

После ужина читаем вслух «Лен. правду» за 25 февраля. Пошли на Ленинград поезда с продовольствием, письмо Жданову от ма-

⁸⁰ В 1942 году знаменитый Ла-5 иногда называли ЛаГГ-5. Речь идёт о разных типах регуляторов оборотов винтов и типах самих винтов, с которыми те работают на двигателе.

⁸¹ На моторе АМ-34 их 4 штуки.

⁸² Аэродром 158-го истребительного авиаполка на северо-востоке от Ленинграда, (по Дороге Жизни).

⁸³ Чтобы тяга от сектора не имела люфта, палец должен входить плотно, с натягом. Они изнашиваются в эксплуатации и требуют частой замены.

шинистов-водителей тяжеловесных поездов (нормально — 500, они возят 1500-тонные составы). Опубликовано ***** разгрома 16-й немецкой армии (12 000 убитых) под Старой Руссой.

1 марта 1942 года

Подъём в 6.15. К 8 часам завтракаю: суп рисовый — 40 [гр.], греча с раст. [растительным] маслом, сах. [сахарный] песок — 50 [гр.], масло коровье — 30 [гр.], чай. Болен: озноб, боль в животе.

В комнате дует, печь топить нельзя, дым идёт в комнату. Хотя температура -8°C , на улице холодно, т. к. дует ветер. На аэродроме, вероятно, метель.

«Сплю» до обеда в 14.30: суп с горохом, мукой, жидкий, греча и 2 котлеты без подливки, хлеб — 200 [гр.], неважный обед.

После обеда поднимаюсь наверх и не знаю, что делать. Напишу письмо домой, пожалуй.

Хотел сходить на рынок «Светлана», но потом вспомнил о возможности заразы и не пошел.

Ничего не хочется делать. Хочется одного: очутиться в углу комнаты в Суури и в тепле лежать, читая что-нибудь интересное... Болен, поэтому и нет настроения, вполне понятно.

Написал письмо домой. Почистил пистолет, обе обоймы. Смирнов, Корнев, Шилкин и мотористы скоро уедут на РБ № 3. Защепинский едет в окружные мастерские ремонтировать винты. Ужинаю с ними в 6.30: котлета с гречей без жира, хлеб — 200 [гр.].

Спать укладываюсь, не раздеваясь: сильный озноб.

2 марта 1942 года

Подъём в 6.15. Завтрак в 7 [часов]: суп-горох, греча, хлеб — 300 [гр.]. Полмасла, полхлеба оставил на ужин.

Теперь в этой комнате будет питаться лишь руководящий техсостав, остальные — из котелков соседней комнате.

До обеда закрыли щелевые ленты, завели машину в ангар, завели ***** в ангар. Время прошло незаметно.

Обед в 15 [часов]: суп пшеничный, греча, котлеты (2), хлеб — 200 [гр.].

Приехал Этельман, ищет Куликова.

Не пошел на аэродром. С Позняковым пошли искать болты к капотам миллионки⁸⁴.

Ждём баню. В 17 часов пошли в баню. Хорошая баня — одно целое с раздевалкой. Нормально помылся, одел старое бельё (оно чистое). После бани зашёл в сушилку. Сильно устал! Прилѐг.

В 6.30 пошёл на ужин: пшено с котлетой, чай с сах. [*сахарным*] песком и маслом. После ужина — спать.

Дают табак — 100 гр. на 4 чел., по 25 гр.

Часов в 10 вечера Аркаша Меев принёс мне 30 билетов вещево́й лотереи — все билеты № 017 — ерунда. Не имею никакой надежды на выигрыш. Ребята много говорят о выигрышах. Сегодня температура $-2\text{ }^{\circ}\text{C}$.

3 марта 1942 года

Подъём в 6.15. Завтракаю из котелка: суп пшени́ый — 40 [*гр.*], греча с маслом, масла съел 30 гр, сах. [*сахарный*] песок — 50 (оставил 1/2), чеусовское масло оставил на ужин, хлеб — 300 [*гр.*].

Построение в 8 [*часов*]. Красновский говорит, что будет давать бригаде срочное задание. Поляков, Мокроусов, Блинов и др. едут получать награды в Агалатово. Позняков тоже едет, но по личным делам: открыли его чемодан, видите ли!

С И-16 едем на аэродром, прыгиваю у парикмахерской в 9 часов, постригаюсь и бреюсь (с одеколоном!). В 10 часов я на аэродроме. Ставлю патрубки, ставлю колодку мотора, ставлю капоты. Рабочий говорит, что закончил ВС-50.

У Марка купил за 600 руб. 300 гр. шоколада. К вечеру весь уничтожил. Есть что вспомнить. До обеда время вследствие этого прошло быстро. Вывели машину. Стали греть. Ждем ВМЗ⁸⁵. Стали проверять ВС — травит. Рабочего заставили устранять.

Еду на обед. К 14.30 пообедал: суп пшени́ый (в котелке больше!), пшено, котлеты (2), хлеб — 200 [*гр.*]. Чувствую — сыт. Машина ЗИС должна ждать у цеха № 1, чтобы погрузить винт АВ-5 для № 31, но авто ушла в 6 район с комиссаром РБ.

Сходил в сушилку. Идѐм пешком с тросом для съёмки мотора.

⁸⁴ Речь идет, скорее всего, о машине с заводским номером из 6 разрядов.

⁸⁵ Водомаслозаправщик.

Снимем мотор с 49-й, рабочего с РБ № 3 нет, а винт вращается в обратную сторону — перепутаны трубки.

Проверили шасси № 10 подъёмом и выпуском⁸⁶. Телагин принял. По-видимому, скоро придётся уйти с аэродрома.

Сидаш обещал машину. Не дождалась и пошли домой.

На собрание РБ не пошли, а пошли на ужин в 6.30: пшено с котлетой, хлеб — 200 [гр.].

После ужина лёг спать. Дали свет — городской, кажется. Но вскоре он погас. Всю ночь снился сон о бедном брате Саше, я ездил и разыскивал его.

Вечером (я не слышал) приехали награждённые. Говорят, был банкет в лётной столовой. Мокроусов захватил много хлеба и так наелся, что не использовал сухой паёк. Смирнов и Жилкин остались там. Что касается награды, то достоин её Кукса, а ему ничего не дали.

Куперов сделал чемодан из фанеры и клеит его эмалитом Доценко. Всё варит и варит — откуда берёт? Угощает Крылова.

В каждом полку должны быть повинные и награждённые. Сегодня температура -8°C .

4 марта 1942 года

Подъем в 6.15. Сегодня завтрак: рис-гуляш, хлеб — 300 [гр.], сахар-рафинад — 50 [гр.], масло — 30 [гр.], что называется, выгадали.

Построение как обычно. Сегодня температура -18°C с утра. Однако после поднялась метель, температура повысилась. После построения цеховое собрание. Живоглядов зачитывает цеховое обязательство. Потом выступает парторг Агафонов. Сначала говорил он неважно, но потом говорил хорошо. Удачно оперировал словами Калинина о том, что бойцы действующей армии, жители оккупированных районов, партизаны находятся в более тяжелых условиях, чем люди тыла, значит, можно от них потребовать больших жертв и даже крови.

Да, правильно. А то здесь люди, думая только о еде, ничего не делая, спрашивают лишь о том, скоро ли прорвут, когда прорвут.

⁸⁶ После выполнения всех работ по обслуживанию и ремонту шасси, положено их проверить несколько раз уборкой-выпуском, вывесив самолёт на подъёмниках.

Агафонов говорит прямо, что февральский план выполнен за счёт 153-го ИАП. Он говорит, что люди эти могут быть отозваны в часть.

Парторг говорит о мерах, которые могут быть применены к саботажникам.

Никаких выступлений. Только 2 раза проголосовали, и всё. Живоглядов напоминает о том, что эти 45 мин., время, в течение которого происходило собрание, надо отработать. Он говорит о введении в жизнь правил об опозданиях и прогулах. Неужели пришла пора для этого?

После собрания погрузили И-16 № 7 (Доценко) на ЗИС-5 и повезли на аэродром. В воротах из-за Доценко помяли хвост и сломали элеронную тягу. Я решил, что придется машину тащить обратно в цех, поэтому пошёл с Позняковым пешком.

Зашли на кольцо, почти никого нет.

К 11 часам мы на аэродроме. Суровый ветер в лицо. Дал задание на аэродроме Познякову. Сам погрузил на ЗИС-5 2 винта и приехал в РБ.

Витка С. приехал из окружных — сбежал вследствие плохой кормёжки.

Говорят, пришел приказ о присвоении новых званий: многим с в/т⁸⁷ дали техника-лейтенанта. Чувствую, что, соответственно, должность эту сделали и мне. Черт с ним, будем лейтенантом! Знания покажут со временем, кто чего стоит!

Только бы попасть в другую часть, здесь я безнадежно замаринован!

Написал и отправил письмо домой. Подремонтировал куртку (пришил пуговицы, петли).

Позавчера Маркович (Камбуларов) подломал № 65 на посадке (машина Кецмарашвили). Сильно переживает парень. Вчера я с ним говорил. Он нес подарок: в подарке для лётчика-испытателя не оказалось даже водки, а лишь 1/4 (250 гр.) перцовки.

И вообще, стоит ли давать подарки бездельникам из рембазы?

В 14 [часов] пообедал: суп гречневый (на 2 круга благодаря дежурному Филатову), пшено и зразина. Бледная официантка опять пыталась стащить обед, теперь она уже работает вместе с Катей в зале с тарелками. Да, здесь официанток не кормят, они голодны.

После обеда погрузили винт для 31 и поехали на аэродром. С инженером был у Живоглядова: хотят наладить учёт, нормы, табели.

⁸⁷ Военный техник.

После обеда сходил за ангар, сгрузил и помог воткнуть АВ-5 на № 31. Потом сел в ЗИС-5 и уехал домой. В 16 часов был дома. Что я буду делать у машины? Пускай каждый знает своё дело!

Полежал до ужина. К 6.30 поужинал: греча со зразиной, хлеб — 200 [гр.], много пил чаю (ночью не спал спокойно). На ужине поспорился с Николаевым: он говорит больше всех о честности, а сам ел два обеда и два ужина. Не хотел подводить Филатова, а то бы устроил я кашу вчера... Не терплю Николаева, как и Голубца (я почему-то их отождествляю).

В 8 часов совещание у инженера. Ругает, что же ему делать? Всё пропускаю мимо ушей, читая газету. Красновский нажимает на нас, опять дело идёт о карьере. Он говорит, что 10-я и 31-я идут к нам в полк. Посмотрим, если 31-я и 10-я уйдут в другую часть (на 31-й техник уже есть!), то я знаю, чего стоят его слова, и ради чего он брюзжит.

С совещания на совещание! В 9 часов у Жданова. Сначала он меня ругал, особенно Цая («Хаим», наверное), потом упрашивает дать машину не к 10 марта, а раньше, но прав — безобразия на И-16.

Обедаю. Расходимся около 23.30. Витька сбросил мою койку, сплю на столе. Доценко кушает суп с мясом, вызывая у меня зверский аппетит. С мыслью о еде засыпаю.

Около 5.30 утра у дневального загорелась коптилка на полу: «Пожар!!! Горим!!!» Все выбежали, потушили. Хорошо, что не было паники. Первой мыслью у меня было: одеть всё, чтоб было можно жить на морозе!

5 марта 1942 года

Подъём в 6.15. Скандально с Витькой, иду на завтрак. К 7 [гр.] кончаю завтрак: греча — гуляш, хлеб — 300 [гр.], сахар-рафинад — 50 [гр.], масло — 30 [гр.], чай — 2 [гр.].

После завтрака заполняю дневник, набрасываю план. Целый день на морозе с ветром. Если б солнце выглянуло! До 6 вечера на морозе. Ложку беру в голенище, нож в карман, чтобы не забегать на IV этаж.

Сегодня температура -23°C . На построении замёрзли уши. Набрал планчик рабаты. Красновский проверил план у Сергиенко.

Едем на аэродром. Холодно. Стоит часовой у амбара. Заходим в н/с столовую 41-го БАО — запах лука. Видел Витьку, с которым ездил в Ленинград из Майсниема⁸⁸.

На моторе осмотрели трубки — всё нормально. Проверить воздухом точно не удалось, т. к. мотор холодный, воздух свистит. Специалисты поговаривают о том, чтобы проверить установку ВС-50...

Мои друзья ушли греться, и я их не найду. Греются они слишком долго.

Познякову поручаю укомплектовать старый мотор. Жданов приказал с 43-й (И-16) снимать мотор. Витька О. ставит в/радиатор на 2242. ВМЗ должно прийти к 9, а его всё нет и нет...

К 14 часам пообедал, шел пешком: суп рисовый, зрза с горохом, хлеб — 200 [гр.].

Перебрался в соседнюю комнату.

Говорят, что в районе 23-й армии наши продвинулись на 8 км, выстрелов уже не слышно. Я видел много артиллерии, когда ехал сюда.

После обеда иду с Позняковым. Встречаю спецов с 24, но ВМЗ нет, сообщают они. Да, ВМЗ исправно было лишь к 16.30.

34-ю запустили, а я не мог этого сделать, т. к. АПЛ-1⁸⁹ засорилась так сильно, что пришлось разбирать её. Запускать было поздно.

В 17.30 ушли домой. Позняков ушёл на кольцо, а я зашёл в цех за фанерой, устроил ложе, подмылся, полежал. В 7.30 поужинал: греча и зрза, хлеб — 200 [гр.]. Сегодня нет соли. Почему так велика потребность в соли, перце, горчице?

Сегодня партсобрание базы. Я чувствую себя как-то беспокойно, много забочусь. Почему я не хочу быть беспечным? Надо быть беспечным — этим сохранишь себя. Сейчас лягу спать.

Вокруг разговоры о прошлом, о еде...

6 марта 1942 года

Подъем в 6.15. Я продолжаю валяться, так что поднялся в 7 часов. Позавтракал к 7.30, что считаю нормальным. Построение, оказывается в 8 [часов], а не в 7.45, надо будет учесть, выходя немного позже!

⁸⁸ Ныне посёлок Кирпичное.

⁸⁹ Лампа для предпускового подогрева двигателя.

Доценко должен сегодня ставить машину. Но она не готова, поэтому он экстренно заболел.

Перпендикулярно нашему строю выстроилась команда, и Жданов держит после приказа по РБ речь о симуляции некоторых рабочих, вызванных перед строем.

Сидаш объявляет, что авто не будет. Энергичным шагом идем на аэродром: я срезаю и иду у Академии⁹⁰ через двор, так выгоднее, особенно при сегодняшнем ветре. На набережной Черной речки горит дом; около [него] без суеты работают пожарные, два авто качают воду из речки, находясь на мосту. Из шлангов никакой утечки, только видны струи из брандспойтов. Около горящего дома погорельцы и немного вещей — обсуждают возможную причину пожара.

Вдали виден уже черный дым: горит или нефть, или уголь, или бензин. Склад, во всяком случае. Ребята поговаривают о том, что часто бывает так, что проворуются, а потом находят выход в поджоге. И это сходит, тем более, что в такое время.

Сегодня условия для работы крайне неблагоприятны: температура -13°C , но зато сильный и холодный северный ветер продувает до костей.

С приходом ВМЗ развели АПЛ-1, оказывается, ниппель даёт течь: Мокроусов долго возился и пожёг руку, пока у него она кое-как не заработала.

Долго заправляю масло (даже облил свой воротник), т. к. система холодная, фильтр замёрз, масло сначала из шлангов шло холодное. Кое-как заправил.

В это время начали подогрев. Отправил шофёра курить., хотя он просил, чтобы я достал для него папиросу (как будто он, заправляя мой самолёт, ставит меня от него в какую-то зависимость).

Проливаю воду — стою у горловины. Позняков жалуется, что течёт антифриз. Прогоняю его от кранов к горловине. Терпеливо жду, пока потечёт из крана радиатора горячая вода. Вот она пошла. Проверяю краник помпы: всё нормально.

Пока Позняков заполняет систему водой, я готовлю кабину к запуску. Запускаю...

Винт слабо проворачивается, часто застревает, из патрубков шипит воздух, так что вынужден оставить запуск и спустить воду.

Спускаю воду, оставляю масло. Неудача действует удручающе. Одни (Сидаш) говорят, что надо притирать золотник самопуска, другие (специалисты *** 24), что смотреть золотник и проверять

⁹⁰ Военно-морская академия на Ушаковской набережной.

регулировку, третьи (Защиринский), что надо выкинуть войлок из фильтра воздушного, и, наконец, последние (Витька О.), что виноваты возвратные клапана.

Решаю сделать наименее трудоёмкие работы: сменить или сначала посмотреть клапаны. До этого смотрю ВС левый старого мотора, разбираю его под руководством спеца, слушаю его лекцию по регулировке (1л — пол-открытия, 3 прав. сверху — ползакрытия) относительно мотора — 5 зубьев пройдя риску шестерни по отношению к передней опоре.

До обеда обнаружил, что 3 пр. клапан был от руки завёрнут, 6 пр. вообще никакими усилиями не открывался, заменили их и еще 4 пр.

Обед в 14 часов, не заходя на IV этаж: суп гречневый — 40 [зр.], горох — 60 [зр.], зразы — 75 [зр.], хлеб — 200 [зр.]. Хорошо поел, пережёвывая каждую горошину. В пылу работы не заметил, как подошло время обеда, и есть захотел, только подходя к столовой.

Вот что может заинтересовать в работе!

Завтрак сегодня был особенно хорош. Компо**** сам вырезал 65 стограммовых порций мягкого мяса и отдал поварам зажарить их. Ели сегодня жареную говядину — 100 гр., гречу — 60 [зр.], хлеб — 300 [зр.], 15 гр. масла и 20 гр. сахару-рафинаду оставил до ужина.

В 14.20 пошли, не заходя наверх, на аэродром.

Мне осталось на правой стороне посмотреть клапан 5 упл. До обеда я не мог отвернуть гайку. После обеда я в один приём сделал это. Оказывается, клапан не годен. Сменил его.

Мокроусову поручил завернуть гайки на клапанах, а сам полез осматривать бомбардировщик АР⁹¹. Познякову дал левую сторону: отвернуть гайки, одни лишь гайки.

Прошло немного времени, и я вернулся. Старина с левой стороны уже покончил, перейдя на правую, а Позняков говорит мне, что ничего не получается. Иду, и он под моим руководством смотрит клапаны 1, 2 упл. Не посмотрели лишь 4 и 6, т.к. не могли отвернуть гайку.

Не нравится мне работа Познякова: нельзя же всё время работать в шубных рукавицах! (Случай с пробкой расширительного бачка.⁹²)

Начинаю подогревать мотор. ВМЗ не может прийти, т.к. дорога загорожена, но машина может вот-вот появиться. Лампу задувает

⁹¹ Бомбардировщик АР конструктора Архангельского, дальнейшее развитие СБ.

⁹² Система охлаждения двигателя.

ветром, поэтому приходится сидеть с наветренной стороны у **** на корточках, чтобы пламя было ровнее.

Неведомо откуда появляются инженеры Агеев и Муратов. Вот они у И-16, Агеев отдаёт приказание отдать контрольного мастера 55-й ПАРМ⁹³ под суд.

Вот они у кассет. Через Семёнова я передаю один возвратный клапан, который Агеев, не глядя почти, прячет в карман. Муратов называет меня по фамилии и спрашивает, что, я тоже на РБ? Отвечаю утвердительно. Маленький разговор.

Агеев хлопает по плечу меня, называет орликом и успокаивающе предлагает справиться с планом.

Говорю с Муратовым насчёт возможностей.

Он говорит, что не торопитесь на «Томагавки» — еще не вечер, и убедил, что отечественная машина Микояна лучшей оказалась всех этих. Я лепечу насчёт того, что хочется узнать конструкции других новейших машин.

Отхожу к АПЛ-1 и начинаю шуровать. Подкачиваю воздух, вдруг подбегает Мокроусов, ушедший в столовую покурить, радостно объявляет, что кончай — едем на Б. [большую] землю. Спокойно воспринимаю эту весть. Закрываю вентиль, передаю, что сделал, Селду из 22-го завода, и, успокаивая его, говорю, что скоро вернёмся.

На «Томагавке» стоит мотор «Аллисон». В 16.30, оставив Пожнякова, идем на базу. Сдаем талоны, идем на ужин. Григорьев купил за 180 руб. спирту, его обманули — эссенция.

К 17.50 поужинал: зразы — 75 [гр.], с гречневой кашей. Выпил чаю с сахаром и маслом. Поднялся наверх и сложил вещи, не торопясь. Люди чего-то ждут. Николаев нервничает: распаковал постель и ждет.

Вдруг дают сигнал ехать. Я пишу. Меев, Защеринский остаются пока ещё на РБ.

Я выехал на ЗИС-5 в 7.10. Быстро доехали. Кошпуров нормально гонит машину.

Приехал, умылся, разобрал постель и лёг спать. Поделится впечатлениями с ребятами.

Ходят слухи — опять на РБ. Кириллов выражает общее мнение: ничего не надо, только б отдохнуть день-два.

Ночью часто бегал, пить чай вечером не буду.

⁹³ Передвижная авиаремонтная мастерская.

7 марта 1942 года

Ленивый подъём в 8.10. Умылся, оделся, сделал записи и иду на завтрак. Талонов нет. Неужели опять по списку? Я стал недоверчив. Вдруг опять не уедем?

В столовой у Пилипенко получил талоны.

К 9 часам позавтракал: ячневая каша-гуляш, хлеб — 200 [гр.] (вкусный-вкусный), масло — 12 [гр.], сах. [сахарный] песок — 50 [гр.] (половину оставил). После завтрака зашёл к Кеше, поиграл на гармошке (много играл), поделился впечатлениями.

После сбежал в Дот Самсонова⁹⁴ и почувствовал облегчение. Быстро захотелось кушать. Лёг отдохнуть и стал читать остатки книги «Принц и нищий», вскоре бросил.

Приближается обед. Есть предположение, что часть людей полетит на «Дугласе»⁹⁵. Вероятно, это будет лёгкий состав. Но надо быть ко всему готовым: могут ограничить местом и тогда можно выбросить не то, что надо. Пишу домой открытку, перебираю чемодан, собираю письма и, перечитывая их, сжигаю.

Вот уже и 14 [часов]. Иду на обед и к 14.35 заканчиваю его спокойно, т. к. народу немного. Раньше в столовой было много пиал, теперь осталось их 4, и все хотят кушать первое именно из них.

Сегодня всё горох: суп-пюре-концентрат (жидкий), на всю столовую — 6 400 гр.; котлеты с гороховым гарниром (100 гр.) — это чудно! После обеда устраиваю мёртвый час (он, по существу, нужен для более солидного обеда, чем наш, но я отдыхаю, хочется есть после сна).

Думая, что ужин в 19 часов, иду на ужин к этому времени. Народ уже покушал.

Сегодня суп макаронный с фрикадельками (3 штуки размером с рембазовскую котлету каждая). Супом можно быть довольным, тем более что ел из пиалы. Приятно было выпить кружку чая сладкого с хлебом и маслом!

Захожу к Смирнову. Поиграл на гармонике. Решили в 20 часов идти к лётчикам, должно быть кино. Картину не привезли. Но будут танцы.

⁹⁴ Скорее всего, местное жаргонное название импровизированной уборной.

⁹⁵ Грузовой американский самолёт ДС-3. В СССР выпускалась лицензионная версия — Ли-2.

Решил остаться, чтоб послушать музыку, тем более что приехали из дома отдыха из Вологды Камерилов, Налим, Никитин и привезли Лещенко.

Камерилов чрезмерно болтлив и заносчив. Обижено заявляет, что не пойдёт получать орден Звезды! Герой!

Лобанов, Дубовик, Петрин должны остаться на МиГе. Ждут новых моторов, напрасно, по-моему. Костиков, грузин, Решетников, осетин, обеспокоены переучиванием на МиГи, боязнь сквозит в их словах!

В 10.30 радиолу исправили, и я имел удовольствие слушать «Блины» (Эх, Дуня!), «Алёшу», «Марфушу», «Татьяну», «Не уходи» и пр. [*прочие*] хорошие вещи.

Пробовал танцевать, прошёл 3–4 танца. Не понравилось, последний раз я танцевал в благоприятных условиях. А здесь в валенках (правда, все танцуют в унтах). Потом быстро устал, да и понял, что меня привлекает только музыка, а не танец...

Ни одного техника в толпе танцующих, одни лётчики резвятся... Вполне понятно, т. к. техники заезжены, да и питание...

Девушки танцуют много, вероятно, питаются хорошо. Их много. Думаю, что ленинградкам не до этого!

Коротал, убивая время с Васей Никишиным. Ушёл только в первом часу.

В час я уже сплю.

Пелигуда, Трубицин пьяны. Трубицина развезло. Имею с ним короткий, но серьёзный разговор. Пелигуда поздравил девушек с 8 марта.

8 марта 1942 года

Подъём в 8.30. Умываюсь и к 9.15 завтракаю: ячневая каша-гуляш, хлеб — 200 [*гр.*], масло, сахар.

Приехал Меев. Сегодня опять вьюга, пронизывающий до костей ветер.

Зашёл к Кеше. Они играют в шахматы. Сходил в ДОТ, почувствовав облегчение. Неужели начинаю входить в норму? По-моему, в пище моей много клетчатки и мало жиров (ещё пока мало).

Хочу сейчас сделать бирки (говорят, 2 «Дугласа» по 2 рейса). Вася Ник. получил из Щёкина письмо. Ему пишут, что, несмотря на нашествие, корова не уцелела! Прямо странно!

Делаю записи. Сейчас сделаю бирки и сожгу письма.

К 14.15 пообедал: суп-пюре (горох), котлета с гречей, хлеб — 300 [зр.], чуть-чуть чувствую, что пообедал.

Да, до обеда был занят с Сергиенко заготовкой дров для землянки, поэтому время шло незаметно.

В столовой сегодня сидит женщина и взамен наших талонов выдаёт другие талоны. Ревизия, что ли?

Адъютант предлагает сходить в БАО и проверить аттестационную карточку. Идём с Кецо после обеда, там полна землянка нашего народа.

Подождали и пошли домой. Не успели прийти домой и затопить печь (дым!), как прилетел Камбуларов и пригнал 31-ю. Миронов приказывает мне слить масло, воду (долго искали инструмент), очистить самсоновский ДОТ и завести машину в укрытие. Занят этим, и время бежит.

У печки разговор, как всегда. Зверев кроет за глаза Полякова. Тот думает, что это я, и поднимает хвост. Не выдерживаю и переругиваюсь через перегородку (ему не нравится, что я веду дневник).

Хорошо, заботу о 31-й передает инженер полка Полякову.

В 6 часов иду на ужин. К 6.50 его кончаю: гречневый концентрат-гуляш, хлеб — 200 [зр.].

В 8 часов будет концерт в школе. Иду в хромовых сапогах. Концерт ничего: дуэт аккордеон-баян, ансамбль (особенно хороша пародия «Не надо кровь волновать, не надо слёз проливать» на шумяночный мотив про Маннергейма и Антонеску).

После концерта смотрел мундир немецкого ефрейтора (шинель) и каску. Каска тяжелей нашей. А шинель слишком легка для нашего юга даже.

После концерта уговорили комиссара сделать танцы. Танцую 3 танца: нет желания, хотя музыка замечательная. Патефон манит звуками джаза п/у П. Ш****.

В 11.50 ухожу домой. Всем ребятам-лётчикам присвоили [звания] ст. лейтенантов: Костикову, Ка*****, Пе***** и др. Поздравляю их.

В первом часу ложусь спать.

Сегодня отдал карточку для возобновления удостоверения личности.

9 марта 1942 года

Подъём в 8.30. К 9.25 позавтракал без умывания, т.к. в 9.30 построение. Завтрак вчерашний.

На построении адъютант объявил список едущих. Я есть в списке — механик. Предупредил, чтобы каждый имел удостоверение, котелок, ложку. Будьте готовы к отъезду. Майор уехал узнавать о транспорте.

Бриг. комиссар прибыл лишь к 11 часам — мы ждём его на холоде. Овчаренко, Ша***швили, Трофимов. Объявляют о присвоении 174-му ШАП, 7-му КИАП звания гвардейских полков. Поздравления, заверения, много слов.

После построения иду в землянку. Замёрз, поэтому в землянке рай!

Бреюсь. Куликов дал мне котелок, и я чищу его бумагой с наждаком. Приближается пора обеда. Умоюсь, почитаю, к 14 [часам] на обед.

Вчера приехал Меев, сегодня Ткачёв. Скоро ещё придут МиГи, приказано очистить от снега ещё 2 ДОТа.

Пообедал к 14 часам: суп-горох, котлета с гречей, хлеб — 300 [гр.]. Пошёл в землянку и хорошо добрал.

Старался пойти попозже на ужин. Однако, не выдержал и пошёл в 6 часов: греча, кусок отварного мяса, хлеб — 200 [гр.], масло — 12 гр., выпил кружку чаю. За последнее время стал много пить воды.

Сегодня в 8 [часов] кино немое, «Белеет парус одинокий». Идём группкой. Много разговоров о предстоящей поездке. Поговаривают, что мне дали лишь лейтенанта — черт с ним! Сидим вместе с Виктором Смирновым и много говорим обо всём.

К 11 [часам] кино закончилось. Иду спать.

10 марта 1942 года

Подъём в 8.10. Умываюсь. Захожу к Витьке. Вместе идём кушать. К 9 [часам] завтракаем: ячневая крупа, дрянной гуляш, всё остальное нормально. После завтрака идём в БАО [получить] вещевой аттестат. В столовой ещё получаю денежный аттестат. Получаю и вещевой аттестат в строевом отделе БАО.

Ставлю печать, иду в школу — собирает комполка. Объясняет задачу, зачитывает список. Ура! Завтра едем в Кинешму за новой матчастью.

Брать с собой 1–2 места. Сюда еще вернемся! Расходимся, рассматриваю свои вещи.

Обед в 14 [*часов*]: суп-горох жидкий, овсяная каша с котлетой, хлеб — 300 [*гр.*].

Сдаю адъютанту Андронову талоны, оставляя лишь 10 и 11 число. Кукса, я и Сергиенко получим паёк на троих на 5 дней, это будет вечером или завтра утром.

Не буду спокоен до тех пор, пока не поеду!

Поспал с часок. Побрил растительность около полового члена. Жду ужин. После ужина адъютант объявит, что далее.

Шинель уже уложена. Одну ещё и комбинезон.

Готовлюсь к отъезду. Говорят, завтра в 13 [*часов*].

Ужин в 6.30: пшено с котлетой, хлеб — 200 [*гр.*]. После ужина захожу к Виктору, и идём в школу, чтобы посмотреть кино, но кино не будет. Уходим домой по тропе. Завтра надо взять себя в руки и встать пораньше.

Продукты получать будем на весь техсостав. В 1 час ночи Дахно принесит продукты. Сергиенко принёс из красноармейской столовой весы. Я делаю численную раскладку. Получается: хлеб — 1 400 [*гр.*], масло — 250 [*гр.*], сах. [*сахарный*] песок — 226 [*гр.*], пшено — 320 [*гр.*], рис — 80 [*гр.*], соль — 65 [*гр.*], сыр — 100 [*гр.*] (на 2 суток). Хлеб получим завтра.

Да, выдачу окончили к 3 часам. Харч плохой: нет консервов, мяса, один хлеб фактически.

11 марта 1942 года

Поднимаюсь в 7 часов, умываюсь и иду в столовую: гуляш мячневый, хлеб — 200 [*гр.*], масло — 10 [*гр.*], сах. [*сахарный*] песок — 50 [*гр.*] (выпил 2 кружки). Кушаю с Кешей. Захожу к Витьке. Он ночью сварил крупу и её «опробовал» — осталось на дне.

Я иду в землянку, несу крупу всю, масло — 40 [*гр.*], [*сахарного*] песку — 70 [*гр.*], и варим в моём котелке кашу. Правильно ли я делаю? Посмотрим, каков будет в Кинешме Виктор!

Приготовили кашу, упаковали в тюк, съели кашу из его котелка, взял его тюфячную наволочку и пошел готовиться к отъезду.

Заказали обед на 12 [часов]. Хочу идти в 12.30, но Симушин объявляет, что в 13 [часов] в школе построение. Тащу одеяло, цигейку, тюк и чемодан. И я в школе. Командир уговаривает не брать столько вещей. Особенно много их у ***** сколько *****!

Идём на обед: картоф. [картофельный] суп с рисом (во!), гуляш с пшеном, гуляш с овсяной кашей (вкусно!) и 500 гр. хлеба, масло. 200 хлеба оставляю на вечер и перед самым отъездом уничтожаю в школе.

После обеда сижу у Витьки, потом в столовой Дахно выдаёт хлеб — 1400 [гр.]. 100 гр. съедаю с маслом, арным [са] песком. Я у школы. Ждём машин.

Выехали вместо 13 [часов] в 18.30. Селезнёв держит речь, даёт посылку в Кострому.

Ехать плохо: делаем лишние километры; вместо того чтобы от Вергимяк ехать в Токсово и на Ладогу, мы едем в Ржевку. Ночью в Старой Ладоге. Быстро едем через Ладогу, потом в Н. [Новой] Ладоге.

Хлеб в мешке весь измял. Уничтожаю хлеб и масло, и сыр в Н. [Новой] Ладоге. Спал на полу после стакана чая.

12 марта 1942 года

Утром выехали на Шум, в завтрак там попил чаю, один и с Витькой. Быков и Сильверстов едут с нами. Видны немецкие патроны, мины, следы боёв, трупы немцев.

Мы в клубе. Собрали всю колонну. К вечеру в Волхове (I).

Нам не везёт, температура утром была -32°C . Меня спасает одеяло. Всю дорогу не мёрз, но перед Волховом замёрз сильно. Не хватило горячего...

Получили 3 теплушки, устроили нары, заготовили дров, поставили печь. Получили, благодаря Самсонову, сухой паёк на 12 и 13 числа. Васька нажился на этом капитально (у него много пачек концентрата, сухари, сахар — всё это он «делил»).

Ночью три раза была воздушная тревога. Ганс бомбил нас, но безуспешно малыми бомбами

Внизу на нарах холодно. Я почти не сплю.

13 марта 1942 года

Ст. Ефимовская. Стоим день. Наш состав очень большой: раненные, эвакуированные. Поэтому-то и едем медленно.

В Тихвине тоже стоим долго. Все варят пищу. Съел с Виктором кашу, дал ему сухари и пачку концентрата. У него есть ещё крупа для супа. И он должен быть доволен. Если не так, то...

Я ем кашу Самсонова, 2 кубика каши и сахар его. Готовлю я. Я в долгу у него.

К вечеру отъехали от Тихвина. У Перетрухина огромные запасы. Купил муки. Сергиенко опрокинул последнее варево.

Крохоборы-лётчики.

Ночь без сна и в холоде. Поставили чугунную печку и забили поддувало углём...

14 марта 1942 года

Ждут все Бабаево там можно получить продукты. Ем кашу с сухарями Самсонова. У многих уже нет продуктов. Лётчики считают техников просто жадными...

Едем медленно. Только к вечеру [*прибыли*] в Бабаево. Пищи там нет. Дали (Христа ради) по 200 гр. мёрзлого хлеба за наличный расчёт (20 коп.).

Эвакуированные обедают.

Такое же питание обещают нам и в Череповце.

Варю 100 гр. каши в кружке.

Самсонов был у жены. Ем хлеб — 200 [*гр.*]. Спать.

15 марта 1942 года

Однако едем. Много остановок. Просыпаемся от холода. Проклинаю «поездку», зиму и т. д.

От Бабаево до Череповца 120 [*км*]. Осталось 70. Будем там ночью. Плохо то, что у нас мягкотелое командование.

Сегодня питаюсь воздухом.

Да, Василий сварил пюре, и я кушал с ним, *****, спасибо же ему. Состав стоял. Корнеев выменял картошки на 20 кусков мыла.

Я предлагаю ему свои 100 гр. пшена для супа. Иду за снегом и в коледец за водой.

Станция Уйта разбита вдребезги. Немцы бомбили удачно: стоял эшелон со снарядами.

Варим суп. Получился очень хороший. Остужаю на воздухе. Едим с остатками хлеба (около 3 часов).

Ребята нашли источник мёрзлой картошки, она выручает их сегодня.

Борис Бус варит из Васиной (Быкова) муки с топлёным маслом чудную загусту, они едят её 2 раза в день. Завидую.

У поезда смена. Ждём, когда отправят. Оказывается, до Череповца однокольный путь. Стоит очередь. Диспетчеры даже не знают, что в нашем составе людей хотят отправить в Череповец. Сначала в 8 [часов], потом в 9 и т. д.

Хохлов Виктор (нравится мне в нем энергия!) сообщает, что можно и ночевать (!): для эвакуированных идёт паровоз и вагон с питанием, так что они могут здесь ещё стоять. Предложили ему довести до сведения майора. Хохлов уходит, я жду его возвращения. Потом к его приходу ложусь спать.

16 марта 1942 года

Температура очень низкая сегодня. Нас к 8 [часам] утра поезд в составе 7 вагонов (отцепили от состава эвакуированных) притащил в Череповец.

Продуктов не дают, обеды для командированных и эвакуированных [получают] по талонам командира.

Осталось до Кинешмы 470 км. Сначала не умывался, да и не хочется. Когда умоюсь, не знаю. Скорее бы кончилось это ужасное путешествие. В Кинешме всё лишнее позагоню, попрощаюсь и буду ездить налегке.

Мне кажется, что в Кинешме мне пайка должно хватать. Какую пользу я извлеку из того знакомства? Надо быть более дерзким! Моряки, например, в Бабаево так взяли и забрали на 50 человек хлеб, погрузили в вагон и уехали. Они не остановились даже перед срывом пломбы! Разве могут сделать это наши? Лётчики называют техников обжорами. Поистине, сытый голодного не понимает!

Какая страшная зависимость от пищи!

Майор приказывает ждать в вагонах распоряжений. Тем не менее ребята достают хлеб. Здесь жуткая мена, преимущественно на табак, махру. Если же купить, то цены выше ленинградских.

Призывают к терпению...

Череповец. Сходили к командиру — ничего. В БАО сходили — ничего. Ехать в Вологду.

С этой мыслью ложусь спать. Ночь застаёт нас в дороге. Не ел с 15 часов 15 числа, это не так мучительно.

17 марта 1942 года

В дороге ребята меняют всё на хлеб, картошку. Я попытался было снять одеяло, но был задержан Мироновым. Перегон ехал на тормозной площадке. Сегодня умылся. Черт возьми, холодно.

В 11 [часов] вечера в Вологде. Приказ из вагонов не выходить никому, кроме адъютантов, с ними [выводят] людей для получения продуктов.

В 3 [часа] утра идём с котелками на обед. Идти далеко, заблудились, пока дошли до питательного пункта (вел Селиверстов). Обед: суп-пюре (горох) с колбасой, сухари — 220 гр., сыт.

Идём в вагон, делим продукты. У меня болит живот. Получаем 400 гр. сухарей, 35 гр. сах. [сахарного] песку, 80 гр. чайной колбасы, 150 гр. гороховой муки на 4 дня включительно, до 19-го, и обед за 20-е.

Отъезжаем в 11 часов по Сев. дороге. На ст. Буй от Самсонова отделился, он взял с меня 350 [гр.] концентрата, 20 гр. сах. [сахарного] песку. По-моему, Корнев смухлевал с колбасой. Плохо то, что холодно ехать.

На ст. Межа уже продают молоко (не только меняют) — 15 руб. за литр. Купил у моториста 1/2 кружки. Лёг спать.

Мы в Буйе к 9 часам.

К 12 часам варю суп-пюре и кушаю. Сегодня после обеда ночью 2 раза пил чай, ел колбасу.

Рассчитываю продукты на 19 число.

18 марта 1942 года

Стоим в Буге. Просыпаюсь часов в 6. Выхожу во двор. Пью кружку полусладкого чая.

В 9 часов едим трехрублевый обед. Замечательный хлеб, суп пшеничный, густой, с мясом (и добавка), греча в крупинку, чай несладкий — 2 стакана. Наелся до отвала!

И это за 3 рубля! А за 300 р. наелись 100 чел. (в Ленинграде 300 руб.— 1 кг хлеба).

Я, наверное, объелся. Вот и вся философия к черту! Неделя такого вот питания, и нормально! Так кормят красноармейцев.

Умываюсь, бреюсь, посылаю телеграмму домой. Куращим дают по 1/2 пачки ярославской махорки за 40 коп. (не по аттестату), стоит 150 руб. на рынке. Я как некурящий не получаю — не надо!

Много мертвецов среди ремесленников.

19 марта 1942 года

Сформирован состав был поздно. Поздно ночью мы выехали на Ярославль. Едем с кавалерийской частью. Наши соседи — кони, которые слишком беспокойно ведут себя. Да и это понятно: дорога укачивает их, и они лягаются. Вероятно, эти вятичи едут на Запад. Раздаются часто командирские сигналы трубы.

На тормозной площадке переднего вагона сидит телефонист (впереди нас) и то и дело кричит «Ленинград», «Киров» и т. д. — позывные.

Записываю. 23.20 (время). В вагоне писать трудно, поэтому многое выпадает из памяти.

Часа в 2 сварил суп-пюре. Спустился вниз на холодные нары и, сколько мог, спал.

Вышел в городе Данилове. Продают молоко по 20 руб. за литр. Добрая женщина дала мне выпить кружку. Купил за 10 руб. стаканчик мелкого лучка (он пригодился мне с горохом).

Идём хорошо. Я думал, что от Данилова идёт двухколейка; оказывается, двухколейка идёт южнее Ярославля на Москву.

Должен быть Ярославль. Должен ждать нас обед в Ярославле, так сказал мастер Садовников ещё в 15 часов, когда я варил суп. Ждём обед. Но напрасно наше ожидание, т. к. всю ночь мы простояли. Всю ночь в 7 км от города в направлении на запад нас провезли.

20 марта 1942 года

Об этом мы узнали утром. Садовников, Беляев, Крылов пошли в город хлопотать об обеде, Крылов же пошел к своей кошечке. Вскоре нас отцепили от этого «конского» состава, и он укатил. Маневровый паровоз ждёт момента, чтобы прицепить нас к пассажирскому составу.

Однако ждём очень долго.

Наконец нас прицепили к пассажирскому, и вскоре мы на ст. Всполье (мы же думаем, что это город Ярославль). Оказывается, от этой станции надо ещё ехать километра 4 на двух трамваях в город только до городского вокзала.

На станции выходим из вагонов, вижу жену Володи Крылова — миловидная стройная женщина.

Строимся и идём в продпункт на питание. Обед в 12 часов или в 13 (не помню). Суп — горох с мясом, каша гречневая. Обед вкусен, сытен, но не так как в Буе. Добавки нет.

Возвращаемся к станционной платформе. Там лежит много посылок, есть и индивидуальные.

Вижу поезд-баню для РККА — подарок уральских рабочих. Вагонов нет, оказывается, их увели в Ярославль.

Решается вопрос: ехать в город или ждать здесь. Холодно на платформе. Толкаемся среди публики, но ничего не купил. Здесь в ходу мыло, махорка, хлеб.

В коммерческом магазине получаем по 400 гр. хлеба по талонам. Выходит по 1/4 буханки на голову. В киоске получаю за 20 руб. июльские номера «Знамя» и «Октябрь». Утерял (каким-то образом!) рублей 20 денег.

Команда заходить в агитпункт. Обогреваемся, читаем сообщения Совинформбюро (местный отдельный выпуск), журналы.

Запускают виктролу⁹⁶ для зала. Потом демонстрируют кино «Валерий Чкалов». Смотрим до конца. Потом идём к вагонам, они уже у другой стрелки. Дневалют Еус, Изотов. При их дневальстве нет дров (срубили скамью), пропало содержимое пол-литра водки у лётчика Хохлова, часть гороховой муки у Праводелова, что-то из посылки Селезнёва. Удивительно то, что командир даже мер не принял! И это уже не первый раз. Только в нашей теплушке пропадали и сухари, и хлеб, и мука, и крупа.

⁹⁶ Вид фонографа, выпускавшийся в первой половине XX века фирмой Victor.

Хочется пить. Выпиваю 2 кружки воды холодной со странным вкусом (говорят, кипячёная) и съел 200 гр. хлеба (вкусный).

Лёг спать. Проснулся в 6 часов с режью в животе (мучился до утра 23-го с этой болью). Вероятно вода, а может быть, и огурчики (5 руб. кило в ресторане станции какой-то за Ярославлем).

21 марта 1942 года

Нас прицепили к ивановскому поезду. Хотя кажется странным, но выгоднее всего ехать в Иваново, т. к. проигрыш в километраже небольшой, зато налицо выигрыш во времени и в терпении (выяснилось это потом). Я именно так и думал.

Стоим как раз напротив кипяtilьника и питпункта ст. Всполье. Можно успешно пообедать, взять свои 400 [зр.] за день и ехать со спокойной душой. Так нет же: начальство надеется сегодня же быть в Кинешме (как увидим далее, это не удалось).

Не помню когда, но вскоре трогаемся. Сильный мороз, беру котелок воды горячей, и она быстро охлаждается. Решаю согреть желудок и выпиваю кружку этой воды. Съедаю вторую половину хлеба. Осталось пюре на 1 раз. Ничего не помогает, живот болит.

Ход у поезда хороший. Часа в 3 варю полкотелка супу с лучком. Съедаю. Вкусно.

Ложусь спать, и незаметно подъезжаем к развилке дорог — Ермолино. От неё 50 км до Иваново и 80 — до Кинешмы. Нас отцепляют.

Николаев (раздетый), Мокроусов отстают от поезда, задержавшись в столовой станции Нерехта (там продавались дешёвые, но хорошие обеды из 2 блюд). Они прибыли лишь 22-го числа, привезя по буханке хлеба (им было лучше нас!) и не получив никакого взыскания.

Голодные, с плохим настроением, с чувством ожидания ложимся спать. Стоим около дровяного склада, мотористы заготавливают дрова.

22 марта 1942 года

Голод не даёт спать. Мотористы варят ещё (Иванов, Ненашев, Татарин — по-моему, кто-то из них вор).

Обещали прицепить к товарному составу в 10.40. но ничего не вышло. Вышли толкать, посмотрел полёт Харрикейнов и... всё.

Валенки мокрые, обстановка ужасная, отдохнуть негде, голодный желудок — всё это не вызывает хорошего настроения.

Лётчики веселятся, стреляя из ТТ. Майор Никитин и Миронов (он теперь наш комиссар). Да, Плющ с женой вышли в Ярославле, тоже и адъютант Андронов — он едет про прихоти командующего в Косрому.

В 11.30 обедаем в буфете за 2 р. 50 коп.: суп-лапша, хлеб 200, 4 блинчика, баночка малинового чая (из этих банок мы пили пиво в Суурмерийоки).

Одним словом мы сами вместо кукушки (нет угля) выкатили вагон и прицепились к составу. Через 2 ч. 15 м. мы в Кинешме. У меня пучит живот — я болен.

Нас катают, пока не остаёмся мы одни; нас подкатывают к платформе слева.

Выгружаем все вещи, грузим в роскошный грузовой «Форд» (3 тонны). Вещи должны везти в школу № 1.

Автобус везёт сначала лётчиков, потом нас в школу № 1. Вспоминаю сидя в ВИЗе Пушкин, Суури...

Недолго едем. Здесь перевооружаются на Horiker⁹⁷ и AirCobra⁹⁸ 3 полка, мы и ещё будут 2 полка с юга.

Сегодня воскресенье. Ребята танцуют.

К 11 часам проходим санобработку. Чудная баня!

К 12 часам ужин: много масла, сыра, хлеба, колбаса с хорошим пшеничным и перловым гарниром, чай 2. Сыт по горло. Как-то будут кормить здесь вообще? — это самый главный вопрос.

Беру готовый матрац, укрываюсь курткой и цигейкой. Лёг спать в 1 час ночи. Получил простыни.

23 марта 1942 года

Встал в 7.30. Предлагают умыться, побриться, одеть сапоги, снять свитеры. Завтрак в 9 [часов].

Еле нашел чемодан, убрал ватное обмундирование, убрал в мешок. Умылся.

⁹⁷ Здесь автор не совсем правильно написал латинскими буквами название самолёта Харрикейн — Hurricane.

⁹⁸ И здесь автор немного ошибся в написании — Airacobra. Белл Р-39 Аэрокобра (англ. Bell P-39 Airacobra) — американский истребитель периода Второй мировой войны, отличавшийся необычной для своего времени конструкцией (двигатель располагался сзади кабины пилота). 4952 машины были поставлены в СССР по ленд-лизу. На Р-39 летали такие асы, как Александр Покрышкин и Григорий Речкалов.

К 9.30 позавтракал. Сижу с Морокиным, он на лётном пансионе. Почему мне не взять? Завтрак: рыба с пшеном, чай (1 стакан), хлеб (3 кусочка), масло. Выпил 2 стакана платного чая по 8 коп., с сахаром. Пришлось ожидать, т.к. была нехватка в гарнире. Добавки нет.

Ребята уже носятся с мнениями об AirCobra, о Horiker. Говорят, Horiker жутко подвержена падению на нос — очень строга.

Говорят, здесь много англичан, американцев. Надо будет попытаться найти техника, чтоб подучиться поговорить. Начальство вдруг приняло решение переселиться в школу № 2 (около молзавода и собора под уклоном).

Красновский взял группу техников и повёл их в школу подготовить топчаны.

Я и Кецо идём на базар. Сначала в парикмахерскую. Захожу в сберкассу и проверяю билеты 15-й лотереи ОСО (на 5 руб. мой номер не сошелся на 2 до 10 000 [руб.] выигрыша). Выигрыш только деньгами. Тираж был в Тюмени. Улыбнулся мне М-1. Ничего не жду и от вещлотереи.

На базаре выпили за 40 руб. по литру топлёного молока с пенкой. Есть ещё клюква, по 7 руб. стакан.

В школе № 1 увязывают матрацы для переезда в школу № 2. Я тоже увязываю. Иду обедать в 16 часов: суп-горох с томатом (ем двойной по милости одной доброй девушки), рыба (чувствуется близость Волги — подножный корм) с перловой кашей, стакан чая. Хороший стул. После обеда хорошо отдохнуть. Однако не приходится. Выносим свои чемоданы вниз.

Написал и отправил через В. Смирнова письмо домой. Скоро пришла 3 тоника, я не грузил.

Иду пешком в школу. Мой чемодан уже внесён, и матрац. Мешок вношу сам. Иду с Поляковым на ужин. Заходим в профтехшколу: там собрание, кино нет.

В столовой ужин задерживается. Разговариваю с одним парнем из города Ленина, знает English.

К 21 часу покушал: рыба (треска с кашей), хлеб — 200 [гр.], чай. Здесь дают 750 [гр.] хлеба (275 + 275 + 200).

Спать лёг не ранее 10 часов.

24 марта 1942 года

Подъём в 8 [зр.]. Спал одетым под двумя одеялами. Одел хромовые сапоги. Да, умывался в школе № 1. Купили 1/2 литра молока с Кецо.

Завтрак запоздал, закончили к 10 часам: рыба с пшеном, томатом, хлеб, чай (1 + 2 платных) с сахаром.

Сегодня полк построили, предупредили о порядке, что полевые «улыбаются», и (вводится) военный налог.

Заправляю койку и [иду] с Кецо в город до обеда. Написал письмо домой — [надо] отправить!

Сходили с Кецо в город. Вошли на базар с другой стороны. Здесь другой «Гостиный двор». Большой базар. Да. Купили молока на обед с бутылкой (15 руб 1/2 л.) Зашли в магазин санитарии и гигиены, купил детского слабительного в таблетках. Знаю, где кино «Пассаж». Милый город, особенно летом, я в этом уверен.

В универмаге купили 2 пачки любительского перца. Есть много мяса по 110–160 руб. кило. Меновая торговля процветает. Коза стоит 4 500 (!) [руб].

Едва-едва идём на обед. Пришли к 15, пообедали к 17 часам. В 17 часов пошли в кино профтехшколы и посмотрели киносборник № 7 (с участием героев Ханко).

После кино, не найдя молока, пошли в столовую. Оказывается, ужин с 21 [часов], досматриваю кино «Романтики». Занимаю место, жду ужин.

Сегодня весь день рыба. Привыкаю к добавкам. Но надо потерять совесть для этого, и я её, кажется, потерял. Прошу добавку на первое, второе. Первое дают, но насчёт второго туго. Много пью чая с сахаринном.

Завтра, говорят, занятия. Да, ушли мы с Кецо с разрешения командира до 2 часов, а не пришли после обеда. Поэтому вечером приказали сидеть дома.

Я устал за день и пошел в 22 часов спать. Ребята же были в профтех. на танцах и в театре.

25 марта 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Сегодня среда — базарный день. Покупали по 1/2 л. молока с Кецо — 27 руб. Есть сметана по 30 р. стакан, творог, масло сливочное, топлёное. Но нет посуды, а масло надо искать раньше. Много коз в продаже...

Позавтракал к 8.30: котлета (внушительных размеров) с перловой крупой. Поднялся на второй этаж и читаю «Октябрь». Начальство договаривается насчёт автобуса. Потом лётчики едут в автобусе, а мы идём на аэродром пешком: километров 6 будет!

Идём с мыслью, что будем изучать «Харрикейн». Подхожу к «Харрикейну» и осматриваю.

Потом нас строят и ведут к «кобре», будем её изучать. Вижу английских механиков, лётчиков. Разговариваю с механиками немного.

Какой-то еврейчик объясняет нам — вводная беседа. Полковник Тульев (гроза гарнизона) гонит нас от машин, которые готовятся к полёту (идём к аварийной «кобре»).

Идём к разбитой машине: ошибка при переключении крана бензобаков вывела машину из строя.

Близится обед — 15 часов.

Лётчики, конечно, едут, мы идём. Иду через базар, и там нет того, что мне надо, — молока.

Обедаю поздно, съедаю 2 обеда благодаря блондину и его друзьям (встреча ворошиловцев).

Абсолютное пресыщение! 2 часа занятий по мотору, 2 часа по вооружению и 9 часов.

Ужинаю к 10 [часам] вечера, удаётся купить ещё порцию рыбы с картофелем и крупой за 2 р. 85 коп. (отказаться от дорогого и пытаться покупать второе, питаться добавками 1 и 2).

Спокойно иду домой. Спать. Плохо то, что нет света в комнате.

Узнаю во время обеда о гибели Лёши Петрина на Комендантском аэродроме. Какой был малый! Вот был ***** друг. Как жаль его!

26 марта 1942 года

Подъём в 6 [часов]. На базаре ничего нет. В столовой доедаю чей-то гарнир — лапшу, получаю сам добавку, получаю порцию, получаю добавку гарнира через официантку. Сегодня опять рыба.

Занятия с 8 часов до 16. Несмотря на то, что живот абсолютно набит, ощущение сытости проходит быстро, и я вместе со всеми жду обед.

Пообедал к 17 часам: суп перловый с картошкой + платный суп (лапша, грибы) + второе: перловка с мясом-брезе, 1 1/2 платной каши пшённой (3 порции пополам с Яншиным). Желудок полон, но есть всё же хочется. Спускаюсь в класс: там Перетрухин проверяет состав. Отпускает домой. Отпрашиваюсь в кино с 7 до 9 [часов]. Отпускает. Остаюсь в классе, осматриваю бегло все детали Собга и Allison⁹⁹. Иду в библиотеку, просматриваю мартовский комплект «Комсомольской правды». Оказывается, Н. Королёв был несколько месяцев у немцев, получил орден Красного Знамени за партизанство и выступал в Москве в матче бокса. Идёт великая война, а в Москве разыгрывают первенство по хоккею: ЦДКА и Буревестник — чемпионы столицы, устраиваются лыжные гонки. Победитель гонки — председатель команды ЦДКА.

Записываюсь в библиотеку: беру т. П Щедрина — «Губернские очерки». Баландин с Кецо, Куксой, блондином ждём ужина. В 9 [часов] поужинал: картофельное пюре с мясом, хлеб. Купил у Вали (выклянчил) 2 порции повторные. Съел с Кецо. Сыт.

Зашел на танцы. Выпил 1/2 квасу.

В 10.30 лёг спать. Всю ночь бегал. Странно: на небе звёзды, а с крыши течёт ночью.

27 марта 1942 года

Хорошо спал. Подъём в 6 [часов]. Умываюсь, иду в столовую. Хороший завтрак: рагу с жареной картошкой. Наелся. На м. базаре купил 1/2 молока (14 [руб]). Пришел в столовую школы № 1 и взял добавку — перловая каша.

Употребил с молоком, чудесно.

⁹⁹ Двигатель.

Чтобы покушать, надо ходить сюда часам к 23. Постараюсь это практиковать. Сейчас пойду, вымою бутылку для молока.

Сегодня не 8, а 6 часов занятий по AirCobга: 2 часа — самолёт, 2 часа — инструкция самостоятельно с Красновским (недалёкий в смысле грамотности человек, пишет: «*****»), 2 часа морят в классе «Мерлин ХХ»¹⁰⁰.

Сегодня снял по одному кубарю и стал техником-лейтенантом.

В 12 часов взял пароль в секретном секторе 22-го ЗАП. Вижу М. Сергиенко, он в 28-м ИАП, вылетел на «кобре», сообщил, что Пилит, вероятно, в Рязани.

Жаль, что заступаю в 18 [часов] в наряд — пропадает баня.

В 14 часов занятия кончились. Комбинировать платный обед не стал, хотя и видел, что Николаев, Самсонов и др. остались ради этого.

Вечером можно делать так: сходить к 20 часам на ужин в столовую 6, а потом, отдохнув в школе № 1 (неполной средней), идти в школу № 1 (полную).

Зашел в свою школу затем, чтобы облегчить себя.

Иду на обед, хотя и говорят, что обед с 16 [часов]. Я знаю, что сегодня дежурит Никишин, поэтому иду.

Хотел зайти в ресторан № 3, но он закрыт.

На базаре за 20 руб. покупаю 1/2 топленого молока.

Иду на обед. К 15.30 покушал: суп перловый с морковью (2 порции), котлета с пшеном (не так уж много гарниру для первого дня, когда нас считают гостями). Употребляю молоко да еще 1,5 стакана чаю. Абсолютно полон пищей.

Сажусь в автобус и еду за 25 км до поворота за профшколой налево. Еле дохожу до поворота направо: чувствуется, что в желудке полно воды.

Сегодня сильный ветер, дороги занесены.

Иду оставшийся путь до аэродрома пешком. У дежурного я был уже в 5 часов — смена в 6. Знакомлюсь с обязанностями, особенностями дежурства. В 18 [часов] делаю развод. До меня дежурил вентехник 2 р. Карпов, который был в эскадре Аф. Семёнова (майор, герой, 6 орденов). Летал на МиГе, хорошо дрался, а сейчас, говорят, занимает какой то командный пост, не связанный с полётами, — здоровье...

Говорят, стал человеком-душой.

Дежурной машины еще нет.

¹⁰⁰ Лвигатель фирмы «Роллс-ройс».

В 9.30 еду на ужин с ком. [командиром] автороты МТО (здесь не БАО), он сегодня проверяет караулы. Довеся посыльного и меня до столовых, он проверяет караул № 3. Едем туда — чуть не стал жертвой автомобильной катастрофы.

Ужинаю один, беседа с девочками: рыба с картофелем, чай — 4, хлеб за 1 р. 96, упрощаю сам продать порцию картофеля с котлетой (лётная порция). Удачный ужин.

Сiju с воентехником 2 р. из Ржева — Старицы. Там жутко бомбят и штурмуют аэродромы. Много (8) потерь среди техников. Большого калибра бомбы (250, 500), «лягушки»¹⁰¹, которые разят чаще всего в живот...

Нам предстоят такие концерты после получения «кобры». Да, надо быть любознательным. До сих пор ещё, например, не знал ничего о лягушках.

Или щели у нас забыты, а они очень нужны были ребятам под Старицей зимой.

Кормят там теперь почти также как и здесь, да и вряд ли где сейчас кормят лучше. Ребята здесь жалуются тоже. Ещё неделю назад здесь кормили здорово, а сейчас...

Командира автороты жду неделю. Стою в кузове, продувает. Часовой у ворот меня не узнаёт.

Просушиваю носки, сапоги. Ложусь спать на кровать у двери. Часто выбегаю на улицу. Под утро жмет подъём, снимаю сапоги.

28 марта 1942 года

Поднимаюсь в 5.30 — поспал.

ОД¹⁰² и помощник едут кушать. Я звоню в каз. № 3, 4, справляюсь о делах. Меня беспокоят насчёт автобуса, и я ругаюсь с посыльным МТО по 3–44 (сам я 2–02). Пришёл стартовый наряд. Приехали ОД и ДА, пришла уборщица, с которой посыльный пилит дрова.

Ветер, позёмка, холод: сидеть в хорошо натопленной комнате сейчас лучше всего.

Караулы не проверял, спокойный сон предпочёл я этому беспокойному занятию.

¹⁰¹ Разновидность противопехотных мин, подпрыгивающие при срабатывании и взрывающиеся на уровне пояса.

¹⁰² Оперативный дежурный.

Ныне затягивается зима, а весна запаздывает, так говорит метеопрогноз центральных станций.

Да, сейчас я впервые нахожусь в МВО — это интересно. Между прочим, город Серeda, через который мы проезжали в Ермолино, теперь называется Фурмановым. Проявляю способности по географии, нашёл для лётчиков из Урюпино (гонят 2 У-2 из ремонта в Вологду и, кажется, на фронт) м. Кадочников, что северо-восточнее Сокола (у Вологды, километрах в 45–50).

Шофёр позавтракал. Беру связаного и еду сам кушать. Связной при замедленном ходе машины под гору прыгивает у нашей школы. Еду дальше до столовой № 6. Захожу на базар. Сегодня базарный день, но торговли почти не: один старичок замёрзшими руками разливает молоко по 32 руб. литр, да и то очередь.

Не взяв ничего, иду в столовую.

Капитан Беляев спрашивает, почему поздно, моим ответом он удовлетворён.

Сегодня перловка с котлетой, масло, хлеб, 3 стакана чаю; две добавочные порции лапши по 40 коп. съедаю благодаря Оле и Николаеву (надо ко всем людям относиться с любовью и простотой).

Шофёр ждёт меня. Еду, захватываю посыльного, передеваю сапоги (ноги стынут, одеваю простые, но и в них немного лучше).

Продолжаю дежурство. Машины почти не вижу: то заправка, то в распоряжении начальника штаба (подчиняюсь ему, ничего не делаешь).

Полковник Шумов улетел в Иваново на «Кертиссе» в 10.00, не смотря на позёмку.

Немного вздремнул. Пришёл в 13 [часов] комиссар, пожурил меня за то, что читаю книгу...

Сходил в первый караул, спросил, охраняются ли самолёты. Караульные отвечают. Хлеба у них много. Я стал прожорлив после Ленинграда: мне ещё до сих пор не хватает нормы. Я не понимаю Никишина Вальки, ему уже хочется изысканных блюд, лёгких блюд.

Что буду делать после смены?

Почитаю дома до ужина, сменяю бельё, если удастся. В 20–21 [час] поужинаю, и спать. Если спать не захочу, если желание поесть возьмёт вверх над нежеланием идти в столовую в непогоду, пойду в школу № 1.

Да, школа № 1 находится недалеко от речки Томны, поэтому район называется Томной.

В третьем часу поехал с посыльным на обед, но он не был готов. Пришлось ждать. Получил обед лишь в 15 часов, и к 15.20 готов: суп с картофелем и какой-то крупой, с жиром — вкусный, жареная картошка — гуляш, 3 стакана чая с сахарином.

Обед качественный, надо сказать. Хотя и торопился (не надо было!), но наелся. Можно было получить платную лапшу, но нет у меня талона.

Да всё равно не в пользу пошла бы эта лапша...

В сугробах не могли развехаться. Мой шофёр неплохо ездит. Пришлось помочь разобрать пробку ОД! Соловьёв уже сменился, но сменил Бурый. Д.А. уехал на обед. Скоро и мне смена.

Да, сегодня суббота, ребята попрут в развлекательные учреждения. Я никуда не пойду — спать! Тем более что завтра опять 8 уроков.

Как хорошо, что я не сдал ватную одежду, и у меня есть валенки: они ещё пригодятся, когда мы выйдем на эксплуатацию.

Сменился в 18.00, но выехал домой в 18.30.

Поиграл на гармонике, поспал и в 10 часов был с Бусом на ужине: рыба с кашей, съел порцию Безродного (котлета с картофелем), и Витька дал хлеба, кусок рыбы, чай.

Я стал прожорлив. Спать.

Часто выхожу на улицу.

Написал и отправил письмо домой.

29 марта 1942 года

Сегодня тихо, но сильный мороз. Одеваю валенки. Шилкин даёт мне талоны.

Подъём в 5.40. Завтрак: гуляш с жареной картошкой (вкусен!) и 4 блинчика за 55 коп., масло, хлеб, чай.

8 часов занятий. Обед в 17 часов. Видел пьяного на улице. Подошел, думая, что мертвец. Оказывается, морда.

На рынке молоко [*stout*] 48 руб. литр, после войны придётся многих раскулачить.

Суп рисовый (с добавкой), котлета с картофелем, чай. После обеда Витька С. пошел за билетами.

Сегодня до обеда разбился на «кобре» один лётчик.

В валенках сыро. Ложусь полежать и сплю до ужина. Ужин в 9 часов. Прошу добавку картофеля (сегодня гуляш хороший), пью много чаю, Витька сыт и даёт немного хлеба, стакан чаю.

Я в валенках, хочу идти на танцы, заглянуть. Витька согласен. Захожу, переодеваюсь в хромовые сапоги, иду на танцы.

Протанцевал несколько танцев без всякой охоты. Один танец с Галиной из Пушкина.

Хочу спать. Выпил 2 кружки квасу. Он сладок, но с сахарином, он вреден для почек, особенно моих.

В 11.30 я уже лёг спать. Ночью часто просыпался. Утром сменил бельё.

Осторожно надо быть с сахарином. Пить чай по стакану утром, днём, вечером.

Зачитали приказ НКО — 0169¹⁰³.

30 марта 1942 года

Подъём в 5.40. В 6 [часов] построение. Зачитали боевой расчёт. Мне не везёт: опять с Поляковым! Хорошо, что Борис Милёхин в паре со мной и Поляков ему подчиняется.

Сильный мороз. Я в одних носках.

К 7.10 позавтракал: котлета с подливкой, лапша за 55 [руб.], хлеб, масло, чай 1. Сегодня не просил добавить. Не надо привыкать к этому, а то в дальнейшем будет тяжело.

Расстояние до классов покрываю за 1/2 часа.

Сегодня 8 часов (4 с-т, 2 мотор и 2 электро). Придерживаюсь девиза академика Павлова.

Сегодня хороший концерт. Не пойду. Наверно, лучше буду читать или сосну. Сна мне явно не хватает.

К концу учебного дня есть не хотел так сильно, как вчера. Хотели дожидаться автобуса, но не дождались. Шофёр машины на аэродром подбросил нас до базара. Сегодня мороз утром сменился ветром.

На базаре такие же бешеные цены (48 руб. [за] литр молока). Это местные жители покупают молоко у колхозников за 28–30 рублей, а потом перепродают.

Обед ничего: суп рисовый, колбаса с картофелем. Ребята очень много просили добавок первого, и им давали. Я не просил, да и не дали бы.

¹⁰³ Приказ НКО № 0169 от 03 марта 1942 г. «Об улучшении охраны и мерах наказания за хищение и разбазаривание военного имущества».

Суп — это та же вода, от неё пучит живот и только.

После обеда иду на осмотр в клуб пионеров — Красная, 7. Пищу перед осмотром. Посмотрим, что скажет врач мне: насколько я истощал в Ленинграде?

Прошел осмотр, результата не знаю. Больше спрашивали, чем осматривали, разделся до половины, сделал несколько приседаний, обслушали стетоскопом.

Иду домой. Читаю, начал конспектировать «Карбюратор». В 7.30 иду на ужин. Ужинаю: рыба с пшеном. Жду платного. В 9 [часов], наконец, получаю платный. Картофель с маслом! Съел и пошел. А ребята остались и нарубались. Сегодня вечером выпил только 2 стакана и выбегал ночью поэтому 1 раз.

Шилкин и Куликов, Бус и Поляков — комбинаторы. А вот я смущаюсь, больше наглости!

Поляков вчера стащил у кассира талоны, опозорил армию — так следует говорить.

Спать лёг в 10 [часов]. На концерт в 8.30 не пошел.

31 марта 1942 года

Подъём в 5.30. Я умылся вечером, поэтому иду завтракать. Позавтракал к 6.30: гуляш с картошкой, платная картошка, чай — 2 стакана. Пошел в школу № 1. Было время, и я прочел несколько страниц из Щедрина, сделал записи в дневник. В. Сергиенко читает Соболева — «Капитальный ремонт».

Опять 8 часов занятий: 6 часов в холодине класса — холодней, чем на улице. В перерыве выхожу на улицу. На аэродром ушли многие ребята, нас осталось мало в аудитории.

В 16 часов конец занятий. Жду автобус у окна, но он полон и не останавливается.

Иду пешком: сильный встречный ветер. На базаре пью 1/2 л. молока за 20 руб. (топлёное). В 17 часов обед: суп-лапша с картофелем (густой и попало мясо), добавки нет, котлета с картофелем (картофеля мало...).

Иду домой, выпиваю ещё 1/2 л. топлёного за 40 [руб]. Но это молоко имеет штамп 30-го и хуже (с водой, вероятно). Остальные торговки (сегодня их мало с обеих сторон прилавка) продают сырое [молоко] по 36 р., топлёное — по 48 руб.

Махорки стакан ребята находят за 80 руб.

Крылов крутит пластинки Лещенко. Хочу читать, но чтение перебивается чудным голосом.

Перетрухин говорит в 6 часов о совещании, которое было вчера у Шумова. Заниматься, заниматься...

Трубицын дал указание не пускать техников в кино и театр, кроме выходного и подвыходного: сегодня ребята идут смотреть «Двенадцатую ночь».

Я ложусь отдохнуть, когда стемнело, и засыпаю. Дахно будит меня в 9.30, чтоб не опоздал на ужин. Сегодня блины со сметаной (2 больших), хлеб, чай. Безродный дал кусок хлеба, он болен и его не ест. Покупаем с Сергиенко и Груниным в 10 [часов] по лапше, больше ничего не удаётся.

Характерно, что здесь картофель, лапша и рыба очень часто даются, т.к. всё это местные продукты. Около нас мельзавод. Штабель пшеничной муки (обойной)¹⁰⁴ стоит возле стенки нашей школы и охраняется...

После ужина умываюсь, и спать.

Беляев делает проверку по койкам, согласно списку Полякова. Просыпаюсь, когда приходят из театра, и в 4.30 утра.

1 апреля 1942 года

Подъём в 5.40. Сегодня одеваю тёплые кальсоны, яловые сапоги. В столовой выдают талоны.

Бесплатный завтрак: котлета с перловкой, хлеб (100 гр. полубелого), масло, 2 стакана чаю. Выдали кучу карточек. Добавка сегодня — лапша. Увидим, что даст обед, ужин: по-моему, они будут пребезобразные и непитательные.

Техник стал домохозяйкой: недостаёт, чтобы он брал хлеб в магазине...

За завтраком съел 200 гр. хлеба из дневной нормы.

Потом иду в школу № 1, читаю немного.

Сегодня 8 часов занятий. Узнаю, что большинство наших преподавателей — слушатели академии.

Было 7 уроков, по мотору дали регламент работы только.

Иду на базар с Куликовым, по дороге заходим в ресторан № 3, там по талонам первое и 100 гр.

¹⁰⁴ Это самый крупный помол муки.

В 16.30 выпил 1/2 л. топленого молока за 24 руб., пообедал: суп грибной, рисовый (жидкий), котлета и немного картошки (обед стоит 2 р. 30 коп.), чай — 2 стакана с сахарином.

На базаре выпиваю ещё 0,25 молока топлёного. Иду домой. Там начпрод объясняет, что с 1 апреля вводятся летние нормы — 750 гр. (до 1 октября). В завтрак положено нам 100 гр. белого [хлеба], 30 гр. масла, крупы — 230 гр., сахара — 50 [гр.].

В 7.30 ужинаю: 4 гороха, чаю — 2 [стакана], хлеб — 300 [гр.], сыт. Мою бутылку из-под молока, умываюсь, спать.

2 апреля 1942 года

Подъём в 5.30. Пришиваю воротничок. Иду спокойно на завтрак: Гуляш с рисом, картошкой, блинчики, масло, чай. Ребята получают ещё блинчиков.

Занятий сегодня [длятся] 8 часов. Иду домой с Витькой С. Он обижается, что я сторонюсь его. По-моему, он имеет ввиду мои money. Надо остерегаться.

На базаре едим пополам стакан сметаны за 40 руб. Беру 1/2 л молока за 16 руб., пьём пополам за обедом. Сегодня суп грибной с пшеном и картофелем (съел 3) за 1 руб., котлета с картошкой — 1 р. 10 [коп.], чай с сахарином — 8 коп., хлеб — 300 [гр.].

Наполнил желудок до отказа. Надолго ли?

Иду отдыхать. В 7 часов иду в кино профшколы. Смотрю «Разгром немцев под Москвой».

Витька дал мне талон на ужин. В 9.30 ужинаю: 2 порции селёдки с картошкой, чай — 2 [стакана], хлеб — 300 [гр.]. Иду спать.

3 апреля 1942 года

Подъём в 5.30. Умывание. К 7 [часам] позавтракал: котлета с пшеном, картошка. Добавка — картошка, масло (должно быть, 30 [гр.]), чай — 2 [стакана], хлеб — 200 [гр.] черного, 100 [гр.] белого (белый бесплатно).

Зашел на Б. Базар. Купил грамм 300 сливочного масла за 200 [руб.]. На М. Базаре есть сметана, молоко. Но у меня нет денег, осталось 150 руб. (ещё месяца полтора надо питаться за деньги!). Надо будет занять у кого-нибудь.

7 часов занятий. Шилкин оказался чутким парнем: одолжил мне 150 руб., я о нём совсем другого мнения.

Решили с Кешей пообедать в 1-й школе. Просидели долго, но пообедали: 2 супа пшеничных, котлета с картофельным пюре, чай. Беседуем с инструктором по самолёту: он с июля по октябрь воевал в пехоте. Рассказал нам о МиГе. После обеда узнал, что баня — 5 билетов в театр загал в 180-м полку.

В 7.30 поужинал: 3 порции блинов. 3 блина (использовал обед, ужин 31), 200 [гр.] хлеба, масло — грамм 50.

Сегодня дежурит Борис Бус. Баня. Успел помыть голову тёплой водой, потом пошла холодная.

Какой-то друг оставил в бане ТТ.

Обменял 2 пары белья: одну дали тёплую.

Иду из бани, напевая. Спать.

4 апреля 1942 года

Подъём в 5.40. Лёгкий туалет. Завтрак к 7 [часам]: колбаса с картофелем, 100 [гр.] белого, 200 [гр.] черного [хлеба], добавка — картофель жареный. Употребляю масло. Наелся. Но, глядя на других, подхожу в школе № 1 к Вале и хочу получить кашу, не выходит. Не хочу кланчить и отхожу в сторону.

Сегодня, кажется не 8 часов. Да, 4 часа — самолёт, и 2 часа — мотор. После занятий обед (15.00): суп пшеничный с картофелем и грибами (1,5 — половину дал Витька) блин со сметаной, 400 гр. хлеба, своё масло (доедаю). После обеда хотел сходить в парикмахерскую — очереди.

Дома побрился, читаю. В 6.30 иду на ужин (3 лапши на 2 талона, 1 дал Б. Бус — он дежурил), 2 стакана чаю, хлеб — 200 [гр.]. На прививку не иду — театр.

В 7.30 начало — «Свадьба Кречинского», Сухов-Кобылин. Хорош Расплюев. Танцую 2 танца в антрактах.

Домой идти темно — слякоть.

Сегодня обменяли постельное бельё.

5 апреля 1942 года

Подъём в 5.40. Лёгкий туалет. Завтрак закончил в 6.40: добавка — суп грибной с рисом, картошкой, котлета с картошкой, масло, хлеб 200 + 100.

Сегодня выход на аэродром.

Едем на автобусе. Сильный снегопад, но инструктор пропускает всех через кабину.

Едем обратно на попутной машине. К 12 [часам] дома. Ноги промокли — слякоть.

С Витькой обменялся гимнастёрками, дал ему синюю.

В 14 часов пообедал: суп грибной, котлета с картошкой, блины (добавка). Идём в гости к Николаеву Ивану. Поиграл на полубаяне. Съел 2 тарелки супу, 10 пельменей, выпил 2 стакана чаю.

Зашли к девочке. Её нет, послушали патефон. Выпили по стакану чаю и съели по пирожку с изюмом. Сегодня Пасха.

Иду в клуб пионеров. Витька перевязывает палец, я делаю прививку оспы и укол (против тифа и столбняка).

Заходим на ужин: по 2 ячневые каши, по 2 стакана чая. Съедаю только каши. Хлеб (200 [гр.]) с собой!

Идём в клуб ВОГа¹⁰⁵ (профшколу), смотрю «Ай-Гиль».

Спать. Не заболеть бы завтра.

6 апреля 1942 года

Подъём в 5.40. Я заболел. Встаю в 7.30. К 9 [часам] покушал: бефстроганов с перловкой, 2 ячневых каши, хлеб — 300 [гр.], докочил всё масло.

Пришел и померил температуру: $-38,6^{\circ}\text{C}$. Часов в 11 пришел врач.

Температура $-38,9^{\circ}\text{C}$. Дал таблетки. Сплю: знобит, болит голова.

В 14 часов пообедал (еле съел): суп грибной, котлета с плохой картошкой, лапша, хлеб — 300 [гр.]. Получил стружку от Трубици-на за незаправленное одеяло.

Написал домой аттестат с 1 мая на год.

Говорят, что вчера бомбили Ленинград 85 самолётов: 18 сбито. Кто? Уж не ерлыкинцы ли?

¹⁰⁵ Всесоюзное общество слепых.

Ужин в 9 часов: 2 [порции] картошки по 50 коп., 2 [стакана] чая, 300 [гр.] хлеба. Сыт. Ребята гоношат себе блинчики. Я ушел. Скоро должен перейти на фронтовой паёк.

Выздоровею ли к утру? Если нет, не пойду на занятия.

Завтра схожу посмотреть «Каин и Артём».

7 апреля 1942 года

Подъём в 5.40. Я поднимаюсь позднее. К 8.30 я уже покушал с Васей Никишиным. Сегодня котлеты с картофелем, хлеб (200 + 100 [гр.]), масло, чай 2, 3 лапши.

По дороге домой майор Садовников сделал замечание: почему без ремня? Сегодня, как и вчера, чудный солнечный день. Прививается оспа. Совсем почти выздоровел, но остался в общежитии, потому что это куда лучше...

Обед в 14 часов: суп грибной, картофель, блины, хлеб (400 [гр.]), чай — 2 [стакана]. Кушаю вместе с гражданским инженером, что строит аэродром, Ленамке.

Купил перед обедом 2 стакана жидкой сметаны (70 руб). Инженер дал мне первое, и я сыт. Иду домой, чтобы отдохнуть, лёжа в постели.

Сегодня у ребят была самоподготовка весь день к зачётам, что будут 9 апреля.

Иду в 5 часов в кино «Каин и Артём».

Быстро завтракаю¹⁰⁶ к 7.15: две ячневых каши, 200 [гр.] хлеба, 2 [стакана] чая (Вася Сергиенко дал мне талон на вторую кашу, он сегодня дежурит).

Иду в театр. Прихожу вовремя: начинается вскоре после моего прихода спектакль «Двенадцатая ночь» В. Шекспира. Сегодня перед постановкой выступал кто-то из постановщиков (Шекспир, говорит он). В последний антракт одеваюсь заранее. Когда вышел из театра, толком не видел ничего и шел вслепую.

В театре танцы; бойкая торговля квасом на сахарине. Я не пью, т.к. сахарин вреден, хотя квас и сладок, или стараюсь пить минимальное количество. Спать.

¹⁰⁶ Видимо, автор ошибся, имелось в виду «ужинаю».

8 апреля 1942 года

Подъём в 5.40. Быстрый туалет. Завтрак к 7.00: суп грибной, мясо с картофелем, хлеб (200 + 100 [гр.]), масло — 20 [гр.] (можно было 40, но я растерялся), чай — 2 [стакана].

Иду к школе № 1. На Малом Базаре покупаю творог (с блюдцем) за 15 руб. И на талон (не отдал его Полине в той столовой) получаю манную кашу. Со мной кушают Корнев, Самсонов, адъютант. Как действуют Корнев и Самсонов, я теперь знаю. Надо будет и мне быть внимательней, замечать всё, использовать возможности.

7 часов самоподготовки. Голова устала сильно. Спешим на обед. Перед обедом выпили с Виктором по 1/4 литра молока топлёного (48 р. [за] литр). Сегодня обед плох, котлеты Зина распродала на дом. Мы не получили котлет, некоторым не досталось даже и первого. Съел 1,5 [порции] первых (суп грибной с лапшой), 2 каши ячневых с маслом, 3 блина (2 блина за мехобед, данный Сергиенко), 400 [гр.] хлеба, 2 [стакана] чая. Взял весь хлеб за сегодня — 200 гр., 1 довесок съел.

Уже 5 часов вечера. Иду смотреть кино «Истребители» с 5.30. Да, хорошо. Хотя я и видел её множество раз.

После кино иду ужинать (в кино был с Серёжкой Паршаковым — в «Пассаже»). Ужин сегодня лапша. Съел лапшу, выпил 2 [стакана] чая, съел порцию, что взял в обед. 200 гр. на завтра оставил на завтра (надо жать вперёд, т. к. скоро карточки отберут). Ваня Решетников и Алексей Андронов выпили спирту. Иван даёт мне талон на платный добавок завтра.

Спать. Немного почитал конспект по самолёту, и спать.

9 апреля 1942 года

Поднялся в 5.15. Умылся, убрал койку и в столовую. К 6.10 покушал: суп-рассольник грибной, каша пшеница с картофелем, гуляш, хлеб (200 + 100 [гр.]), масло, чай — 2 [стакана]. Иду в школу № 10, завтрака не дают. Пью стакан чаю с хлебом — 200 [гр.] — (за 10-е число!). Пришел Корнев, ем манки порцию, читаю конспект.

К 10.30 сдал зачёт: ничего ответил по агрегату ручной дозировки Блидика-Спромбурга¹⁰⁷, зарядку ног шасси и подзапорол демпфер Nose Wied¹⁰⁸.

Пишу письмо домой. Читаю. Провести время до обеда.

Отпустили нас после 6 часов. Остались сдавать инженер, старшие техники, механики звеньев.

Идём домой. Заходим на базар. Виктор Смирнов берёт за 180 руб. 1 кг мяса (правда, одна мякоть).

Обедаю к 15 часам: суп-рассольник, 2 каши ячневых, блины, 400 [гр.] хлеба, 2 [стакана] чая, обслуживает новая пожилая дева пребезобразно. Больше ничего не мог достать.

Иду домой. Узнаю, что Бус и Дахно схватили по 2, им придётся пересдавать; то же [получил] и Грунин.

Немного поспал, поужинал (Витька дал талон «ужин»): 2 [порции] каши ячневой, 200 [гр.] хлеба, 2 [стакана] чая.

С 9 до 11 [часов] был на танцах, билетов ограниченно, провёл Серёжка Паршаков (простой парень).

Протанцевал танцев 8 без всякого интереса.

Хочу спать, иду домой. Ночью не морозит вот уже второй день.

10 апреля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Покушал к 8 [часов]: 2 супа пшеничных с картофелем и грибами (второй талон дал Кецо), котлета с картофелем и пшеном, хлеб (200 + 100 [гр.]), масло, чай.

К 9 часам иду в школу ФЗД, в класс 2 «А».

С 9 до 13 часов в форме опроса не сдавших и не сдававших вторяли мотор, самолёт. Я читаю Щедрина, изредка вмешиваясь в дискуссии.

В 13 часов вышли домой, до Малого Базара ехали на попутной машине. Перед обедом побрился и подстригся, освежился смесью одеколона с фруктово-грушевой эссенцией.

Обед: суп грибной с картофелем и пшеном, 2 котлеты с картофелем, ячневая каша с маслом, 2 [стакана] чая.

¹⁰⁷ Речь идёт об агрегате системы запуска, типа нашего насоса ПН-1: тогда многие импортные агрегаты назывались нарицательно, например «замок Дзуса», «амортизатор Лорда», «указатель «Пионер» и т. п. В написании может быть и искажение от англоязычного названия.

¹⁰⁸ Гаситель самовозбуждающихся колебаний передней стойки шасси, абсолютно новая конструкция для наших техников.

После обеда в 16 [часов] пошел к Гале Виноградовой на ул. Островского д. 15, но она уехала к мужу в Новгород¹⁰⁹, вероятно.

Иду домой, узнаю, что в ВОГе [идёт] «Гибель «Орла».

Пью 3/4 литра топлёного молока (48 руб. [за] 1 литр).

В 17 часов смотрю кино. После кино пишу соц. договор 3-го звена и иду ужинать. Идёт дождик. Левин даёт мне талон на ужин.

Беру 2 [порции] картошки с огурцом, 3 [порции] блинов, 400 [гр.] хлеба, 5 стаканов чая (сегодня он сладок). Доволен, закончив ужин к 21 ч.

Завтра 12 чел. из полка техники поедут в Иваново.

Я, наверное, буду снимать мотор на Собга.

11 апреля 1942 года

Подъём в 5.40. Быстро завтракаю к 7 [часам]: колбаса (3) с картошкой, суп грибной с пшеном, хлеб — 400 [гр.] — (иду на день вперёд), масло, чай (2 [стакана]).

К 7.30 подано грузовое авто: едем в куртках на аэродром. Сапоги промокли, и мы обогреваемся в домике. Задремали и просидели до 10.30.

Подшли к разбитой «кобре»: там уже снимают плоскости (зубилом), подготовили мотор к съёмке. Полазили по машинам, ознакомились. Нет инструмента. Нужен инструмент, а не люди. Идём опять греться. Потом садимся в авто и едем до 5-й школы (проехали самую грязь). Оставшуюся часть пути идём пешком до школы № 1.

Обед в 14 часов: суп грибной, котлета с картофелем, каша ячневая, чай, 1/2 литра молока за 32 руб.

После обеда повалялся в постели, почитал.

Говорят, что «кобры» 28-го полка имели воздушный бой над Момино: машины уже сели, лётчики только что вышли из кабин, вдруг был дан приказ о вылете навстречу группе МЕ-110. Результаты неизвестны!

В 6 часов с Виктором пошли к Ване Николаеву (талоны отдал Сергиенко). Пришли, и я стал играть на полубаяне. Участвовал в приготовлении фарша [для] котлет. Выпил не менее 500 гр. водки, съел чудесный мясной суп, 3 котлеты с жареной картошкой, кашей ячневой.

¹⁰⁹ Речь идёт о Нижнем Новгороде, как по привычке называли город Горький.

В 9 часов вышли из дома пьяными. По дороге Витька выпустил всю обойму, я — 5 патронов. С 9.30 до 11.30 танцевали в «Пассаже». Пришли домой в 11.40, записали опоздавшим. Ноги промокли вдрызг. Спать.

12 апреля 1942 года

Подъём в 5.40. Завтрак к 6.30: колбаса с картошкой, суп пшеничный с картошкой, хлеб — 300 [гр.], масло, чай. После завтрака договорился с Алёшей Андр. о втором добавочном.

Ребята пошли на аэродром, я остался.

Объединили койки по две, навели порядок.

Сходил в город после 10 [часов], фотография в часовне выходная, в городе большая очередь.

Купил 3 яичка за 48 руб. и сдал в кухню.

Пришел, поспал до 13 часов.

Иду обедать. Алёша Андр. сообщает, что иду дежурить по столовой (я просил его об этом).

Обедаю к 14 часам: суп пшеничный, котлета с картошкой, яичница из 3 яиц, запеканка из манной крупы с повидлом. Зина не дала ничего за завтрак. Всё-таки завтрак лёгок. Самсонов на арапа берёт 2 обеда и 4 запеканки — надо уметь!

Иду готовиться к дежурству. Бреюсь, отдал Фалилееву почистить пистолет. Немного полежал.

В 16.30 иду сменять дежурного по кухне. Сменил дежурного. Помог Зине считать талоны и жетоны. Разговорился с ней: оказывается, Зина и Полина — это родные сестры, эвакуированные из Николаева.

Получил за Марию Васильевну (шеф-повара) продукты. Начался ужин — лётчики пришли на 1 час раньше. Я велел официанткам отпускать, из-за этого поссорился с поваром Ньюрой.

Съел штук 5 котлет. Улёгся спать на стулья в зале. Дежурю без пистолета — в чистке у Фалилеева.

Часа в два бабоньки постучались и разбудили меня: «Молодой человек...» Я сплю в зале, а зал моет уборщица...

13 апреля 1942 года

Завтрак в 6 [*часов*], поднялся в 5. Снял пробу сам, съев лётную порцию котлет. Во время завтрака съел порцию манки. После завтрака рубал котлеты с Мар. Вас. Взял несколько кусков сахара из кладовой. Сосу. Талон свой отдал Витьке.

После завтрака немного соснул.

Да, сегодня нашим выходной, и они тянутся. Андронов и Решетников пришли, например, в 11 часов и, так как скандалили, не позавтракали.

Сходил в часовню и сфотографировался, готово к 17-му должно быть.

Наблюдаю, как готовят обед. Остался суп, и его продают бойцу, что торчит у двери. Это делает добрая Мар. Вас., которая сочувствует бойцам... У неё муж убит. Она обязуется подписаться на военный заём 1942 года, на две ставки, чтоб отомстить Гитлеру за мужа. Показала мне свои недавние фотографии: она сильно постарела, переживая горе...

Помогаю готовить фарш: мясорубка тяжелая, но я вертел её «без единого роздыху».

С 13 [*часов*] обед. Витьке даю свой обед и 2 [*порции*] каши манной. Лётчики пришли опять рано, но Мар. Вас. не отпускала до 2.30. Утром Садовников нашел недoves масла — 12 гр., а не 20. Мар. Вас. все порции довесила. Масло всегда остается.

В промежутках съел несколько каш, съел котлеты с манкой, маслом. Съел 3 блина со сметаной и... Довольно, больше и не надо ничего! Помогаю разливать чай — жарко.

В 17 часов сменился, пришел М. Филястов. Иду в пассаж и смотрю «Дубровский», Ливанов силён! И он играл в Вытегре!

Уважаю блины.

Узнаю, что меня искали, чтоб взять подписку. Иду в школу и подписываюсь на 725 руб. Меня рвёт, и я ложусь спать вместо того, чтобы смотреть [*фильм*] «Бабы».

Итак, рано лёг спать. В городской отпуск был записан, но дневальный отметил: «Не ходил».

14 апреля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Сегодня занятия в классе должно быть. Иду и не спеша завтракаю: 3 [порции] пшеничной каши, гуляш с картошкой. Сегодня я выходной.

Ребята 4 часа занимаются в нашем кубрике по приказам, и в особенности по приказу № 93.

Я ложусь на койку В. Смирнова и сплю до 13 [часов].

Построение. В 15.30 должны все пойти на аэродром чистить снег. К 16 часам покушал: суп картофельный, котлета с картошкой.

Стеша подарила мне расчёску мужа. Она намекает на что-то: чем я её отблагодарю?

Купил билет на 5.30 на «Золотое озеро» Имел разговор с английским механиком у кассы кино.

Встречаю Виктора Карпухина¹¹⁰. Пора идти в кино. С удовольствием смотрю картину.

После кино ужин: 2 блина, лапша, хлеб — 100 [гр.], чай — 3 [стакана]. Умываюсь, переодеваюсь, и на танцы.

Хорошо потанцевал. Однако танцевать жарко.

В 10.45 ухожу домой и укладываюсь спать.

15 апреля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. К 8 часам покушал: котлета с картофелем, 2 [порции] супа картофельного, 300 гр. хлеба, чай (1 [стакан]), масло — 20 [гр.].

К 7.50 с В. Смирновым мы были в школе.

Сегодня в классе «Аэрокобра»: занятие инженера с техсоставом по шасси с-та [самолета] и др. агрегатам.

Занятия до 12: 3 часа. Идём в город, Виктор бреется в парикмахерской. Я сходил в фотографию, где работает знакомая Быкова и сфотографировался на удостоверение (другого формата нет).

Хотел сходить за билетами в театр, но касса открывается в 15 [часов], и билетов нет.

Зашел в портерную и выпил 2 стакана сидра. Здесь очень много берут сидра домой, целые очереди людей с чер*****, бидонами...

Виктор побрился, я предложил ему сходить в фотографию, и мы пошли.

¹¹⁰ Видимо, позднее эта фамилия была обведена в рамочку.

После сходили пообедали и решили дома отдохнуть, чтобы потом, не ужиная, быть у Лидии и Нины, чтобы идти в театр.

Отдыхали до 5.30. Быстро собрались и идём к Ивану, хватили по стакану перцовки, поели супу и, захватив дев, пошли в театр.

Сегодня «Волки и овцы» Островского. В антрактах танцы.

Пришли домой в 11.35. Самсонов пришел пьяным и грозился убить Буба из пистолета и ножом. Пистолет отобрали, а вскоре и нож.

Больше пускать в город нас не будут, вероятно...

16 апреля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Быстрый завтрак: котлета с картошкой. Спешим с Виктором в школу.

Сегодня опять 4 часа занятий под руководством инженера Красновского. Самсонова нет, остался дома.

Пишу письмо домой.

Мне не страшны грязь и вода: я получил новые кирзовые сапоги 38С. Испытание они выдержали хорошо.

После занятий обед: суп рисовый 2, картофель 2, блины 2, чай (2 [стакана]), хлеб — 500 [гр.]. Виктор купил мясо и пошел к Ивану Николаеву.

В 13 часов строевое собрание (Самсонов, мотористы стащили картошку и мыло, Иванов пошел на губу).

Спросили в театр у Милёхина, в ответ услышали только оскорбления. Зачем я буду спрашиваться? Теперь буду с ним только официальным.

В 17 часов баня. По бане дежурит Самсонов, теперь ему нет спасения от нарядов.

Захожу домой, одеваю хромовые сапоги, ужинаю, иду в театр.

Смотрю пьесу Корнейчука «В степях Украины».

К 11.30 я дома и готовлюсь ко сну.

17 апреля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Завтрак: гуляш с картошкой. С сегодняшнего дня переходим на фронтной паёк (мясо — 250 [гр.], карт.— 1 200 [гр.]).

Иду в школу и там доканчиваю завтрак (за счёт добавочных талонов).

Витька вчера был здорово пьян. Карпухин и Кисляков вчера завалились.

Чертил на доске схему Блидика-Спромбурга, и время прошло незаметно.

Написал письмо Ивану — разыскал адрес.

Обед в 14.30: суп рисовый с картофелем, котлета с картошкой, чай.

Зашел в сберкасса, но выписки по выигрышной лотерее не получил — ещё рано.

После обеда отдохнул. Перешел из своей комнаты в комнату управления (приезжают ещё человек 300 мотористов). Хотел на 17 часов идти в кино ВОГа («Щорс»), но кино не работает.

Вернулись домой и продолжили отдых.

Многие ребята идут в театр: «Свадьба Кречинского».

К 20 часам поужинал: рулет пшеничный с мясом, 2 [порции] лапши, чай, хлеб.

Сегодня получил деньги: 180 руб.

Я должен 200 руб. Шилкину, надо отдать.

После ужина слушал Бориса Бус, он декламировал Сергея Есенина.

Пораньше лягу спать...

18 апреля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Быстрый завтрак: гуляш с картошкой. В школе № 1 добавляю 2 каши: пшеничную и лапшу. Занятия в б. строевом отделе.

1 час копирую схему смазки шасси, но потом отдаю её Шилкину, т. к у меня есть фотография.

Читаю Щедрина. С 11 до 12.30 Аксёненко опрашивает меня по приборной доске. Сегодня с утра была хорошая погода: сильный солнцепёк. Перед самой школой размыло шоссе: предупредительный знак в виде ели.

Занимались до 12 [часов]. Потом домой.

Дома в ожидании обеда — сон. Обед в 15 часов, обыкновенный. После обеда опять отдых.

С 17 часов до 20.15 смотрю кинокартину «Щорс» в клубе ВОГа. Со мной сидели Корнев и Строганов, но у них не хватило терпения [*просмотреть*] все 15 частей (1 аппарат, картина всё время рвётся), и все ушли, просмотрев не более 10. Хорош Самойлов в виде Щорса (за это он стал лауреатом). Отправил письмо Ивану.

Ужин и... спать.

Ужинал с Кешей, кушал мясо-брезе с картофелем.

19 апреля 1942 года

Подъём сделали в 4.30, для того чтобы идти на аэродром и чистить снег. Завтракал одним из первых — гуляш, — и иду к своей школе ([*чтобы*] первым сесть в ожидаемую машину). В ожидании прилёт, как и все, и вдруг слышу команду, отменяющую выход на аэродром. Командование разрешает спать до 8 утра.

Я знал, что занятия будут в школе № 1, иду и кушаю 3 [*порции*] лапши. Доволен. Сижу в библиотеке-читальне до 9 часов, потом иду в свою школу.

С 10 часов в комнате 2 экс. занятия по изучению инструкции по эксплуатации с-та [*самолета*]. Написал 4 письма: Ивану, Загусинскому, Мееву, маме (со своим фото).

На базаре сегодня работают качели с шарманкой, привезённой из Одессы. Играют «Москва майская», «Широка страна моя родная», «Авиамарш».

Обедаю в 15 часов, обед обыкновенный.

Да, в 13 часов было первое собрание эскадрильи: прошло вяло, огласили общие баллы, распределили места, и всё.

После обеда отдыхаю.

Ужинаю в 8 [*часов*]. Иду на танцы (отпросился у Милёхина и Трубицина). Достаю билет на входе.

Сегодня в «Пассаже» играет джаз: сакс, скрипка, виолончель, тромбон, рояль. Много танцую.

В 12 [*часов*] лёг спать.

Вчера адъютант привёз из Иваново табак. Получил 2 пачки махорки, 1 пачку спичек и 1 пачку курительной бумаги.

20 апреля 1942 года

Подъём в 7 [часов]. К 7.15 покушал: гуляш с картофелем. Иду в школу на Томне: 3 [порции] гороха и 1 стакан чаю.

Занятия по инструкции в 1а и в «Собга» по тормозной системе.

Потом переход домой, переодевание.

В 11.45. вышли к аэродрому для очистки снега. Поработали до 14 часов, и домой.

Туда и обратно — строим. Много грязи. Однако дней через 8 аэродром будет годным.

Билетов на «Морской ястреб» в «Пассаж» не достал. Открепился от сберкасс (вчера получил 70 руб. по кухонной книжке). Отдал 200 руб. Шилкину.

Хотел забить махорку, но не было выгодной партии. Молоко дают 70 руб. литр! (топлёное), 56 [руб.] — сырое.

Вчера поспорил с Сергиенко и Быковым, что Витька С. — воентехник 2 р. с 1938 года (он же говорил мне это в Касимово). Окажется, он получил это звание в 1942 году! Зачем он мне лгал?!

Всё! С этим звонком надо порвать дружескую связь. Он не стоит того, чтобы с ним дружить. Зачем он обманывает друга? И на этом — ведь всё равно я узнал бы правду...

Пообедал к 16 часам: 2 суп-горох, блин с мясом. Сыт. Иду домой. Заполняю запасы.

Отдохну, поужинаю, почитаю, напишу инструкцию, и спать. Интересно, чем будем заниматься завтра...

Кино посмотрю в ближайшие дни. Забить tobacco в среду.

21 апреля 1942 года

День обычный. Тот же гуляш, та же лапша, гороховое пюре. Занятия в школе.

Класс «Аэрокобра». Пришлось чертить схему управления руля поворота.

Обед тоже обычный. Погода за последние дни замечательная: солнышко, ручьи. Заметно сушит.

После обеда узнали о том, что все техники, кроме меня, Иванова, Зверева, едут в Иваново. Трубицин, Кирсанов уехали в Москву.

С 18 часов ужин для отъезжающих. Я тоже ужинаю.

Иду в кино: «Морской ястреб» на 19.15.

После кино узнал, что наши не уехали в 19.30, т. к. неправильно написан был литер¹¹¹. Значит, послезавтра.

В кино перед сеансом [*был*] концерт джаза с участием девушки. Я помню, что танцевал с нею: у неё неплохой голос, когда исполняла песню о дружбе из фильма «Моя любовь».

После кино иду домой, стелю постель.

Иду на танцы в ВОГа, немного танцую, потом иду домой. Спать. Получил из дома депешу.

22 апреля 1942 года

Всё, как всегда.

В школе № 1 кушаю вместе с Иваном Сидоровичем. Мотористы идут на аэродром.

Сплю с 11 до 14 часов. Захожу в фотографию — снимки не готовы. Бреюсь в парикмахерской.

Обедаю к 16.30. Сегодня начался ледоход. Много мужчин и ребятшек ходят по берегу Кинешемки с палатами¹¹². Кое-что попадает. Хорошо наблюдать за ловлей с моста.

В ВОГе смотрю «Партбилет» (вместо «Таинственного острова»). Захожу домой за шинелью.

С 7.15 смотрю «Морской ястреб» с Кешей: вот парень, который может быть моим другом! Витька оклеветал мне его...

Ужин после кино (блины с фаршем мясным).

Почитаю — да...

23 апреля 1942 года

Завтрак обычен.

До 11 часов провожу занятия с лётчиками по смазке мотора в школе. Веселимся, резвимся на берегу Волги: Налим отлично метает снежки, Костюк стреляет в мою пилотку — мажет. Метаем финки в дерево.

¹¹¹ Говоря современным языком, штабные работники выдали «маршрутный билет» не на тот железнодорожный состав.

¹¹² Возможно, это вид сетей.

Борис Милёхин научил игре с рублём в «шмеля» (счёт до 11 с номером ассигнации). Хорошо! Приятно!

С 12 до 14 [часов] спал. Потом пошел бродить по городу, прошел всю набережную и бульвар — здесь снимали «Бесприданницу». Купил холодец за 25 руб, выпил 1/2 л. топлёного молока за 32 руб.

Пообедал к 16.30.

С 17.30 кино «Морской ястреб».

В фойе познакомился с Надей из Пскова: она спросила у меня книгу, заметив, что я читаю.

Нет смысла ходить на сеансы ранее, чем 7.15, т.к. джаз не играет. Запомнил мелодию песенки (муз. Генриха Варса):

Закурим матросские трубки
И выйдем из тесных кают.
Пусть волны летают до рубки,
Но с ног они нас не собьют.
На этой дубовой скорлупке
Железные люди плывут,
Уходит от берега ястреб морской, (2 р.)
И девушка машет рукой...»

Стих. Е. Долматовского

Под впечатлением этой песенки.

После кино ужинаю. Комиссар Никитин встретил и предложил идти в лётную школу.

Ужинаю и вижу, что ребята уезжают. Прихожу домой и узнаю, что на сей раз уехали... Уехали в Иваново.

На танцы не пошел, потому что в ВОГе душно, жарко, тесно.

Появилось уже давно желание обладать женщиной, но смотреть на них как-то не могу...

Очередная м. перед отходом ко сну.

Спать лёг в 10 [часов], потому что остались без лампочки: ребята увезли обе в Иваново.

Мы трое в комнате: я, Иванов, Зверев.

Как-то стало скучновато без ребят, всё же я к ним привык. Сей-час у меня не может быть жизни вне полка.

А как хочется покоя!

Но это невозможно!

Скоро на фронт.

24 апреля 1942 года

Подъём в 6.40. Сходил в школу на Томне, потом пошел на завтрак в столовую «Военторга».

В 9 часов начал занятия с лётным составом по инструкции эксплуатации (запуск, проба, полёт, остановка мотора «Аллисон»).

В 11 [часов] кончил занятия. Ребята не хотят заниматься. После 11 [часов] должны быть занятия с мотористами, но они убирают двор и посыпают его песком.

С Белоусом в 12 [часов] пошли по библиотекам.

Зашли в парткабинет. Он взял брошюру о 1 мая, я просмотрел газеты, полку «Крокодила» и «Огонька».

Затем пошли в центральную библиотеку. Время уже 14 часов, а читальный зал закрыт. Поднялись в музей — жуткий холод. Осмотрели все залы. Узнал, что Островский и Фурманов жили в Кинешме. Трикотаж, например, хороший, но дурно спит: неужели наши работницы не могут для ширпотреба изящно шить?

Фибра чудная. Кирпич с маркой «Кинешма» тоже. Библиотека ещё закрыта. Белоус пошел бриться. Я пошел в столовую, много народу. Зашел в универмаг, купил пехотные петлицы, пару паршивого гуталину (только для военных — расчески и гуталин).

Обедаю в 15.30 (второе — свинина с картофелем).

Иду домой, сам делаю лейтенантские петлицы на гимнастёрку. Немножко полежал.

Идём в 6.30 на ужин, с тем чтобы уехать в театр.

В 7.30 смотрю в театре «Женитьбу» Гоголя.

Получил письмо от Оли из Кирова.

25 апреля 1942 года

Подъём в 8 [часов]. К 9 [часам] позавтракал: котлета, каша манная, сыр (по платному). Познакомился с парнем, который обслуживает У-2 генерал-майора Безуглого. (Из Пушкино, командир авиадесантной бригады, погибшей у Орла, — спаслись лишь 300 чел. — прошедшей рейдом по тылу: 50 героев, остальные орденосцы).

Мотористов подняли в 5 и угнали на аэродром. Занятий у меня нет. Банк сплошной.

Перешли из своей комнаты в комнату 2ИЭ. Много играли на гармошке. Наша комната — комната гармонистов (Зверев, Смирнов, я, писарь ком. полка, Иванов). с 1 до 3 написал инструкцию по эксплуатации.

Зашел в фотографию, но он ушел на обед.

Обедаю: сегодня щи, пшенная каша, 2 блина, 1 стакан чаю. Вегетарианский [обед] — нет мяса.

Захожу в парикмахерскую: немного выросла растительность. Хотел сделать лучше, вышло хуже. Меня не обстригли, а обкорнали. Больше не стригусь, отращиваю волосы. Бреюсь дома.

Стыдно выйти на люди!

Выпил 1/2 литра молока за 35 руб.

Иду после ужина на танцы в «Пассаж».

Иду из-за джаза. Может быть, увижу Надю...

Видел эту «Надю». Она назвалась мне Лидой: я не поверил, да и отвернулся от неё. Болит живот.

26 апреля 1942 года

Завтрак обжоры. Покушал к 9 [часам]. Много съел сыра. Опоздал на занятия с мотористами. Майор Садовников пообещал 3 суток. Занимаюсь до 12 [часов].

Болит живот. Понос. В 15 часов получил фото — ужасные. Пришел на обед, взял хлеб, жетон № 6 и ушел. Валялся до ужина. Поужинал к 9 [часам], вместо рулета [ел] рисовую кашу (для закрепления).

Пошел на танцы. Танцевал нормально.

Много хороших девушек, но... Я иду домой один...

Никого не провожал.

К 12 [часам] я уже в постели.

27 апреля 1942 года

Завтрак к 9 [часам]. С 9 до 13 [часов] занятия с мотористами. Повторил карбюратор, его дефекты, дефекты м/системы, осмотры.

Поспал малость. Аппетиту нет, вероятно, перебил его сыром или молоком (подливают даже в топлёное воду и растительное масло).

Обед в 15 часов. Мост разведен, из Кинешемки выводят зимовавшие суда. Перевоз в баржевой лодке стоит 1 рубль.

Первого не ел. Съел второе и яичницу из 3 яиц. После обеда мёртвый час.

В 9 часов смотрю кино «Бесприданница»!

Зверев, Иванов уехали домой, в Иваново, до 3 мая.

Карпухин, Лебедев, Костюк уехали в Москву на 3 дня.

Кирсанов и Трубицин вернулись из Москвы.

Дочитал книгу Салтыкова «Губернские очерки».

28 апреля 1942 года

Подъём в 7 [часов].

Завтрак обычен. С 9 до 10 [часов] занимаюсь с лётчиками по тормозной системе. Час баланды о цирке и др.

Сегодня баня. Играл на гармошке. Сходили с Белоусом и взяли билеты в театр. Потом пообедали. Сегодня в обеде нет мяса: манка — техникам, блины — лётчикам. Я ел платный горох.

После обеда покемарили до 16 [часов].

Пошли в баню. Помылись до 18 часов. Начертил сегодня укрупнённую схему карбюратора.

Ужин: 2 блина со сметаной.

Сегодня смотрел в театре «Любимая девушка».

Для людей с фронта это не может быть отдыхом...

Окончился спектакль рано, и мы остались посмотреть танцы.

Спать лёг в 11 часов.

Мост свели с обеда.

Моего моториста Иванова А. И. демобилизовали (туберкулёз лёгких, кажется, и он уехал в Новосибирск, к дяде, с хорошей партхарактеристикой).

29 апреля 1942 года

Подъём нормальный.

Приехали Серёгин, Камерилов, Авдеев из Москвы.

Появился аппетит: к гуляшу добавил ячневую кашу. А ещё вчера у меня не было аппетита.

С мотористами занимался 3,5 часа. Во время занятий приходил командир полка майор Миронов.

Я отправил письмо домой, послал телеграмму: «Поздравляю 1 мая. Пишем не получаю. Целую. Боря» — (в 13 слов).

Обед и мёртвый час. Сегодня разделся на мёртвый час.

После сна, в 6.30, пошел в школу № 1, но библиотека закрыта. Оставил книги на шкафу, почитал газеты в подшивке, спустился вниз, в кино, где шла «Антон Ив. сердится». Посмотрел до момента встречи Мухина с Симочкой после репетиции и ушел. Иду на ужин.

По дороге домой с Колей припоминали выражения из кино: «Скажите, пожалуйста, конечно, приблизительно, сколько может стоить этот пароход?» Или: «Если какой-то колхозник из колхоза «Ройте Фельд» нашел самородок золота, то почему я, Пиня Гофман, не могу его найти?» Или: «Я был там, где море кипит как смола, где людей валит желтая лихорадка, где человеческая жизнь стоит полбутылки рома... Ром в то время был для меня и женой и другом. Вы наивный человек, доктор». (Слова Джона Сильвера из «Острова Сокровищ».)

Спать лёг в 10, поиграв на гармошке.

Ночью встал — идёт дождь: недаром небо вечером было пасмурным...

Сегодня во дворе установили турник. Пытался болтаться на нём. Увы, не могу сделать простой мах, чувствую слабость пресса и рук. Сделал три маховых движения и попытку взобраться всклонкой. Конечно, подъём не получился. Три дня тренировки, и я опять бы работал нормально.

30 апреля 1942 года

Подъём в 7 [часов].

Завтрак закончил в 8.30. Сегодня ел брынзу — сыр из овечьего молока. С 9 до 11 [часов] занимался с лётным составом по КД2К12. Кирсанов зашил меня по игле форсированного режима, притаюсь.

Сходил в универмаг, купил пару пехотных петлиц для шинели, побрился. Купил 3 варёных яйца за 45 руб. и съел с куском брынзы. Купил огурец за 5 руб.

В 14 часов построение и объявление приказа по 153-му ИАП о 1 мая. Мне благодарность. Куда идти сегодня?

Я ещё ни разу не читал свои записи, надо будет как-нибудь прочитать... Перед строем выступал помощник командира полка капитан Родионов. Он молод, 1918 года. Я живо представил себе, что сколько вот таких людей, рождённых при советской власти и не видевших капитализма, воюет против Гитлера, и я стал ещё сильнее в уверенности, что мы победим даже без помощи Англии, США. И если я этого не увижу, всё равно я буду умирать с этой уверенностью! Скоро и мы с «кобрами» будем бить «Гансов»!

Чувствую приятную боль в мышцах плечевого пояса: это после того как я вчера немножко поболтался на турнике.

Обед в 15.30. После обеда мёртвый час, конечно, самостоятельно, на одеяле, под покровом шинели.

К 19.30 поужинал: рулет пшеничный с мясом.

Сегодня меняли простынь, наволочку, полотенце.

Пошел в Сокольники к Ивану. Сказался, что из Иваново. Писем Виктору и Саше у Любы нет.

Виктор увёз с собой 4 л. спирта, а мне сказал, чтоб я зашел отпраздновать Первомай.

Выпил пару стаканов чаю, поиграл на гармошке, поговорил и ушел. Ивана Григорьевича признали годным в армию. Даже в этом деле есть блат: совершенно здоровых людей бракуют, и наоборот. Где совесть, где справедливость? Или все партработники Кинешмы в госпитале политруками!

Из Кинешмы, говорят, убежали все евреи. Да я и сам в этом убедился. Всё-таки как много ещё людей, которые берегут лишь свои шкуры!

Наши мотористы торопятся провести проверку (22.20) и потанцевать с девушками из мельзавода. Прогулки у них сегодня, против обыкновения, не будет.

Я один в комнате. Белоус в госпитале на городском вечере по приглашению. Ребята частично в ВОГе, частично на дому...

Почему я стал таким выдержанным по отношению к девушкам? Потому, что мне хочется серьезного увлечения, а оно не приходит.

Вчера давали по пачке двенадцатирублевого табаку. Мне не дали, т. к. не курю, не нужно. Пускай лучше покурят бойцы за моё здоровье!

Здесь дают масло один раз. Утром, как и в 41-м БАО. Я вспомнил о 41-м БАО, когда стал пересматривать дневник. Вопрос питания в условиях Ленинградского фронта занимал нас более всего, и мы дрались за каждый грамм. Тогда давали 30 гр. Сейчас нам если дают 12 гр., то это будет хорошо! Но все молчат, и техники и лётчики, т. к. не хотят прослыть крохоборами.

Немного смешно читать дневник с описанием того, что ел, но это ничего — вспомнить трудности и научиться ценить настоящее!

ЦК партии большевиков постановил, согласно желанию трудящихся, 1 и 2 мая рабочими днями, и парадов не проводить.

Значит, завтра все в Союзе ССР работают. Сколько продукции даст фронту страна за 2 дня!

Всё-таки это хорошо, что я остался здесь, а не поехал в Иваново. Здесь мне покойней, и я отдыхаю. Часов в 11 лягу спать и... нормально.

Слышал, что у Лобанова 2 МиГа. Он и Дубовик прикрывают 3 ИЛов. Недавно 2 ИЛа были сбиты. Остался один. Значит, и гвардейцы сидят без машин! Удивительно, неужели наши заводы производят так мало машин? Неужели опять у немцев будет господство в воздухе?

Долго разговаривали с Серёгиным, вспоминая Суур-Мерийоки. Наконец заснул.

1 мая 1942 года

Обычный завтрак. Только вместо мяса корейка — остатки от обычных лётчиков — да платный сыр.

После завтрака готовлюсь к занятиям с лётчиками: они должны быть с 11 до 13 [часов].

Объявляют сегодняшний день выходным.

Вчера дали 3 л. спирту на эскадру, мне ничего не досталось. А лётчики вчера и сегодня пьяные. Москвичи приехали.

Мои часы вдруг встали. Пошел в часовые мастерские. Мастерам некогда — отчитываются.

Пошел в парк Сокольники, полюбовался видом на Кинешму, полежал на солнышке.

С Белоусом постояли у речного вокзала, у мест съёмок «Бесприданницы». Потом обед. Долго ждали. Но зато наелись и напились: уха с зелёным луком, корейка с картошкой, 4 стакана пива, хлеб — 300 [гр.].

После обеда Белоус идёт получать продукты для красноармейской столовой. Я получаю от Сергиенко письмо и отсылаю 6 писем-пакетов Сергиенко, Никишину, Блинову, Корневу, 2 — Перетрухину, ребята будут довольны, хоть и до востребования.

Немного поспал. Отдал хромовые сапоги Фалилееву. Отдал ему 1/8 табаку — махорки, что выдали. Получил лишь 3 коробки спичек и 2 пачки бумаги.

Пошел на ужин: 2 порции пшенной каши, 2 [стакана] чая, 3 пива. Идём в театр. Уже 20 часов, а торжественное заседание еще не началось (назначено в 19 [часов]).

Загоняют с улицы в театр. Прогулялись до железнодорожного полотна с Фалилеевым. Ребята на улице гоняют кролика и, наконец, ловят его.

Зашли в театр. Тверетников, батальонный комиссар, комиссар 22-го ЗАП, читает доклад о значении 1 мая.

У меня 6-й ряд, 10-е место балкона, сидел немного и спустился в зал. Буфет ещё закрыт — там пиво, но я его не хочу.

После доклада танцы и концерт самодеятельности. Достойны внимания «Письмо к другу» и «Ростом мал» — ритмический вальс. Остальное не так хорошо.

Было желание идти спать (вечер начался поздно и явно затягивался), но решил посмотреть всю местную самодеятельность. Народу было много.

Белоус на кухне мне ничего не устроил, это верно, что он задается.

В 1 час ночи я уже в постели.

2 мая 1942 года

Подъём в 8 [часов]. Завтрак состоит из корейки и пшена, обычен. После завтрака, в 9 [часов], отдаю часы в ремонт за 125 руб. (погнут маятник и чистка нужна).

Заполняю дневник. Когда видел вчера партерную группу, во мне проснулись угрызения совести, ведь мне сейчас не подняться на стойку на кистях: ослаб и потом зажирел!

Да, вчера видел Кузнецова — старший лейтенант с орденом Ленина и 2 орденами Красной Звезды, лётчик.

С ним я учился с 1935 по 1937 год, занимался вместе в кружке бокса. Помню, как в лаптях он побивал Голубева. Мне тоже пришлось доказывать, чему я научился в кружке бокса. Несмотря на то, что у Григорьева рычаги больше, и он плотнее меня, я навязал ему бой и загнал в ров. Кажется, я заслужил тогда отзыв: «Молодец».

Занятий сегодня у меня нет, болтаюсь. Написал и отправил письмо Лёле в Киров.

Лётчики занимаются физподготовкой (на турнике). Прилично работает Трубицын, Иванов, Милёхин. Родионов знает по-английски...

Перед обедом получают зимнюю защитную суконную гимнастёрку и синие суконные брюки. Брюки надо бы перешить, да вот-вот уедем.

У Фалилеева занял 200 руб. — я должник...

После обеда поговорил с ребятами из 180-го ИАБ. Немного соснул. В 7.15 пошли с Белоусом в кино. Фойе концерт джаза. Белоус смешит нас всех анекдотом насчёт «*****».

Смотрим «Оборону Царицына» Хорош Жаров в роли Перчихина. Звук безобразный, не всё разобрал.

После кино ужин: пара блинов.

После ужина с лётчиком, дежурным по аэродрому, поехали на танцы в ВОГ. По пути горланили песни: я, Лёшка Андронов, Белоус, Решетников Ваня. Лёшка сказал, что у него есть билеты. Оказывается, их у него нет, прошли нахальным образом без них.

Потанцевали до 11 [часов] и домой спать. В 12 [часов] я уже спал.

3 мая 1942 года

Подъём в 8 [часов].

Завтрак: гуляш с пшеничной кашей. Приехали Иванов и Зверев, угостили домашним печеньем.

С 9 до 11 [часов] готовлюсь по инструкции эксплуатации.

С 11 до 13 [часов] занимаюсь с лётчиками. Видел Рябцовых. В 13 часов иду на берег Волги. Потом обед.

После обеда иду в школу на Томне, сдаю через политрука книги, иду обратно.

Прихожу домой, иду в столовую, принимаю дежурство. Непрерывно кушаю блины. С 9 до 11 [часов] был на танцах в театре. В 11 [часов] был опять в столовой. Готовлю для Шуры фарш. Тяжело.

Ем блины и ложусь спать.

4 мая 1942 года

Пришел врач и снял пробы. Прошел завтрак — ничего. К обеду продуктов нет. На завтрак не хватило котлет. Пустили яички и яичницу.

С сегодняшнего дня тыловое питание. Сверхсрочники перешли на лётное питание, мы — на платное.

Я ещё не завтракал. Мария Вас. приготовила мне чудный блинчик с мясом, очень вкусно!

Понял, что с продуктами исключительно плохо... Одна пшеница на складе.

Попробовал маринованные огурцы — очень вкусно. Конечно, лучше, чем солёные.

На кухне скандал: утащили окорок!

Накормил Ненашева, Дружкова, Белоуса, Иванова, Зырева — понемножку всех. Конечно, всех не накормишь!

Кончил в 5 часов. Хочу спать...

Еще не было 17 часов, а я купил билет в кино на 5.30 в «Пассаж». Смотрел кино с 17.30 до 19.

Сегодня после завтрака пошел дождь: я не прогадал, что дежурю. А вчера был чудный день. Холодно сегодня без верхней одежды (пальто).

После кино «Оборона Царицина» иду спать. Ужин платный отдаю Лебедеву Николаю. Спать.

Прочитал перед сном приказ Сталина № 130: разгромить врага в 1942 году. В приказе подчёркивается, что нам недостаёт умения владеть той первоклассной техникой, которую даёт страна.

Спал крепко. Один в комнате, где ребята? Куда они ушли в такую погоду?

Получил письмо из дома, послали 200 руб. Зачем?

5 мая 1942 года

Поднялся в 8 [часов]. Умывание быстрое. Сегодня холодно, и на завтрак надо идти в пальто. На Волге волны. Северный ветер. Снег. Завтракать хочется, конечно. Таким завтраком: пшеница с котлетой, масло — 20 [гр.], хлеб — 300 [гр.], 2 [стакана] сладкого чая. Сыт вполне. Съел ещё 50 гр. сыра.

Большого не надо: наши же ребята распускают свои желудки, «рубая» по 3–4 порции ежедневно. Этак можно стать рабом желудка...

Правда, обед у нас, платников, бледен и, вероятно, не вызовет состояния удовлетворённости.

Время прошло быстро. В 13 часов зачитали перед строем приказ Сталина № 130 и договор со 180-м ИАП по освоению матчасти импортных машин. Написал заметку в «Боевой листок» эск. о ноте Молотова («Ты будешь выть, Германия»).

Пообедал к 16 [*часам*]: суп-лапша (густой), лапша, 2 блина, чай — 2 [*стакана*], хлеб — 400 [*гр.*]. Доволен.

В 17 часов смотрю в ВОГе «Танкер «Дербент»».

В 19 часов ужин: блины, чай — 2 [*стакана*], 200 [*гр.*] хлеба. После ужина почитал, поиграл на гармошке.

С 21 часа и по 23 — танцы в ВОГе.

Сначала сидел, не раздеваясь, часов до 22, хотел уходить. Потом разделся и стал танцевать, не стесняясь рабочих сапог (сыро). Увидел девушку, о которой мечтал, но даже не узнал имени. Почему не пытался узнать?

Потому что предстоит отъезд. Лучше уехать с лёгкой душой, чем оставлять сердце здесь. Если тесней погулял хоть немного — влюбился бы, независимо от возможности.

Немного почитал. М., восстанавливал в памяти её смуглое, чуть курносое лицо, её волосы, убранные сзади, её торс и клетчатое коричневое платье...

Спать.

У лётчиков до танцев был какой-то скандал: П. Решетников, Савин, Комерилов.

Налим совсем пьян на танцах, тоже Калитинов, немного Шевляков. Он хороший парень; с каждым днём я больше его узнаю.

6 мая 1942 года

Подъём в 8 [*часов*]. Холодно, на улице снег.

Завтрак: котлета с пшеницей.

После завтрака выкупал часы за 125 [*руб.*] из ремонта. Вот, сволочи, дерут: исправил маятник и почистил, взял в 4 раза дороже таксы!

Пишу о приказе № 130 в полковую газету. Читаю Кронина «Цитадель». Интересная очень Эндрю Мэнсон!

В 13 часов иду бриться и обедаю: суп рисовый, блин, чай — 2 [стакана], хлеб — 400 [гр.]. Сыт. Но надолго ли? Написал письмо домой.

Читаю в постели. Разделся и сплю до 8 часов. Идём на ужин в 8: лапша, ничего особенного. Идём группой в кино ВОГа — «Танкер Дербент».

Возвращаемся домой. Спать лёг после прочтения нескольких страниц книги.

7 мая 1942 года

Подъём в 7.30. Быстрый завтрак: котлета с лапшой.

С 9 до 11 [часов] мои занятия с лётчиками по инструкции эксплуатации мотора. В течение первого часа повторил путём опроса управление самолётом и мотором в кабине. Второй час — баланда о прошлом, о Пушкине. С Кирсановым и Милёхиным вспомнили общих знакомых: Жору Товстоухова, Сеньку Коновского, Виктора Бардачёва, Сашу Елтанского, Чиркова и других. Приятные воспоминания...

Особенно хорошо запомнился Товстоухов, помню моё прощание с ним на вокзале г. Пушкина перед его отъездом в Шонгуй¹¹³. Сгорел Жора...

Сегодня, вероятно, уедем — сдал карточки адъютанту.

Дальнейшее прошло очень быстро: обед в 13, небольшой отдых, дочитал книгу А. Кронина «Цитадель», в 15 часов баня. В бане долго чудили, т. к. отсутствовала всякая вода. Сначала повторяли интересные движения дирижера джаза из картин «Танкер Дербент». После бани увидел Любу из Сокольников: сообщила, что есть письма для Смирнова и телеграмма для Егорова. Сообщил, что уезжаю и некогда. Однако, уложив все вещи, вскоре пошел в Сокольники. Пришлось с Любой идти в город, к её отцу, в лесхоз. Простился с Николаевой Софьей.

Получил письма и депешу, простился и ужинать. На прощание выпросил у Полины Ив. 3 лапши. Покушал и на машине на вокзал.

Вещи мои там, уже в вагоне, в хвосте поезда. Побродил по перрону, пассажиров много: едут в армию, сопровождаемые рёвом баб, куда-то едут женщины-нацменки в белых плетеных рукавицах.

¹¹³ Аэродром на Кольском полуострове, неподалёку от Мурманска.

В вагоне первое время, до Вычуги читал. Потом пели, я аккомпанировал на гармонии, потом играли в домино. Опять пели.

Приехали в Иваново в 11.20. Холодно. Большой вокзал. Вещи мотористы перенесли в вокзал. Нас не встречают. Авто нет. Ждём, кимарим в креслах. На вокзале были до 3.30 утра.

Едем в полуторке.

Город нравится: вижу цирк, драмтеатр, кино «Центральный», Музкомедию, Почтамт.

8 мая 1942 года

Показали, где живут наши. Сплю с Левиным в 23-й комнате по 4-му подъезду. В 9 [часов] встал, отдал письма. Спал до 9.30. Получив талоны, пошел кушать: колбаса с бульбой. Хлеб дали за 8-е, несмотря на то, что я взял его еще в Кинешме.

Побрился в парикмахерской 4-го подъезда. Взял хромовые сапоги в школе, взял хлеб. Витька отдал фотографии, я с ним сдержан.

Обед в 15 часов, до обеда поспал на койке Никишина. Рис. каша, **** с рыбой. После обеда пошли с Сергиенко и Быковым в столовую № 7.

Устроили обед по продуктовой карточке: суп лапша, ветчина с картошкой, 2 блина с грибами, сладкий чай.

В 6.30 смотрю «Машенька». До сеанса потерял билет, купил с рук новый. В витрине фотографии видел чудо-бороду (до колен).

После кино слушал концерт в цирке. Саксофон жутко врал, когда смеялся...

После концерта танцы. Нашел хорошую партнершу, её зовут Виктория (Вика), с 1925 года рождения. Жена Шолохова жутко...

Перетрухин, Никишин получили свои письма... В 11 всё кончилось.

Попели с Куксой. Идти долго. Устал от танцев.

Сплю на одной койке с Григорьевым. Тесно, не выспишься.

Да, живём на южном аэродроме, в городке, у столовой.

9 мая 1942 года

Подъём в 7 [часов]. Быстрый завтрак: колбаса, чай сладкий. Построение в 8.30. Работали по сборке кобр». Приехал какой-то an american Engineer of «Allison». Обедал с 2 до 4 [часов] — нет тарелок.

Обед ничего: суп рисовый, котлеты с рисом.

В 10.30 построение у ангара по поводу награждения наших людей орденами и медалями. Награждены многие лётчики, Батурин (медалью), Лебедев (звездой).

Возвращаюсь с аэродрома с подполковником Садовниковым, каламбурю. Ожидаю списка на увольнение: уволен до 24-го, узнаю в 6.20. Быстро еду в город, хочу успеть в драмтеатр («Платон Кречет»).

Но попадаю в Музкомедию (ряд 11, место 9). Театр хорош, оркестр ничего. Роз-Мари поёт скверно. Слушаю 1 действие и ухожу в столовую № 7. Действие в Канаде показали зимой, индейская хижина, а не вигвам (убийство Черного Орла). Страшный Герман, Малой ничего.

Быстро ужинаю и иду в цирк — в кассе билеты есть. Но зато нет мест в раздевалке. Вижу Вику, от Лидии (которой я нравлюсь, живёт недалеко от Южного) узнал, что её зовут Валеи. Зачем она солгала? Ещё до окончания танцев беру пальто. Валя утерьяла пальто, не жду её, иду один.

На Социалистической ул. (главная) меня подхватывают девушки, и с ними я иду до самой Лежневой.

Сплю на койке А. Григорьева.

10 мая 1942 года

Подъём в 6.30 Быстрый завтрак: котлета и кофе.

Построение в 7.50. Временами хорошая погода.

615-я (Блинова) выведена, её чистят мотористы. Мы лежим — я добираю¹¹⁴. Обед в 15.00. До обеда разговаривал с Резниковым, он перевёл мне некоторые обороты.

Во время обеда встречаю Каральского, знакомого инструктора из школы (Вольск с 1939 года), он всё ещё воентехник 1-го ранга. Хороший парень! Встретил коллегу Гутмана: оказывается, жена к нему приехала недавно, ребёнок умер.

¹¹⁴ Жаргонное курсантское выражение, обозначающее досыпание после невысыпания в положенное время.

Обедаю очень долго: суп рисовый, баранина с рисом, чай с карамелью, хлеб — 400 [гр.]. У меня экономия хлеба — 600 гр.

После обеда опять на аэродром — с 4 до 6 вечера. Собирают машины для Самсонова, Шилкина, скоро будут собирать и для меня. Видел, как монтировать хвостовое оперение, как монтировать винт (просто!).

Домой. Медленно переодеваемся. Приехал Миронов. Ходят слухи, что нам отсюда надо убраться к 20-му. Зашел к младшим спецам в школу, чтоб посмотреть, где будем жить.

Самсонов, Блинов, я идём на Типографскую, 49 к «Шуре». У неё увидел хороших дамочек, которые вскоре ушли, увидел Риту. Немного покаламбурил: по видимому, произвёл хорошее впечатление и на Сашу, и на Риту. Выпивки (обещанной) нет. Вместо этого нам предлагают идти в город — идём в столовую.

Встречаю Лидию. Здравуюсь. Сашка подговаривает на завтра Музкомедию. Соглашаюсь.

У «Центрального» расстаёмся. Ужинаю: щи с мясом, хлеб — 200 [гр.], вермишель, 2 блина с грибами, чай — стакан двойной. Даю 4 талона на крупу Самсонову... Талончик на ужин в городке отдаю каждый день. Договорились, что увидимся в цирке...

Иду в цирк, покупаю билет с рук, слушаю концерт (окончание) — дуэт и Роз-Мари и т. д. Цыганчику Филатову много аплодировали, вызывая по 4 раза...

Нахожу обеих дев внизу. Пошли искать вешалку; на второй ярус, на арену... Сначала танцевали Саша и Рита, потом пошел с Ритой и больше не расставался. Саша сухо простилась со мной (я сразу же предпочёл Риту ей), и сказав, что, может быть, будет в Музкомедии, пошла домой.

Незадолго до окончания взял пальто, и в 11 [часов] ровно вышли из цирка. Проводил её до дома на Шуйской, постоял и потом, сказав, что в 20 часов постучу в её окно, простился. Целовать ещё рано, попробую завтра. По-моему, у неё плохо пахнет из рта, нет грудей.

Какой-то парень передавал привет Рите с фронта — прямой налёк мне...

Продолжая идти один, напеваю. Обгоняю двух девочек, из которых одна меня подхватывает (Лидия). Иду с ними до дому. Они плохого мнения о Шуре. Говорят, что Рита сойдёт за девушку...

Я не намерен ею долго заниматься. Попробую, я ведь ею не увлечён нисколько: только показываю вид.

Возвращаюсь ровно к 12 часам. Ложусь спать на койку Никишина, но он приходит в 1 час ночи, и мы спим вдвоём. Он говорит мне потом, что я был возбуждён его присутствием на постели.

11 мая 1942 года

Подъём в 6.30. Сегодня приехал новый полк, и народу в столовой очень много. Приехал Арон Орловский — в старом звании. Он такой же, какой и был. Теперь он будет в 22-м ЗАП. Вспомнили кое-что.

На построение не пошел, я сегодня уборщик. Убрал комнату, побрился, сделал записи, читаю книгу. На аэродром не пойду.

Арон удивляется, почему я просто механик, а не ворочаю звеном. Я отвечаю, что к этому не стремился. И вообще, меня явно недооценивают (я не задаюсь, но это именно так).

Ребята в ДКА¹¹⁵ вчера слушали Геловани, дважды лауреата Сталинской премии, исполнителя ролей Сталина в кинофильмах.

Пишу письмо домой, ведь я давно ничего не писал. Целый день ничего не делал. На аэродроме не был, уборщик. Переселились в школу напротив.

Читаю «Тирана» Т. Драйзера. В 19 часов ужинаю в столовой № 7, потом иду на сеанс в 8 часов вечера в малый зал «Центрального»: киносборник № 8: «Ночь над Белградом».

Потом зашел к Маргарите и погулял с ней до 23 часов.

Иду домой. Спать.

¹¹⁵ Дом Красной Армии.

My Autobiography

Февраль 2005 года (по просьбе Irine)

Я родился 23 июля 1918 года (по старому стилю) в городе Вытегра Олонецкой губернии (теперь Вологодской области) в семье кучера и конюха Корсакова Ефима Захаровича — в многодетной семье — в качестве пятого ребёнка. В нашей семье было 6 мальчиков и 1 девочка. Мы жили довольно бедно. Папа был Георгиевским кавалером, дважды раненым во время японской войны. Он не мог быть крестьянином в районе Белозерья, где отец, мой дед, собирался выделить ему своё хозяйство. Поэтому мой отец переехал в Вытегру и устроился кучером при фирме «Громов и Ко» и по совместительству конюхом (и шорником). Это было в начале XX века. Тогда единственным транспортом для фирмы, которая занималась лесоразработками в районе Обонежья, было использование лошадей.

Мама была домохозяйкой, но она имела опыт работы горничной в хозяйских домах. И она использовала этот опыт, воспитывая своих детей по образу и подобию тех семей, в которых она приобрела опыт работы горничной. Так, например, мне не давали права бегать по дорогам, двору и траве босиком. Я везде был обутым, в чулках и лифчике. И надо мной смеялись дети, которых не одевали. Они ходили босыми. Я помню, что меня одевали в матросские костюмчики, как господских детей, хотя я был только сыном кучера. Эта подробность повлияла на моё будущее, ибо внушила мне стремление учиться и стать инженером.

Всё остальное в моей жизни мало отличалось от жизни моих друзей-мальчишек. Я всё-таки снимал туфельки (ботинки) и бегал по траве, по земле вместе с друзьями, носился, как все дети.

Пришло время школы. Я пошёл в школу после того, как мне исполнилось 8 лет. Тогда это было нормой. Особенно запомнился мне 1927 год, когда я учился во 2-м классе, и умер брат Коля от чахотки. Ему было 17 лет. Он стал жертвой спорта.

Я уже писал о том, как меня заставляли идти с иконой во главе похоронной процессии. Поэтому повторяться не буду. Смерть Коли потрясла не только меня, но и братьев: Ваню, который жил в Питере, и Сашу, который жил в Кемь. Видимо, они хотели отвлечь маму от отчаяния после потери Коли, и мы всей семьёй поехали в Кемь.

Это надо было на речном пароходе ехать из Вытегры до Вознесенья. Там пересаживаться на озёрный пароход и по р. Свирь до Лодейного поля, где сесть на поезд «Ленинград — Мурманск» до Кеми. Помню, что нас вёз в Кемь брат Иван, а в Кеми нас ждал брат Саша.

Запомнил три случая своего пребывания в Кеми.

Удивлен был тем, что в разгар лета в Кеми под поленницей был лёд. Лёд был и под опилками, что лежали возле козла для пилки дров. Меня поразило то, что на стадионе возле дома, где жил Саша с семьёй поморов, красноармейцы долго бегали, очень долго. Я не мог себе представить, чтобы человек так долго мог бегать! Я же играл в лапту и знал, как быстро человек задыхался при беге.

Потом мы сели в лодку и вышли в Белое море ловить треску. Я поймал треску и был поражен тем, что у неё есть голова — я же видел треску в Вытегре, в магазине, и она была без головы! Я хотел искупаться в Белом море, но отказался от этой затеи после рыбалки: вода была просто ледяной в разгар лета!

Потом фирма «Громов и Ко» прекратила своё существование и превратилась в «Севзаплес», произошла реорганизация. Папу уволили, и он уехал на шлюз № 30 Мариинской системы в село Александровское, что в 30 км от Вытегры.

Мы жили в большой четырехкомнатной квартире, занимали половину первого этажа двухэтажного дома. Маме было тяжело жить в квартире, где страдал её сын Коля и умер. Кроме того, она скучала по папе. И она приняла страшное решение: бросить отличную квартиру и с двумя детьми (мной и Валею, которому было 7 лет, т. к. это было в 1929 году) поехать к папе в село Александровское.

Хорошо помню, что нам негде было жить. Поэтому нам выделили комнату в школе, и мы там жили до тех пор, пока не построили дом для нашей семьи. Мы там жили чуть больше года, но у меня остались замечательные воспоминания об этом небольшом отрезке времени моей жизни. Так, мы в переменке около школы, которая находилась в лесу, играли с белками, которые бегали от нас.

В школе я любил петь под аккомпанемент на фисгармонии учительницы Рубаевой. Рядом с нашим домиком был фельдшерский пункт, которым заведовал очень хорошо и аккуратно одетый фельдшер Иван Савич с галстуком. Он меня дразнил за мою пионерскую форму и внушал мне мысль о том, что я плохой пионер. Я очень обижался на Савича.

Напротив нашего домика было большое здание технического участка. В этом здании трудился и жил молодой инженер-водник.

Он каждое утро делал гимнастику. Мне это очень нравилось — наблюдать за его упражнениями. Потом, уже в старости, я вспомнил об этой хорошей привычке и тоже стал регулярно делать гимнастику.

Как-то к нам приехал в гости брат Саша. Мы с берданкой папы ходили в лес и видели много белок. Саша хотел их стрелять, но я упрямился этого не делать. И Саша со мной согласился.

В нашем классе учился мальчик — эстонец Арвид Кольман. Их дом был недалеко от Невского озера. Один раз мы с Арвидом прогулялись до его дома, и я видел, как Арвид ловил хариусов. Среди учеников моего класса было и несколько финнов, латышей. Запомнил одного — Андрея Балода.

В школе я дружил с финкой Этлой Питайнен и русскими братьями Грязновыми, а также с Алёшей Дьяконовым. Мы как-то ходили к старому петровскому шлюзу. Я удивился обилию рыбы там, причем крупной.

Но поймать её было нельзя: со дна шлюза проросли кусты, в которых леска путалась.

Потом, во время финской войны, судьба столкнула меня со штурманом Алёшей. Он меня не узнал и не захотел со мной разговаривать, ибо я не был летчиком, а только авиатехником. В то время между летчиками и авиатехниками были недружелюбные отношения. От этой встречи одноклассников у меня остался до сих пор неприятный осадок.

Между Рубяком и Александровским находился каменный канал. На зиму из него спускали воду. И школьники вместе с родителями бродили по обнажившемуся дну и ловили рыбу, которая не успела уйти с водой. Помню, как-то я поймал налима и принёс маме. Папа заказал мне лыжи у знакомого столяра. И на этих лыжах я зимой катался с берегов канала до фарватера. Так я научился стоять при езде с гор и даже прыгать с небольших трамплинов.

Запомнился мне ещё один поход из Александровского в Анненский мост. Мы с мамой посетили Валу, который лечился в scarlatinном изоляторе. Об этом я уже писал, рассказывая о неудачах в жизни Вали.

Потом папу перевели опять в Вытегру, и мы поселились в 1930 году в кучерскую, которая находилась около шлюза № 1 Мариинского канала. В том домике жили две семьи, имея общую кухню. В домике было 4 больших и одна небольшая комната, в которой пахло дёгтем и хомутами. В этой комнате хозяином был мой папа — шорник.

Домик стоял на острове, на котором были дома, где жили «господа»: Жеребцовы, Заорские, Афанасьевы. Следует отметить, что советская власть пришла в Вытегру с большим опозданием.

Недалеко от нашего домика потом, когда я приехал в Питер, через 5 лет, приехала семья Паршиных, старшая дочь которых — Надя — в 1948 году стала моей женой.

Я жил на островке в замечательных условиях. Со мной играли лучшие ребята и девушки города, дети образованных инженеров и врачей. Это были ребята из семьи Заорских: Володя, Юрий и их неродной сын — Авенир Максимов. С ними всегда был Ростя Минорский — сын самого лучшего городского врача. Они были для меня примером во всех отношениях. Мы играли в березовом парке, купались на пляже у шлюза у дома Заорских.

Когда я только научился плавать, мы, ребяташки, которые жили на правом берегу реки Вытегры, переплывали реку и шалили на пляже у господ. Там тогда жили Афанасьевы. Кстати, Афанасьев в своё время создал Вытегорскую электростанцию около дома. Она теперь стала музеем. Их дочь потом уехала в Москву, получила высшее образование и стала генеральшей. Она дружила до самой смерти с Инной Волковой.

Жители — господа островка — нас изгоняли с пляжа, и мы бросались в воду, уплывая от преследования. Мы были нагишом, и это их третиривало.

У Авенира Максимова появился первый в городе подвесной американский мотор, на котором он ездил на озеро. Другие охотники и рыболовы шли туда на вёсельных лодках под парусом, на вёслах или тягой по бечевнику или прицеплялись к буксируемым баркам, которые позволяли им доплыть до обводного канала. Оттуда до озера было только 2 км.

Братья Заорские и Авенир Максимов окончили ЛИИВТ, став инженерами-гидротехниками. Я больше всего играл с Юрой до тех пор, пока их папу не перевели на Тихвинскую систему, а потом в Москву. Их папа преподавал в Военно-инженерной академии и стал её профессором.

В нашей дружной компании были ещё и девочки: Таня Жеребцова, Ирина Розина, Галя Теровская, Инна Волкова и др.

Ростя Минорский окончил Горный институт в Ленинграде и участвовал в ВОВ, где потерял руку. После ранения он приезжал в Вытегру, заходил к маме, справлялся обо мне. Я в это время учился в Москве в Жуковке. После Ростя уехал в Ленинград, а затем

в Москву, где жила его тётя, вдова, Заорская Мария Кузьминична, мама Юры.

Ростя был хорошо знаком с моими школьными товарищами, которые учились в Питере в Химико–технологическом институте, — Мишей Лантратовым и Васей Кузнецовым — вытегорами. Как–то Миша при встрече со мной, подполковником ВВС, сказал о неудачной жизни Ростислава в Москве: он работал инженером по лифтам в каком-то ЖЭКе в Москве. И я заехал как-то к вдове Заорской, которая жила около американского посольства. Она меня узнала, хорошо приняла и сообщила, что Ростик умер от уремии. Много мне она о нём рассказала, а также о том, что её выживают из её квартиры соседи — пьяницы. Юра служил на Украине в ВДВ, он был полковником. Юра не мог помочь маме. Потом вдова оставила квартиру в Москве и переехала в Нижний Новгород к пасынку Авениру Максимову и там жила до конца дней своих. Я долго переписывался с вдовой, ибо она знала мою маму. И мне было интересно общаться с ней, женщиной, которая родилась в конце XIX века и дожила до конца XX века.

К тому времени Юра демобилизовался, ушел в отставку и получил хорошую современную квартиру на ул. Жукова. Мы с ним переписывались, пару раз был у него в гостях, познакомился с его женой, дочерью. Так я узнал от него, что он часто бывал в Риге, что курировал строительство гостиницы в Рижском аэропорту, но не знал, что я живу в Риге и ни разу не заглянул ко мне. Мы даже замыслили поездку в Вытегру, но нам встретиться не удалось: мы были там с Васей Кузнецовым и уехали, а он был там после нас. Потом меня дочь известила о смерти Юрия, а затем в Нижнем Новгороде умер и Авенир Максимов.

Красавица Таня Жеребцова и совсем юная Ирина Розина уехали с родителями в Ленинград. Там Таня влюбилась в военного летчика и вышла за него замуж. Но тот её предал.

Семья Жеребцовых ещё в то время, когда она жила в Вытегре, а потом и из Ленинграда, приезжала регулярно летом отдыхать на берегу Онежского озера (ближе к Вознесенью) в село Жабеницы до тех пор, пока были живы хозяева дома: банщик и смотрители маяка. Однажды их встретил там мой друг по островку Володя Юдин. Действительно, я провёл детство ещё и с Володей Юдиным, Вовкой Коленовым, Володей Гавриловым. Все они погибли во время ВОВ. Остался живым, но израненным. Володя Юдин, который после ВОВ жил в Вытегре, попробовал много профессий, в том числе

он был лесным пожарным — парашотистом. Однажды я встретил его на рыбалке на озере Копичном (что около Онего-озера). Он был егерем. Володя овдовел. За ним приехали его дети и увезли куда-то. Судьбы его я не знаю.

О неудачной любви Тани Жеребцовой я узнал от Ирины Розинной. Первый раз после Вытегры я увидел Иру в Питере. Она была хорошей пловчихой и тренером пловцов. Потом я увидел её уже в Риге с мужем, военным, физкультурником, и даже была тренировка в бассейне под открытым небом около острова Кипсала (теперь этого бассейна нет). Потом мужа Ирины перевели в Одессу, откуда она прилетала хоронить сначала маму, а потом и Таню Жеребцову.

Галя Теровская (Чикулова) стала врачом. Она вышла замуж за паренька из Анданы (что севернее Вытегры на 30 км). Там стоит Анданский маяк. Муж Гали недавно умер в чине подполковника Советской армии. Она так и живёт в Питере. Я с ней переписывался.

До 1935 года учился в Вытегре. Я учился в 4-й и 5-й вытегорских школах. Закончил 9 классов Вытегорской образцовой школы, которая славилась высоким уровнем подготовки ребят и девочек, которые её оканчивали.

Я был активистом в школе. Пел в хоре, занимался гимнастикой, играл на гармонии на танцевальных вечерах (был гармонистом № 2), был членом учкома по спортивно-массовой работе. Первым сдал норматив по лыжным гонкам на 10 км и тем дал старт массовой сдаче норм школьниками.

Сотрудничал с несколькими библиотеками в качестве главного составителя каталога книг, участвовал в постановках пьес. Так, играл роль князя в постановке пушкинской «Русалки» в качестве драмы в костюмах оперы, которую ставил Малый оперный театр в Питере. Мало кто знает, что я изготовил в 1933–34 годах самодельные крылья и совершил неудачный спуск с Красной Горки, чуть не сломав себе шею. Так я рвался в авиацию. Но так мечтали об авиации все ребята.

Когда я жил в двухэтажном доме на углу ул. Энгельса и Зиновьева, я дружил с интересными ребятами. Среди них был мальчик старше меня — Ваня Куков. Он был племянником народовольца Рысакова, который бросил первую бомбу в царя Александра II, которая разрушила карету на берегу Фонтанки (храм «Спас на крови»), но пощадившую царя. Царя убила вторая бомба террориста Гриневицкого. Из-за этого страшного для

России теракта отцу Вани Кукова власти приказали изменить фамилию на Куловых, что и было сделано. Дом Куловых был напротив нашего. Они жили зажиточно. В их доме снимал комнату русский поэт Николай Клюев, который прославлял в своём творчестве русский Север.

Ваня познакомил меня с творчеством Джека Лондона, ибо у Вани были приложения к журналу «Вокруг Света». Я начитался романтики Джека Лондона и сам стал романтиком на всю жизнь, как Ваня Кулов, так и другие наши друзья.

Поразительно то, что село Александровское, в котором я жил более года, является интереснейшей точкой в географии того края. В этой точке не зря был поставлен ещё в царское время памятник, водораздел двух рек: Вытегра потекла к северу, а Шексна — к югу страны. Император Петр Великий решил воспользоваться этим обстоятельством и построить водную систему сообщения реки Шексны (т. е. Волги, по сути) с Онежским озером. Ему это сделать не удалось. Его мечту осуществила императрица Мария, возведя на свои средства так называемую Мариинскую систему, о которой в своё время заговорил мир. Постепенно система эта становилась неудобной, ибо рос тоннаж судов, а шлюзы (их там 30) были большими.

Только при советской власти со второй попытки на её месте был создан Волго-Балт, в создании которого активно участвовал мой тесть, генерал-гидротехник Степан Андреевич Паршин. Кстати, моя дочь Ирина некоторое время жила в Вытегре со своими бабушкой и дедушкой. После создания Волго- Балта семья Паршиных возвратилась в Ленинград, откуда в своё время после окончания ЛИИВТа прибыл С.А. для участия в эксплуатации устарелой Мариинской системы. Там я впервые увидел старшую дочь Паршина — Надежду. Это было, кажется, в 1936 году. Памятник теперь из Александровского перевезен в город и поставлен около бывшего шлюза № 1, который стал музейным экспонатом. Мы жили в 10 минутах ходьбы от этого места на «островке», который я описал в этом повествовании.

Мой романтизм сначала сводился к тому, что я стал подражать «морскому волку из Сан-Франциско» — Джеку Лондону, — и каждое лето нанимался матросом на небольшой буксир, который тянул на буксире небольшие баржи по шлюзам Мариинки. Так я делал в течение нескольких лет. И даже плавал на буксире перед поступлением в Ленинградский Политехнический институт (тог-

да ЛИИ, Ленинградский Индустриальный институт). Очень долго описывать те переживания, которые я почувствовал в то время, когда был матросом и даже помощником капитана (я, может быть, это сделаю после), но я получил большой жизненный опыт, полезные на всю жизнь знания.

Кроме того, все мы стремились стать советскими авиаторами. Успешными в этом смысле были Ваня Кулов и Саня Павловский. Они раньше нас завершили обучение в Вытегре (может быть, даже не доучившись до конца, до окончания полной средней школы в объёме 9 классов, т. е. ушли после 7 классов) уехали в Ленинград, поступили в ФЗУ, окончили и попали по спецнабору ЦК ВЛКСМ в ВВС КА. Да, они стали пилотами: Ваня — лётчиком-истребителем, а Саня — лётчиком-бомбардировщиком ВМФ. Меньше повезло мне. Я заканчивал 9-й класс и заранее подал запрос в ЛИИГВФ и ЛИИ, но мне отказал ЛИИГВФ сразу: мало лет ещё, надо рекомендации ВЛКСМ и т. д. Тогда я решил подождать год и поучиться в Вытегре: ожидали организации 10-го класса и в Вытегре (в Питере они давно работали).

Я сделал рейс по шлюзам Мариинки до Андрея — шлюза — и прошел до канального устья. Там я был один — и матрос, и капитан. И допустил оплошность: дал команду «Вперёд», не подтянув буксир. В результате намотал буксир на винт. Это ЧП надо специально описать. Это я сделаю потом.

Когда нас буксир притащил к конторе речников, я увидел маму. Она ждала меня с плохими известиями: «Десятый класс открываться не будет. Готовься и поезжай в Питер, поступай хоть в ЛИИ, хоть в педагогический, хоть в авиаинститут, хоть в медицинский. Увольняйся!»

Мне удалось с трудом уволиться. Я сохранил расчетную книжку того времени, где сказано: «Уволен за отказ от работы».

Итак, я засел за подготовку к вступительным экзаменам в ЛИИ. Занимался весьма добросовестно. Папа помог мне тем, что достал у кого-то лодку напрокат. Я после изнурительных занятий садился в лодку и терзал себя греблей. Заниматься рыбной ловлей у меня уже не было ни времени, ни желания, ни сил.

Кстати, мои друзья и я были удачливыми рыбаками. Вероятно, этому способствовал мой папа. Он рано вставал к лошадям и садился на плот с удочками. Он никогда не уходил домой без улова на уху, на пироги, на жаркое. Из волос конского хвоста плёл замечательные лески. Тогда ещё не было современных лесок.

По примеру папы и я пристрастился к рыбалке. Сначала я ловил на мух салагу, которую в России зовут уклейкой. А потом я стал ловить щук на салагу. Пока салага была живой, она шевелилась на щучьем крючке, и на неё нападала щука. Если салага мертвела, то рыболов имитировал её живость, слегка покачивая удочку. Это называлось у нас «качанием щук». Так вот, я преуспевал в этом «качании щук». Моих щук и щурят мама исползовала для ухи и пирогов. Она знала, что я себя в состоянии прокормить, тем более что мы жили на островке, окруженном водой.

Однажды я загорал на пляже «каретника», что стоял рядом с плотом и конюшней. И вдруг кто-то закричал, что тонет девочка, которая играла на плоту. Я бросился её спасать, нырнул под неё и спас. Это была девочка Минеева. Потом, через 30–40 лет в Риге, в РКИИГА, я учил студента Минеева, сына спасенной мною девушки. Однако проверить это мне не удалось.

Когда я уезжал в Ленинград на вступительные экзамены в ЛИИ, мама просила не жить и не питаться в семье моего старшего брата Ивана, который жил в центре города — на Лиговке, 44 — в прекрасных условиях и при хорошем обеспечении. Мама не ладила с его женой и с самим Иваном. Я расположился в студенческом общежитии Наркомтяжа на Лесном проспекте и Флотовом переулке, который потом сыграл в моей жизни очень важную роль. В этом студгородке нам, абитуриентам, предоставили хорошее размещение со студенческой фабрикой кухни.

Я успешно сдал экзамены и был принят на ОТФ ЛИИ с перспективой потом перейти на факультет «Энергомаш» на специальность «Паровые и газовые турбины». Я нашел себя в списке принятых при условии, что мне обеспечат стипендию и общежитие. Это было очень нужно, ибо в 1935 году была отменена карточная система. Я получал стипендию 110 рублей и мог купить примерно столько же килограммов хлеба на свою стипендию. А общежитие давало мне возможность не стеснять многодетную семью Вани (у него было 3 комнаты на двоих взрослых и четверых детей).

Кстати, со мной вместе поступал Миша Лантратов, но он всегда страдал от плохого владения русским языком и провалил письменную работу. Миша сразу успел поступить в Химико-технологический институт, в который сразу и по любви к химии поступил другой мой одноклассник — Вася Кузнецов.

Потом они стали большими специалистами по электрохимии. Вася стал ректором УПИ (Уральского Политеха), а Миша — зав.

кафедрой химии ЛЭТИ им. Попова. Оба участвовали в ВОВ. Были ранены, давно уже умерли. Я до конца их дней поддерживал с ними дружеские отношения. А с Васей я даже съездил в Вытегру, Петро- заводск и посетил КИЖИ. До сих пор переписываюсь (2005 год!) с вдовой В. А. Кузнецова — Крымаковой Еленой Евгеньевной. Она живёт в Свердловске (Екатеринбурге) с двумя сыновьями, внуками и правнуком.

Однако судьбе было угодно, чтобы я проучился в ЛИИ до 7 октября 1935 года. Нас, студентов-комсомольцев, заставили пройти медкомиссию по набору в ВВС КА.

Я честно проходил медкомиссию, пропускал уроки, ибо хотел стать либо лётчиком, либо, по совету одного хохла, проситься в «Воздушную Академию». Однако в лётчики я не прошёл. Мне отметили в карте «умеренное плоскостопие». Как будто я собираюсь в пехоту, где много шагистики! Однако я был наивен и чего-то ждал. Ушлые питерские ребята не хотели идти в армию, т. к. презирали военных, называя их «войной», не любили, думая, что в армию идут самые необразованные и тупые. И они лихо «косили» от набора в ВВС, говоря, что «у меня тётя живёт в США» или что «я выхожу из ВЛКСМ и не хочу служить в армии». Мандатная комиссия с этим считалась и таких сразу браковала, отбирая самых рафинированных комсомольцев. И попросил меня зачислить в Жуковку, ибо я уже студент. До чего же я был наивным, ибо приказ требовал набирать в основном специалистов, с тем чтобы поднять образовательный ценз авиаторов.

Комиссия обещала мне выполнить мою просьбу и, конечно, обманула. 7 октября 1935 года меня отвезли из Сосновки на Петроградскую сторону Ленинграда. И я стал курсантом авиатехнического военного техникума с трёхлетней программой обучения. Он тогда назывался ЛАТКУ и помещался в бывшем Кадетском корпусе, кузнице кадров русской армии, в которой, кстати, учился фельдмаршал Голенищев-Кутузов.

Нас, студентов, выделили в особые группы, в которых мы изучали высшую математику, углублённо изучали английский язык и, вообще хорошо нас готовили по авиационным дисциплинам. Там я приобщился к гимнастике, стал значкистом ГТО 2-й степени, что позволяло бесплатно посещать футбольные матчи на стадионе им. Ленина, что находился почти напротив ЛАТКУ. В ЛАТКУ мне было поручено на уроке английского языка доложить в качестве дежурного по классу о посещаемости на уроке Главкому ВВС КА

Алкснису Якову Ивановичу. Он обещал нас использовать для закупки самолетов и моторов в США, которая планировалась в ближайшие годы.

Во время обучения в ЛАТКУ я многому научился и во многом проверил себя. Например, я прошёл 20-километровый форсированный марш в противогазах летом в лагерях около города Пушкина (бывшее Царское, потом Детское Село), участвовал в 50-километровом лыжном походе с полным снаряжением, прыгал на лыжах с трамплина в (?) три раза, прыгнув на 30 м и только на третий раз устояв. Я стал приличным гимнастом на брусках, перекладине (турнике), кольцах, гимнастическом коне (прыжки и мёты).

Так, я научился делать стойку на кистях и долго не позволял себе забыть эту привывчку!

После окончания ЛАТКУ меня направили в 7-й КИАП, в Пушкин, авиационным технику на самолёты-истребители того времени — И-15 бис. Я жил тогда в общежитии военных авиаторов у Орловских ворот.

В 1939 году наш полк перелетел в Одессу во время воссоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. Я летел на бомбовозе ТБ-3 в передовой бригаде по обслуживанию истребителей на промежуточных аэродромах: Зябровке, Умани. Мы в боях не участвовали.

После возвращения из Одессы нас отправили к финской границе, где мы вступили в ноябре 1939 года в финскую войну. На аэродром в Ваммельярви (теперь, кажется это Горьковское) мы перешли на И-153 («Чайка»). На «Чайке» был более мощный мотор и убиралось шасси. Наш аэродром находился на бывшей финской территории. При господстве ВВС КА мы несли мизерные потери. 12 марта 1940 года война закончилась. Полк вернулся в Пушкин. Я отравился и попал в пушкинский лазарет. Он был развёрнут в стенах Лицея, где учился великий Пушкин. За финскую войну я получил первую правительственную награду «За боевые заслуги». Она позволила мне ездить в трамваях бесплатно. Вообще, я до 1990 года ездил в трамваях и автобусах бесплатно. А в 1998 году я получил это право уже как гражданин, которому более 80 лет.

Летом 1940 года лётчики нашего полка осваивали на И-153 ночные полёты. И вдруг нам приказали лететь на аэродром Керстово, что около границы с Эстонией. В это время наши войска входили в Эстонию, Латвию и Литву, а наши ВВС были на аэродромах в резерве. Это продолжалось несколько дней. Вскоре нас вернули

в Пушкин, где лётчики продолжали совершенствоваться в ночных полётах.

Однако вскоре полку приказали лететь в район Выборга на аэродром Суур-Мерийоки, где мы обосновались надолго, совершенствуя учёбу лётного и инженерно-технического состава. Нам с коллегой техником по электрике и приборам выделили комнату в одноэтажном финском домике, в котором жила семья авиатехника с детьми, на берегу реки Суур-Мерийоки. Мы хорошо холостяковали. Ездили на автобусе из Тиенхаары (так назывался наш посёлок около аэродрома, где мы жили) в Выборг, Курвел, где часто устраивались танцы, в том числе и ночные, ходили в русский драмтеатр, питались в ресторанах, ибо позволяла зарплата.

В начале 1941 года полк перевели в лагерь для обработки УБП (учебно-боевой подготовки) в Яппиля. И вдруг меня в составе группы авиатехников, электриков, радистов, оружейников срочно отправляют в Горелово на военный аэродром под Ленинградом. Сразу после приезда нам дали задание собирать новые истребители МИ-3, которые изготавливали в Москве, грузили на платформы (фюзеляж, рядом два крыла — консоли). Это были совсем другие по компоновке, скорости, потолку самолёты, не похожие на полупарапланы И-153.

Нас торопили со сборкой. Около нас мелькали не только высшие инженерные чины, но и большие начальники — политрабтники. В начале июня 1941 года некоторые из них говорили (почти шепотом), что нам скоро предстоит... война с Германией (!). Мы недоумевали: недавний пакт о ненападении это ведь исключал!

Наконец машины 15-го ИАП (нас перевели из 7-го КИАП с И-153 в новый полк с МиГ-3) были собраны, и лётчики стали осваивать на них полёты днём. Сколько восторга получили лётчики от нового самолёта, ещё не зная, что он был создан по правительственному заданию, предназначен для боёв на большой высоте, а немцы навязали нам бои на малых высотах, где господствовали Ме-109, а МиГ-3 были... утюгами, их безжалостно сбивали. Однако лётчики их быстро освоили. В ночь с 21 на 22 июня 1941 года мы поехали через Ленинград в Пушкин на проводы белых ночей. Поздно ночью мы вернулись ночевать в Горелово и легли спать.

И вдруг трубят тревогу! Мы не хотели вставать, ибо знали, что самолёты без боекомплектов, они не были собраны, и продолжали спать. Только потом в сознании возникла мысль, что началась война с фашизмом.

Мы побежали на аэродром, разрулили самолёты по окраине аэродрома. Ждём команд.

Поступила команда группе МиГов лететь на аэродром в Карелии, где мы были в лагерях и оставили там свои И-153. Там мы стояли до осени и работали на подступах к Ленинграду. Потом перелетели в Яппиля и оттуда — в Ленинград, на Комендантский аэродром. В это время немцы замкнули кольцо вокруг Ленинграда. Началась блокада...

Где-то у меня есть дневник того времени. Его стоит приложить к автобиографии.

Вскоре мы получили приказ перелетать на аэродром Касимово, что находится севернее Ленинграда. С этого аэродрома наш 153-й ИАП действовал, защищая Ленинград, до марта 1942 года. Мы жили в огромной землянке недалеко от стоянки истребителей. Летный состав жил в более комфортных условиях в населённом пункте. Его берегли от бомбёжек и штурмовок немцев и финнов. Если во время финской и начала ВОВ мы сами рыли землянки и делали это плохо, то потом землянки оборудовали спецы из БАО (батальон авиационного обслуживания). В нашей землянке было даже электроосвещение от аккумуляторов, дежурный автоматчик, мы спали с постельным бельём, а не в одежде. Автоматчика дежурного у нас учредили не зря, т. к. на другом, соседнем аэродроме финские разведчики перебили весь инженерно-технический состав эскадрильи. Я несколько раз ездил в Ленинград к Морской академии Крылова, где находилась авиарембаза, которая ремонтировала наши МиГи, возвращая их в строй.

В марте 1942 года львиную часть лётного и технического состава полка эвакуировали в Кинешму по Дороге жизни на грузовиках, где мы изучали лётную и техническую эксплуатацию американского истребителя «Аэрокобра», которые доставлялись в УТИАП (учебно-тренировочный испр. авиаполк) с севера (из Мурманска и Архангельска) и с юга через Иран.

Больше всего у нас почему-то было самолётов с юга, камуфлированных под пустыню. Это были самолёты, поставленные американцами по ленд-лизу.

К этому времени я уже закончил два курса английского языка на бытовые темы. В Кинешме мы работали с британскими и американскими авиаспецами. И это дало мне хорошую языковую практику, которая мне пригодилась через 50 лет в Риге.

В Кинешме нас хорошо подкормили, и мы немного отошли

от ужасов блокадной жизни, в которой мы не участвовали, но наблюдали.

Но в мае на наш травяной аэродром тяжелая «Аэрокобра» с узкими пневматиками летать не могла. Поэтому мы перебрались в Иваново, а потом перелетели в Кратово (теперь г. Жуковский).

Так один раз я увидел Москву, да ещё фронтую. Но я был в Москве только проездом из Иваново в Кратово. Там мы стояли недолго, ибо фронту были нужны истребители. И нашему полку приказали лететь в город Воронеж и оттуда работать в интересах Воронежского фронта.

В Воронеже наш полк был поднят для защиты наших бомбардировщиков от немецких истребителей.

После боя несколько «кобр» были повреждены до такой степени, что их следовало отправить на ремонт, но это было сделать невозможно, т.к. только в Москве (а точнее в Монино) имелся авиаремонтный завод, на котором умели ремонтировать «Аэрокобры».

Я не знаю судьбы этих нескольких самолётов, ибо около них занимали позиции стрелки с противотанковыми ружьями. Самолёты подлежали уничтожению. Мы оставили несколько сержантов для этой цели. Судьба сержантов и самолётов нам неизвестна.

Нам заранее заготовили общую командировочную на группу. И мы пошли на восток. Наш путь проходил мимо брошенных интендантских складов. Там было много продуктов. Я взял себе несколько пачек печенья, палку колбасы; другие взяли себе коньяк и вина. Много взять было невозможно, ибо у нас не было даже «сидоров» (вещмешков).

Хорошо помню, как мы перебежали реку Воронеж через Черновский мост под миномётным обстрелом немцев. До моста мы шли укрытые насыпью. А по мосту мы бежали, падали, ползли попластунски, опять бежали. Кажется, потерь у нас не было.

Мы влились в толпу бегущих военных, авто, лошадей. Идти было трудно, поэтому мы решили идти по обочине. Наступила ночь. Мы устали. Решили поспать. Легли на землю. Я уснул, но скоро проснулся, ибо одет был в шинель. Мои спутники тоже плохо спали. Я встал и пошёл искать какую-нибудь доску, чтобы лежать на доске, а не на земле. И вдруг я увидел будку путевого обходчика (потом я понял, что это ст. Отрожка). Дверь в будку была закрыта, но я влез в окно, лёг на топчан и... уснул. Когда я проснулся, наших уже не было. Я пошёл пешком их догонять, но не смог догнать сначала. Потом меня подобрала автомашина и я наконец догнал своих.

И хорошо, ибо меня могли остановить заградительные отряды после приказа Сталина «Ни шагу назад!».

Итак, мы шли к Тамбову, так нам сказали в Воронеже: «Направляетесь к Тамбову».

Однако, оказалось, что наш полк полетел не в Тамбов, а в Липецк. Командование аэродрома приняло решение переправить нас на санитарных бипланах ПО-2 (тогда У-2). В каждый самолёт можно погрузить 4 человека в качестве лежачих раненых. Меня поместили в такой гаргроб с подушкой в сукровице. Я постелил под голову платок и лёг. В таком положении я и летел. Лётчику были, видимо, скучны такие полёты, и он стал шалить. Я видел, как он направил свой «корабль» на рыбака, сидящего у речки. Тот перепугался и прыгнул в воду, чем рассмешил пилота. В другой раз он напугал бреющим полетом женщин, собирающих высушенное сено в копны.

Когда я вышел из самолёта в Липецке, то вдохнул запах пороха и пироксилина. Дело в том, что мы прилетели после штурмового налёта немецкой авиации на Липецкий аэродром.

Мы начали полёты на «Аэрокобрах» с Липецкого аэродрома. Когда мы перебили свои самолёты, нам передали самолёты другого ИАП, который поехал в Иваново за новыми самолётами.

Из Липецка меня командировали с подбитой «коброй» по железной дороге на платформе в Чкаловскую. Из-за этой командировки я чуть не угодил в штрафбат... Но это другой рассказ.

Летом 1942 года группа авиатехников оказалась без самолётов, сбитых в воздушных боях. Нас отправили в Кинешму переучиваться на лётчиков. Мы приехали туда в неудачный момент: набор уже окончен. Нас не могли принять на законных основаниях. Могли принять в качестве резерва — без питания и денежного содержания. Мы не согласились и уехали. Остался только один. Он стал лётчиком, но так и не стал ни ассом, ни командиром не только эскадрильи, но и звена.

Итак, мы вернулись в Липецк. И скоро поехали в Иваново для получения новых «Аэрокобр». После получения новых самолётов наш полк был направлен на Северо-Западный фронт, на аэродром Выползово в районе Едрово. Там мы обслуживали бомбардировщиков сопровождения и защищали пехоту от штурмовок фашистов.

В марте 1943 года я получил приглашение от вербовщика Жуковки поехать на обучение в академию ВВС, единственную в СССР и очень престижную. Таким образом, я поступил на подготовитель-

ный курс ВВИА им. Жуковского, а в 1944 году я стал слушателем первого курса мехфака этой академии.

В марте 1946 года я, слушатель второго курса Жуковки, официально перевёлся на второй курс ЛВВИА им. Можайского в Ленинград.

В 1948 году я был на практике в Москве и женился на Надежде Степановне Паршиной, которая окончила МИСИ и получила назначение в Ленинград. В 1948 году я возвратился в Ленинград уже женатым. Мы с женой сняли комнату на Газовой, недалеко от академии.

В 1949 году я проходил практику в Пушкине и в гавани Ленинграда.

В 1950 году я закончил академию и был назначен инженером эскадрильи в город Кировоград, в ТДА ВДВ. В 1951 году в Калачна-Дону моя супруга подарила мне дочь Ирину. Я перевёз роженицу и грудного ребёнка в Кировоград, сняв комнату в Ново-Николаевке, недалеко от аэродрома.

По роду службы я много летал на десантных самолётах ИЛ-12Т и ИЛ-12Д, проверяя работу своих борттехников и бортмехаников.

Мне пришлось в этом году руководить ИАС эскадрильи на учениях в... Не знаю, почему, но моя эскадрилья заняла первое место в ВДВ. Главный инженер ВДВ пригласил меня переехать в управление ВДВ в Москву на Матросскую Тишину, но я уже готовился к экзаменам в адъюнктуру Можайки и скорректировал условия перемены места службы: я поеду в Москву в том случае, если не поступлю в адъюнктуру. Однако я поступил в адъюнктуру в конце 1951 года и переехал с женой и дочерью Иррой в Ленинград.

В это время родители жены жили по месту работы тестя в Вытегре. И они увезли Ирру в Вытегру, но ненадолго. Вскоре они приехали с Иррой в Ленинград и получили одну комнату в доме на проспекте Обуховской Обороны — д. 17, кв. 21.

В ноябре 1954 года я уже написал кандидатскую диссертацию и готовился к защите её, но попал в автоаварию и в больницу. Мой срок обучения продлили по приказу на два месяца.

Этой отсрочкой я воспользовался, успешно и в срок защитив кандидатскую диссертацию.

Некоторое время ожидал распределения. В мае 1955 года я был назначен преподавателем кафедры технологии, производства и ремонта ЛА и АД (летательных аппаратов и авиадвигателей) РКВИАВУ и переехал к новому месту службы. В мае 2005 года

исполнилось 50 лет моей жизни в Латвии. Я получил квартиру — мансарду на ул. Ницгалес д. 10 кв.5. В 1956 году в Ригу приехали жена и дочь.

В 1960 году мы переехали в дом на Резнас д. 7 кв. 27, и до сих пор там живём. Представлялась несколько раз возможность переехать в другой дом, улучшить жилищные условия.

Но всякий раз дочь Ирина не захотела уезжать из нашей квартиры, где ей так хорошо, где утром её будит восходящее солнце, а вечером в кухне солнце прощается с ней, посылая привет в окно.

В 1980 году она переехала в свою квартиру в Межциемсе. И мы, старики, остались на Резнас. Потом Ира улетела в Брюссель.

Теперь двухкомнатная квартира с проходными комнатами, малюсенькой кухней и жутко тесной прихожей, совмещенным санузлом, без лоджии, которая считалась неудобной и непрестижной, вдруг стала востребованной. Те сотрудники РКИИГА, которые были в трёхкомнатных квартирах на Резнас 5, Резнас 10 Б и Ломоносова стали меняться с теми, кто живёт в двухкомнатных квартирах, квартплата за которые им под силу.

Да, времена меняются...

Мне понравилось в Кинешме тем, что город очень хорошо расположился на берегу Волги, что, если переплыть Волгу, можно побывать в Щёлково у русского драматурга А. Островского, что в Кинешме снималась черно-белая кинокартина «Бесприданница» в первом варианте с участием Кторовой, Алисовой, Б. Тенина и других. тогдашних звёзд советского экрана. (Игорь Ильинский запросил астрономическую сумму гонорара и в состав труппы не попал, его заменил сыгравший с блеском свою киношную роль мой питерский кумир Борис Тенин, актёр пензенского происхождения.)

В Кинешме был прекрасный клуб ВОГа — Всесоюзного Общества Глухонемых, куда мы ходили смотреть кино и на танцы, а также замечательный волжский базар, куда мы любили ходить, оголодавшие во время блокады. Там я неожиданно встретил вытегорского педагога Рябцева, который жил за рекой, недалеко от церкви. Он жил рядом со Щербаковыми. Я знал, что он покинул Вытегру, но не знал, куда уехал. Когда-то я играл с его детьми — школьниками. Не знаю, почему я к нему не подошел, но встреча мне понравилась.

А город жил воспоминаниями о том, каким бойким местом он был на Волге при царизме, о том, как блистала киноактриса Алисова, когда играла в картине «Бесприданница» и пела: «Но не любил он, но не любил он, но не любил он... меня!» Потом Михалков

и Со создали второй вариант этой картины с другим названием, в котором пела не только новая бесприданница, но и сам Паратов — Михалков. Кстати, новый вариант «Бесприданницы» снимал оператор — сын актрисы Алисовой. Потом я ещё раз побывал в Кинешме, когда хотел переквалифицироваться в военного лётчика. Но был там не более двух дней. Покупался в Волге — и то хорошо!

С Марией Ивановной Ивановой судьба меня свела в Питере несколько раз. Она бросила своего мужа Павла Васильевича и уехала с детьми в Ленинград, где стала сотрудницей «Большого дома» на Литейном проспекте, где царили питерские чекисты. Сначала она снимала комнату в Стрельне, потом получила квартиру в Ленинграде на Большом проспекте. Я дружил с её детьми, когда учился в авиатехнической школе. Женя поступил в Макаровку, стал судовым радистом, поплавал в морях. Ему это не понравилось. И он по моему примеру поступил в Московское военное авиатехническое училище и стал авиарадиотехником.

Во время ВОВ он командовал радиостанцией полевой и дошёл до Берлина. Наша дружба не прерывалась. Олег и мой младший брат погибли во время ВОВ, а мы с Женей продолжали дружить.

Жене потребовалось высшее образование, ибо он стал большим начальником среди авиарадиотехников. Он поступил заочно в юридический институт и закончил его. Это позволило ему перевестись на военную кафедру в Приборостроительный институт. Но его злопыхатели всё время напоминали ему о том, что у него не авиаинженерное образование.

У Жени от второй жены, которую он нашёл на фронте, родился сын Олег. Он учился в Макаровке, желая стать моряком. Он часто обращался ко мне с просьбой проконсультировать его по высшей математике, в которой он не преуспевал. Я тогда уже был инженером-механиком и учился в аспирантуре, что вызывало раздражение у живой ещё тогда Марии Ивановны, которая мне прямо в глаза сказала: «Подумать только, сопливый Борька, сын конюха и прачки, стал кандидатом наук, а мой сын не смог окончить академии!»

Вот такой была Мария Ивановна Иванова.

А сейчас из действующих лиц остался только внук Олег, который последнее время ушёл от моря и работал в Питере таксистом. Ира знакома с ним, ибо он приплывал в Ригу на учебном паруснике и побывал у нас в гостях, а мы с ней даже ездили в гавань и видели Олега на паруснике.

Крышу крыли плотники тёсом. Монтируя новую крышу, они отрезали от длинных досок остатки, из которых мы, дети, соорудили будку, скрепив отрезки гвоздями, причём довольно длинными.

Дети, которые следили за созданием будки, торопили нас, кто монтировал. Когда будка была готова, мы, строители её, первыми в неё влезли, Потом полезли другие поверх нас. И наконец, будка была набита. Кто-то из нас, лежащих внизу, решил выйти. Для этого он приподнял тех, кто лежал над ним, и... раздался крик. Это Коле Савинову, который был вверху и приподнят был до крыши, вонзился в спину гвоздь. И он закричал. Будка быстро освободилась. У Коли пошла кровь из царапины. Он разозлился на всех детей, предполагая, что они это сделали нарочно.

Дело в том, что отец Коли, нашего одноклассника, был урядником — городovým. Вот Коля это вспомнил и побежал домой. Но оказавшись за забором, он схватил камень и, не глядя, бросил его через забор в наш двор. Этот камень попал прямо мне в голову, Потекла кровь. Кто-то позвал мою маму. Я заплакал... Мама повела меня через весь город к Сиверсову мосту в водническую амбулаторию. Там мне побрили волосы около раны и произвели обработку. Коля, который причинил мне боль, ушёл из нашего класса, хотя мы ему о его вине не напоминали. Потом я узнал, что он рано умер.

Кстати, с дедом Коли связана другая моя история. У дедушки Коли была лошадь Карько. Ребята любили на ней кататься. Однажды посадили на Карько и меня и хлестнули Карько. Он понёс меня по улице к старому полю. Я ухватился коню за гриву и смог удержаться на Карько во время его движения. Когда он влетел на сжатое поле, он остановился, и... я полетел головой вниз на колючки злаков, инстинктивно закрыв лицо руками. Конечно, лицо моё было поцарапано, но глаза уцелели. А Карько стоял возле меня и ждал, когда я его поведу домой... Я не помню, как я плёлся с Карько домой.

Когда я уже повзрослел, я хотел найти то место, куда меня сбросил Карько, но не нашёл, ибо поле оказалось застроено новыми домами.

Вспоминаю, что мимо нашего дома проходили мужчины и пели.

То ли они просто веселились от души, то ли были пьяны, но их песни я освоил. Среди них были такие, в которых певцы пели о золотых горах, которые они подарили бы любимым, о плаче девицы по поводу того, что её друг гуляет по дому, о просьбе молодого джигита седому старику, мужу молодой, продать ему жену, и дру-

гие песни, которые я уже подзабыл. Но одна из них мне так понравилась, что я стал её петь. Однажды две сестры Угловы — Таня и Оля — услышали моё пение и попросили меня спеть эту песню для них. Я стал петь, а они почему-то стали смеяться... Я не понимал причины их смеха и продолжал петь. Я пел:

*По дому гуляет, по дому гуляет, по дому гуляет казак молодой.
О чём, дева, плачешь? О чём, дева, плачешь? О чём слёзы льёшь?
Ну как мне не плакать? Ну как мне не плакать?
Ну как мне не плакать? Слёз горьких не лить?
Ведь по дому гуляет, по дому гуляет, по дому гуляет казак молодой!*

Сёстры смеются.

Только потом я понял, что казак гуляет по Дону, а не по дому, но всё равно я тогда ещё не знал географии...

Давно нет всех членов этой большой замечательной семьи Угловых — двух сестёр, трёх парней, отца, матери, — но я помню общение с ними и это забавное моё пение.

Как-то с братьями Угловыми мы пошли прыгать с крыши сараев в глубокий снег, но прыгать, делая в воздухе заднее сальто. Всё было хорошо до тех пор, пока я не прыгнул в такой глубокий сугроб, что ребятам пришлось меня тащить. А когда вытащили меня из сугроба, то пришлось искать ещё и мои сапоги, ибо они оказались в снегу, а я оказался босой. Конечно, сапоги выкопали, а я, постояв на льду в носках все-таки простудился, причём мама, разумеется, не узнала, где я схватил простуду.

Воспоминания заставили меня вспомнить случай, когда я получил ранение в голову, от которого у меня на всю жизнь остался шрам. Это случилось, когда на нашем двухэтажном доме сняли старую крышу и ставили новую.

Наша большая семья занимала половину первого этажа дома. А на второй половине жила хорошая семья Ивановых. Папа, Иванов Павел Васильевич, высокий и массивный мужчина, был довольно большим начальником в городе водников. Он возглавлял очень могущественную организацию — Суднадзор. Ему подчинялся весь плавсостав, ибо он мог наказать любого из них за ошибки в судовождении на реках и озёрах Обонежья.

У него была очень красивая жена Мария Ивановна. Она меня почему-то сразу невзлюбила и не признавала до смерти своей примерно в 1980 году (она умерла в Ленинграде).

В семье Ивановых было двое детей: Евгений, который родился в 1917 году, и Олег, родившийся в 1922 году. С ними жила бабушка детей со стороны матери, но она почему-то не терпела Павла Васильевича, за глаза называя его «боровом», что мне определён­но не понравилось. Бабушка прихрамывала, но мы над её хромотой не смеялись.

Я играл с Женей и Леной. Они часто рассказывали мне о своих поездках на моторном катере на Онего, о рыбалках на озере, рассказывали о его красотах. Они предлагали мне съездить с ними на Онего, но Мария Ивановна запретила им меня приглашать. Так я Онего и не увидел до тех пор, как окончил 8-й класс и с разрешения мамы поехал на Онего в барже, которую буксировал катер на Онего.

Во время буксировки нашей баржи по реке произошел забавный случай. Группа молодёжи собралась на носу баржи и стала держать пари, что один из них сделает стойку на кистях на кнехтах носа баржи. Действительно один гимнаст сделал стойку жимом, но переборщил и опрокинулся в воду. Мы остолбенели. Он же утонет! Однако баржа не была нагружена и не очень сильно погружена в воду. Парень вынырнул уже под баржой, быстро оценил место, где светло, поплыл туда и вынырнул уже вне баржи. Мы увидели, как он вынырнул и поплыл к берегу. Такой трюк я запомнил на всю жизнь.

Детство я провёл в той части города, где жило много финнов и вепсов. Они ходили на лыжах не в ботинках, а в специальной обуви — пьексах, носки которых были крючкообразными. На эти крючки легко и быстро прикреплялись лыжи. И сапоги, которые носили финны, имели носы пьексов.

Если мы, русские ребята, изготовляли санки-ледянки, то у финнов были финские сани, которые не являются до сих пор редкостью в Карелии. Многие финны — мужчины и даже женщины — носили при себе финские ножи, которые они называли «пукнами», а русские — финками. У финнов я научился по-фински считать до ста и узнал много слов для ведения бытового разговора.

У финнов я научился ходить на лыжах. Я полюбил этот спорт, что мне позволило первым из школьников в 1954 году сдать норму на значок ГТО в лыжной гонке на 10 км. Помню, как я после занятий в школе становился на лыжи и шёл до Палозера и обратно. Это была моя тренировка для сдачи норм ГТО на 10 км. Кстати, спортивная власть Вытегры отправила меня на трассу одного, не поставив на пятом км поста, доверяя моей совести. У меня не было конку-

рентов. Я шел один, причём в первый раз. Поэтому я едва уложился в норму, причём у подъема в гору перед финишем, у моста Вянгруч, меня встретила толпа школьников, которая меня подгоняла.

Однако обстановка в стране изменилась в связи со смертью Сталина, Берия прекратил строительство Волго-Балта и распустил ээков — основную строительную рабсилу. И семья Паршиных приехала с Ирой в Ленинград.

Не сразу, но тестю удалось получить комнату в квартире с соседями на пр. Обуховской Обороны д. 17 кв. 21 (сейчас это ул. профессора Качалова), около Александро-Невской Лавры. А Ира переехала к нам на Кировский проспект. Я окончил адъюнктуру и в феврале 1955 года получил назначение в Ригу, куда направился в мае 1955 года. В 2005 году исполнилось 50 лет моего пребывания в Риге и Латвии.

Раньше суда шли по Мариинскому водному каналу, проходили в селе Александровском шлюз, и после этого начинался водораздел: река Вытегра соединялась с рекой Ковжей.

Теперь Волго-Балт прошёл мимо села Александровское. Я плыл в теплоходе по Волго-Балту по маршруту «В край белых ночей» и видел не только село Александровское, но и развалины старых шлюзов Мариинки (она ведь тоже перестраивалась), где я неудачно ловил рыбу.

За селом, на мыске, там, где был шлюз № 30 старой Мариинки, открывается устье Ново-Мариинского канала (он был известковым, старожилы его нарекли Каменным). Сейчас в канале созданы карьеры, в которых добывают известняк для Череповца.

Долго там стоял каменный обелиск, на котором начертаны слова: «Новый соединительный канал между реками Вытегрой и Ковжей строили...» (Перечисляются проектировщики и строители.)

Теперь этот обелиск я видел около музейного экспоната шлюза № 1 Мариинки, на островке, где прошло моё детство и юность. Это перемещение обелиска произведено властями ради туристов, которые должны видеть тех людей, которые построили это чудо — Мариинскую водную систему, замысел которой дал потомкам великий Пётр. Он сам разведал возможность прорытия Мариинского канала.

У моей жены Надежды была сестра Валя, которая родилась в Баку в 1929 году. Я познакомился с Валей, когда приезжал в родной город в отпуск. Тогда семья Паршиных переехала из Ленинграда в Вытегру, причём они оказались нашими соседями. В семье

Надя была «маленькой хозяйкой большого дома» Паршиных, а Валя ей помогала.

Потом отца девочек перевели в Кириллов, где он обеспечивал перевоз грузов и людей с Волги по Сухоне на Северную Двину и к Белому морю.

Когда я женился на Наде, окончившей МИСИ в 1948 году, и переехал в Ленинград, где я учился на пятом курсе ЛКВВИА им. Можайского, то в отпуск поехал в Калач-на-Дону, к новому месту службы главы семейства Паршиных. Волго-Дон тогда ещё строился, и Дон ещё был шолоховским. Мы загорали и купались на Дону. Паршины жили тогда в доме, который ему специально построили: саманный дом. Есть даже фото строительства этого дома. Хорошо помню даже то, что у Паршиных была собака Дэська. Валя окончила школу в Калаче-на-Дону и поехала учиться в Ростов-на-Дону в педагогический институт. Хозяин дома был мобилизован как инженер-гидротехник на строительство Волго-Балта. Он был капитаном МВД.

Потом мне запомнился 1950 год, когда мы опять приехали в отпуск из Питера в Калач. Я уже окончил Можайку и ждал назначения в Кировоград. Я помню открытие Волго-Балта, которое было омрачено ЧП. В шлюзе Калача стоял на шлюзовании теплоход «Сталинская Конституция», в котором ехала журналистская братия. Кругом грохотали петарды фейерверка праздничного. И вдруг загорелась одна из кают, и начался пожар: палуба начала гореть. Не знаю, были ли жертвы, но пожар потушили, а теплоход с обгоревшей надстройкой отвели в сторону, в док.

Я был в числе зевак, которые хотели знать подробности возникновения пожара и посмотреть на корреспондентов. Уже стало известно, что кто-то послал петарду в иллюминатор каюты кинооператоров и поджёг киноплёнку. Тут я впервые увидел вертолёт, который пролетел у нас над головой, это зам. Берия прилетел для установления истинной причины пожара. Я забыл фамилию этого генерала.

Очень интересно было посмотреть на писателей и их послужек. Я подошёл к писателю, который прославился книгой «Повесть о настоящем человеке». Кому-то он говорил о том, что если ему в новом теплоходе не дадут отдельную каюту, то дальше он не поплывёт. Так я разочаровался в Борисе Полевом...

Потом мы с Надёй уехали в Кировоград и стали обустраиваться, сняв комнату в селе Ново-Николаевское, что рядом с Кировоградом.

Вскоре Надя уехала в Калач-на-Дону, где родила дочь Ирину 8 апреля 1951 года. После родов у Нади началась грудница. Надо было срочно достать молокоотсос. Я уже был в Калаче-на-Дону. Мне пришлось ехать в Сталинград, и там, на другом берегу Волги, я чудом нашёл аптеку, где купил два молокоотсоса и спас положение. Потом мы втроем переехали в Кировоград. В Кировограде я получил вызов на экзамен для поступления в адъюнктуру Можайки. Эти экзамены я выдержал и приехал за Ирой и Надеждой. Так наша троица осенью 1951 года оказалась в Ленинграде. Мы сняли комнату у Ротиновых по адресу: Кировский проспект, д. 13. В этой квартире жил мой одноклассник и друг — Сережа Тимашев. А хозяйкой квартиры была его тётя — Оля. Сережа и помог мне снять эту комнату.

Потом мы узнали многих киноактёров, которые после съёмок в «Ленфильме», который находился почти рядом с нашей квартирой, приходили к Серёже. Например, Николай Крючков, несколько раз бывал у Серёжи, Николай Рыбников, его жена Алла Ларионова, Нонна Мордюкова и др.

Через некоторое время Иру увезли в Витегру тесть Степан Андреевич и тёща Анастасия Семёновна. Это было связано с тем, что САП (Паршин) получил назначение достраивать Волго-Балт.

Когда я стал писать о своих предках, то заглянул в литературу и нашёл много интересного. Оказывается, река Шола впадает в реку Шексну, которая в свою очередь втекает в Белое Озеро, что было заселено ещё в VIII веке. И на берегу этого озера находится город Белозерск, который является ровесником Великого Новгорода.

Вот в каком регионе жили мои предки. Их судьба кажется мне странной. Всё дело в том, что во время Куликовской битвы ратники-белозёры были задействованы в резерве. Именно они решили исход битвы в пользу русских, причём погибли все белозёры во главе с командиром и его сыном. Даже краю был нанесён огромный урон: погибли почти все мужики края. Поэтому власти поселили пленных молодых татар. В результате в крае произошло смешение русской крови с татарской. Об этом почти никто не говорит, но это сыграло огромную отрицательную роль в истории государства Российского.

За Белозёрье дрались и москвиты с новгородцами, но с переменным успехом. В конце концов, Белозерск с Кирилловым попали в руки Москвы. Но этого горя для Белозерья было мало.

В 1612 году Минин и Пожарский изгнали поляков и литовцев из Кремля и из Москвы. Но они не смирились с поражением своим, а упрямо пошли грабить земли севернее Москвы.

Таким образом они пришли в Белозёрск, разграбили его и вырезали население. Потом они пошли дальше на Север. Об этом я совершенно случайно узнал, когда жил со своим другом в Вытегре и посетил местный музей. Оказалось, что поляки и литовцы не вошли в Вытегру почему-то, а пришли на родину моего друга Василия Кузнецова — в Кондуши, которые сожгли и вырезали население. Мы прочли всё это в документах, экспонированных в музее. Однако мы не знаем, того, что поляки сотворили в Белозерске.

Когда работала Мариинская водная система, Белозерск процветал. Но Волго-Балт обошёлся без Белозерского обводного канала. Суда идут по Белому озеру, не заходя в Белозерск. Туристы могут увидеть Белозерск, только с борта теплохода, идущего по озеру мимо города.

Но этого мало. Уровень воды во всем регионе повысился на целый метр. Он затопил берега реки Шолы, где жили мои предки. И я не знаю, остались ли на суше те населённые пункты, где родились мои мама и папа. Это можно узнать только съездив туда на авто или по Волго-Балту. Однако это мне не удастся осуществить, и не стоит говорить о том, что этому мешает.

В марте 1943 года я неожиданно остался без своего самолёта. Мой лётчик, сержант, совсем юный (фамилию и имя забыл, он был у меня совсем недолго) сидел в кабине, готовый запустить мотор, вырुлить на старт и взлететь по сигнальной ракете. Дело шло к вечеру. «Кобры» ночью не летали, командование их берегло... Сержант сказал мне, что скоро будет отбой, мы пойдём на ужин, а потом в Дом культуры... Но не успел он закончить фразу, как взлетела ракета, и мой пилот запустил мотор, вырुлил и улетел. Больше я его не видел.

Потом все самолёты вернулись домой, а мой пилот не вернулся из воздушного боя. Очевидцы — лётчики — рассказывали, что немецкие ассы (а там летали именно ассы в то время) сбили его, он выпрыгнул из падающего самолёта, его парашют раскрылся, а его машина упала где-то в районе Демянского «котла». Однако лётчики в пылу воздушного боя не могли точно указать место падения моего самолёта. Меня вызвал командир нашего полка Олег Родионов и провёл беседу со мной и прибористом, направляя на поиск самолёта. Меня направили в район севернее «котла», а прибори-

ста — южнее его. Мы получили командировочные, паёк и направились на поиски пешком. Помню: я шел в районе, близком к линии фронта, и видел, как в розвальнях везут какой-то специальный груз старики-солдаты. Оказалось, это везут укрытых шинелями убитых на поле боя солдат и офицеров солдаты-могильщики. Я это понял, когда увидел траншеи братских могил и остановился около этих траншей. Солдаты лихо раздевали убитых, оставляя их в нательном белье, и сбрасывали в яму. Видимо, старое бельё, гимнастёрки, брюки, шинели потом стирали и снова выдавали новичкам. Я понял, что никаких записей о том, кого бросили в братскую могилу, могильщики не вели. Увидев меня, они грубо потребовали убраться, сказав, что «и ты здесь скоро будешь».

Поэтому так много в России неопознанных военнослужащих, погибших во время ВОВ.

Поисковые отряды это очень хорошо знают. Потом я в 1949 году даже в Пушкине, в районе аэродрома, нашёл скелет офицера Советской армии. Это в 25 километрах от города-героя Ленинграда. Значит, зимой похоронная команда не заметила офицера, и он так и остался не погребённым...

Вспомнил я ещё один случай из своей печальной командировки. Я шел по просеке, стало темно, я устал. Пора найти крышу над головой, поесть и выспаться. На моём пути встретилась землянка. Я вошёл в неё, показал документы, меня впустили. В землянке горела тускло электролампочка, видимо, от аккумулятора. Я присмотрелся и сел за стол, решив перекусить. Когда я поднёс ко рту бутерброд, ко мне обратился какой-то узбек (или таджик) и попросил: «Товарищ командир, дай пожалуйста, кусочек хлеба — три дня заправка не был, курсак пуст». Я собрался отломить ему кусок, но вдруг ко мне подошел из тёмного угла землянки сержант в пограничной фуражке. Это меня озадачило: почему в пограничной? Ведь границы давно уже нет — фронт! Почему в фуражке, а не в шапке — ведь зима. Но эти вопросы пролетели в голове мгновенно. Пограничник сказал мне: «Не давай этой сволочи, он самострел. Мы ведём его в тыл, где ему будет быстрый суд и... расстрел!» До сих пор не могу забыть об этом участии среднеазиатов в ВОВ. Это правда. Тут ничего не придумано.

Я долго ходил в прифронтовой полосе и искал свою «кобру». «Никто не видел, никто не слышал», — говорили мне о сбитых советских самолётах («Яках», «Лавочкиных», Су-2 и др.), но о «кобре» никто ничего мне сообщить не мог. Я даже сам видел

воздушный бой над дорогой, по которой я шёл... Шофёры, пехота рванули в стороны в лес, боясь «мессеров» (их почему-то солдаты звали «мистерами», но это больше говорит об их неграмотности). Я оценил свою безопасность и наблюдал воздушный бой. Вдруг из карусели боя выскочил наш «Лавочкин» и бросился наутёк. За ним пристроился «мессер» и пушечной очередью загнал его в землю недалеко от меня. Самолёт загорелся и взорвался, лётчик погиб. Я подошёл к месту взрыва и обнаружил только часть хромого сапога. Это был «Лавочкин», а не «кобра».

Итак, я возвратился ни с чем — самолёта своего не нашёл. Оказалось, что он упал в районе, где поиск вёл приборист.

Я пришёл на обед в столовую в числе последних и сел за стол, за которым обедал незнакомый майор. Разговорились. Оказывается, это представитель Жуковки. Вылавливает кандидата в академию. Особенно интересуется бывшими студентами. Он уже заканчивает командировку. Записал и меня.

Когда меня латвийское МОН (Министерство образования и науки) переаттестовывало в доктора инженерных наук, я и не знал о Болонском процессе, который работает в ЕС, и что Латвия немного изменила звание доктора философии на доктора инженерных наук.

Потом я поинтересовался двухцикловым образованием и узнал много интересного. Кстати, в это время мой внук стал бакалавром.

Оказывается, в Европе соединили техникум и вуз в одном учреждении. И это неплохо. Но всё это учреждение даёт бакалавров, магистров и докторов философии. И советские люди приравнивали двухцикловое ВО (высшее образование) к советскому ВО, к которому привыкли, и даже стали приравнивать своих докторов технических и др. наук к докторам философии. Они же не знают, что в мире существуют ещё и другие системы ВО. Например, китайская, индийская, и что советская система ВО высоко ценится в мире. Что касается китайской и индийской систем ВО, то о них мало знают даже специалисты. Они знают, что китайские и индийские специалисты с ВО серьёзно укрепляют научный потенциал США, которые готовят докторов на уровне докторов философии.

Бакалавр по двухцикловой системе получает общее высшее образование и практически слабо подготовлен (или вообще не подготовлен) к работе по какой-нибудь специальности. Стало быть, его можно использовать как высококвалифицированного рабочего

на различных автоматизированных производствах, дополнительно обучив его (на специальных курсах) выполнению относительно несложных, но требующих понимания операций.

Уровень подготовки бакалавра не будет соответствовать даже приблизительно уровню выпускников техникума. Теоретически он будет его сильнее, а практически — бесполезен, т. к. техник — специалист, а бакалавр никак не тянет на специалиста-техника.

Когда я заканчивал в 1938 году ЛАТКУ, то я стал дипломированным авиатехником по ТО ЛА и АД (по техническому обслуживанию летательных аппаратов и авиадвигателей). Я сразу стал обслуживать боевую технику ВВС.

Академик Садовничий, ректор МГУ, хорошо сказал о том, что бакалавр — это лаборант в западно-европейской лаборатории.

Разработчики Болонского процесса молчаливо предполагают, что большинство бакалавров не будут обучаться на магистров по экономическим соображениям. Таким образом, работодатели (капиталисты) будут располагать огромным рынком потенциально квалифицированной рабсилы.

Получив за дополнительную (немалую) плату степень магистра, бакалавр приобретает знания, необходимые как для работы по специальности (становится почти инженером), так и для организации производства и управления. Слой этих спецов будет относительно невелик, и они смогут исполнять обязанности среднего руководящего звена.

Подготовка докторов философии, которая требует дополнительного обучения в течение двух-трёх лет, приводит к созданию небольшого слоя высококвалифицированных спецов, по своей подготовке примерно соответствующих уровню советского кандидата наук.

Подготовка же докторов наук высшей квалификации, которая широко проводилась в советское время и пока ещё осуществляется в странах СНГ, не планируется, хотя специалисты именно такого уровня обеспечивали в СССР быстрое развитие науки и техники.

Относительно ликвидации степени доктора наук и замены её степенью доктора философии академик Садовничий выразился ещё более резко: «Это катастрофа для России».

Однако в TSI уже работают и докторантура, и магистратура по европейской системе ВО. Докторантурой ведаёт мой бывший ученик, ныне известный учёный в области надёжности, доктор технических наук, профессор Юрий Михайлович Парамонов.

Я не знаю, сколько у него числится докторантов, но знаю несколько новых докторов, бывших студентов, обученных на мехфаке РАУ, а теперь докторов инженерных наук. Они считают себя докторами, но они, увы, по сути, кандидаты технических наук по стандартам советского ВО. Такова реальность. Я ничего не преувеличиваю. Дело в том, что студенты, которые обучались не в РКИИГА, а в РАУ, уже были лишены тех практик, которые студенты проходили на каждом курсе. А это огромный пробел в высшем техническом, особенно авиационно-техническом образовании.

Не может быть хорошим специалистом инженер-механик, не прошедший практику в процессе своего обучения, подобно тому, как хирург не может делать операций, если он не проходил практику на операциях, которые он должен делать на трупах.

Значит, уже при переходе в состояние РАУ наш ВУЗ стал готовить недоучек, хотя ППС (профессорско-преподавательский состав) старался. Но что он мог сделать без практики? По этим рассуждениям можно судить о том, каких спецов выпускает TSI. И это хорошо, что он не готовит инженеров-механиков для авиации.

У меня есть одна особенность, о которой никто не знает. Я всё время в душе пою. И пою не только песни, которые мне нравятся и которые люблю, но и классику. Благодаря поющей душе я легко переживаю обиды и неудачи. Особенно мне нравятся романтические песни о детстве, о людях интересных и просто красивых.

Например, я выделяю цикл песен о детстве: «Куда уходит детство? В какие города?»

Американская песня о билете в детство, песня, которую привёз в СССР поэт Роберт Рождественский, и озвучила певица — полька, живущая в Питере.

«Родительский дом — начало начал»...

«С детских лет стать взрослыми спешили мы...» Никиты Богословского. Кстати, любимая песня покойной Вали Паршиной.

«Край родимый, дом любимый, там, где детство шло тропой неповторимой».

Или песни о голубых глазах. Одну из них пела певица Клемент из Питера. В ней она воспеваает ленинградцев как «голубоглазых в большинстве».

Британские эстрадные певцы поют песню, в которой они готовы искупаться в голубых глазах.

Семьдесят лет назад мы, курсанты авиаучилища, распевали модную тогда песню из советского кинофильма:

Всё синеет на просторе: и весенняя гроза,
Небо синее и море, как твои глаза...

Мой земляк — Николай Клюев — написал о себе:

Оттого в глазах моих просинь,
Что я сын земных озёр...

Когда я играл на своей гармонике по танцам в школе (это было в период 1930–1935 годов), то репертуар был ограниченным: вальсы, кадрили; только входили в моду фокстроты, которых тогда в СССР было относительно немного.

Но уже появились первые кинофильмы с музыкой Исаака Дунаевского. Эти песни народ быстро полюбил. Но я уже забыл о танцах и уехал в институт. Однако любовь к песне во мне осталась навсегда.

Я даже приспособил музыку для того, чтобы после тяжёлого дня не мучиться бессонницей.

Сначала для мамы вспоминаю её любимую песню:

«В маленькой светёлке огонёк горит,
Молодая пряха у окна сидит...

Потом вспоминаю для папы: «На сопках Манжурии» и «Эх, дороги, пыль да туман».

Затем для старшего брата Ивана промурлыкаю про себя «Сяду я за стол да подумаю, как на свете жить одинокому» и «О дайте, дайте мне свободу. Я свой позор сумею искупить!».

Если не уснул, то продолжаю мурлыкать девиз брата Александра: «По диким степям Забайкалья» и «Ты жива ещё, моя старушка».

Брату Коле посвящаю «Николя, Николя».

И младшему брату Вале я привязал «День Победы» и «Белые Журавли».

И они действуют эффективно. Чаще всего я отключаюсь уже на папе...

Должен сказать о том, что в моей жизни важно увлечение поэзией русских классиков: Пушкиным, Лермонтовым, Есениным, Симоновым, Твардовским, Некрасовым.

Я знаю многие стихи этих поэтов и часто их воспроизвожу. Любимым у меня является вступление к «Медному всаднику» А. С. Пушкина и бессмертный стих М. Ю. Лермонтова, ставший популярной песней, «Выхожу один я на дорогу». Я не прошёл мимо и других советских поэтов. Имею ввиду Твардовского, Степана Щипачёва, наконец, Симонова (мы во время ВОВ звали его «Ждимоновым»).

И это увлечение русской поэзией произошло не в школе, а во время ВОВ, в тот период, когда я учился в Жуковке (1943–1946 годы) и в последующие годы. Мы, фронтовики, увидевшие слишком много крови, потерь друзей и близких, нашли утешение в бессмертных стихотворениях наших русских классиков. И мы ценили стихи и поэмы больше, чем прозу, хотя много читали прозаиков. Особенно люблю Чехова и терпеть не могу Достоевского, причём не только из-за «Бесов». Просто с трудом прочёл «Преступление и наказание», которое входило в программу советской средней школы. Я не мог понять, почему Раскольников убивал. И до сих пор мне противны его размышления и поступки. И поведение самого автора — картёжного игрока. Я всегда избегал карт и даже только один раз сыграл — на «одноруком бандите» в путешествии по Чёрному морю: сначала выиграл много монет, но потом всё проиграл. И больше никогда не играл.

В средней школе, в 8-м и 9-м классе, у нас была мода на Байрона, мы даже ударились в пессимизм. До сих пор помню:

Сочти все радости,
Что на житейском пире
Тебе пришлось когда-нибудь испить,
И знай, что кем или чем бы ни был ты в сём мире,
Есть нечто более отважное — не быть!

И это говорили ребята, которым было 15–16 лет. Такой вот была тогда мода: начитались Пушкина, Лермонтова, которые бредили Байроном, и сами потом стали пессимистами.

После смерти РАУ я не ношу ни орденов, ни медалей, ни орденских планок. Правительственных наград у меня более тридцати. Они валяются в коробке. Недавно показал их Андрею, Инке, Насте. На днях получил в качестве «иконной» медаль V-60. Она стоит у меня на столе, как иконка. Но вот какая история произошла с медалью «300 лет Петрограду», которую мне власти не хотят давать...
[Продолжения нет.]

Мы зря недооцениваем не только музыку, но и песню. Эстонцы говорят, что песня даёт душе радость. Я много раз в этом убеждался. И дело не в том, чтобы петь громко и со словами. Можно про себя промурлыкать мелодию. И она сразу изменит ваше настроение к лучшему.

Когда я был курсантом авиаучилища, то мы пели модную английскую песенку: «Джонни, да, поёт всегда, когда придётся туго. В жизни всё наоборот — Джонни всегда поёт».

Кстати, в песне, которую вы используете для поднятия настроения, не так важны слова, как мелодия. Я, например, не знаю слов многих песен, но мелодии любимых песен всегда храню в своей ЭВМ (голове).

Например, «Бабушка рядышком с дедушкой...» сразу напоминает песенку латышского композитора Паулса, которую озвучили кукушата. Я уже несколько раз пел её правнучке Насте. Она ей понравилась. Она её уже узнаёт. То же самое относится к классике. Я знаю Чайковского по симфониям, романсам, мелодии которых знаю когда частично, когда полностью. Вот «Баркаролу» знаю полностью. Или арию Ленского из оперы «Евгений Онегин» — частично, а также арию француза из этой оперы: «Вы роза Бель — Татьяна!».

Я знаю очень много мелодий, и они приходят мне на память совершенно неожиданно. Мне кажется она совершенно забытой, но вдруг вспоминается и, бывало, владеет мной в течение всего дня. И я не сержусь. Это замечательно, что она посетила меня.

Могу долго говорить об этом свойстве любящего музыку человека, причём не каждому это дано. Одно ясно: человек, который обладает этим свойством, никогда не наложит на себя руки. Он способен справиться со своей хандрой сам, без алкоголя, наркотиков и других Вредных, губительных привычек. И это просто здорово!

Почему-то авторы песен упорно вдалбливают человеку необходимость в песне. Например, «... и тот, кто с песней по жизни шагает...» или «... песня остаётся с человеком...», как в песне Островского Аркадия, и эта песня стала девизом телепередачи.

Но лучше всех сказали эстонцы: «Песня даёт душе радость». Действительно, перед ВОВ я впервые услышал такую песню, романс латышского композитора: «Скажи, почему нас с Вами разлучили?». Она потрясла меня своей мелодией, грустью и человечностью. Сколько людей узнает в ней себя и взгрустнет по этому поводу?

Однако современные песни с двумя-тремя словами, которые повторяются несколько раз, и ублюдочной мелодией, ритмом мне противны. Поэтому-то народы мира, особенно те русские, которых судьба рассеяла по миру, любят только советские песни за их мелодичность, проникновенность в душу и их хорошее стихотворное содержание. И эти песни сочиняли до перехода в XXI век, когда началось господство этой проклятой попсы. Неужели люди, живущие после нас, полюбят эти примитивные звуки?

Уверен в том, что не полюбят.

Сегодня я проанализировал имущественное и образовательное состояние моих вытегорских одноклассников и пришёл к выводу, который меня удивил. И я постараюсь это показать.

Оказалось, что в классе я один — выходец из полуграмотных крестьян и бедняк. У всех других одноклассников родители очень грамотные и среднего достатка, один я оказался самым бедным среди оканчивающих школу.

Например, у Миши Лантратова папа был хорошим столяром и имел дом, у Жени Иванова папа был суднадзором. Его боялись все капитаны судов Вытегры и озера Онега. Семья Ивановых, в составе которой было двое детей, занимала пол-этажа в нашем доме (а это пять комнат, не считая кухни).

Отец Жени Углова заведовал складами на берегу реки Вытегры и жил безбедно: прекрасный дом с несколькими хозпостройками, да ещё дом жены-финки — Иды Романовны — на берегу ручья, что на напротив дома бандита Митрошки Лашкова, недалеко от дома Угловых. Перед ВОВ его за что-то арестовали, посадили, и он где-то погиб. Отец Миши Яковлева в Девятках заведовал средней школой. Он, разумеется, имел высшее педагогическое образование. У Васи Кузнецова из Кондогуш отца уже не было, но мать жила в двухэтажном доме, учила сына в Вытегре, снимала для него комнату у Тухмахеров. Она даже ездила в Москву на слёт колхозников-ударников и сделала какое-то предложение по улучшению жизни колхозниц, которое понравилось Сталину.

Можно ещё дальше продолжать перечисление. Например, Ваня Кулов жил в прекрасном доме, в котором имелись современные усовершенствования. У них в WC был даже унитаз, редкий в моё юношеское время.

В их доме какое-то время жили русский поэт Николай Клюев и священник Стефан с двумя сыновьями.

Помню тот период, когда папа жил не в Вытегре. Нас с Валею мама повела в женскую баню. Там я увидел двух девочек из моего класса (одна из них живёт ещё в Питере). Я страшно обиделся и наотрез отказался впредь ходить в женскую баню. Тогда мама попросила на один вечер использовать баню Куловых-Рысаковых: один из дядей Вани Рысакова бросил в царя Александра II первую бомбу, которая разнесла карету царя, но царь уцелел. Мама пригласила мою двоюродную сестру Веру. Они вместе наносили воды из колодца, дров, истопили баню. Таковы были жизненные условия Вани Кулова.

Саня Павловский жил в семье с хорошим достатком. У них был породистый бык, к которому мама (или папа) водили нашу корову и платили за это деньги. В числе клиентов Павловских было много людей нашего районного города, которые держали коров.

Таким образом, оказалось, что я был одиноким выходцем из полуграмотных крестьян, которые к тому времени не имели ни кола, ни двора. Поэтому, быть может, я так остервенело учился в средней школе, в военном авиатехникуме, в военно-воздушной инженерной академии и адъюнктуре. «Нет худа без добра» — воистину справедливо.

Смотрел несколько кадров из сериала «Брежнев» (вторая серия: охота на кабанов) и вспомнил, как мы с папой и Сашей поехали на лодке в Чундручей. У нас тогда не было лодки. Где папа взял лодку, не знаю, но Саша сидел в лодке с папиной берданкой. Было такое примитивное охотничье ружьё.

Я не помню, кто грёб, но, проплывая мимо тростников, папа увидел плывущего чирка и крикнул Шуре, чтобы он стрелял. Саша выстрелил и убил чирка. Мне стало так жалко его, что я заплакал. И до сих пор помню эту свою обиду на Сашу за то, что он убил маленькую уточку — чирка.

Интересно, сохранился ли этот Чундручей. Есть ли там чундручане, которые каждое утро приезжали на своих гребных лодках и торговали у пристани прямо на берегу? Надо будет спросить у Тихонова в письме.

Потом эта берданка фигурировала в селе Александровском. Мы с Шурой ходили в лес. Там было много белок. Но я не дал Саше стрелять в них. И он меня послушал, не стрелял, хотя патронов к берданке было у него достаточно.

Только в 1941 году жена Шуры ехала в эвакуацию через Вытегру и рассказала маме о смерти Саши в 1935 году в селе Могоча в Забайкалье. Шура прожил 30 лет и погиб в селе Могоча. Это одна из моих четырёх трагедий братьев: Коли, Вали, Вани, Саши и Серёжи (брата от второй жены папы).

Мне напомнил о Саше странный телефонный звонок в квартиру внука Андрея в Междиемсе. Андрей рассказал мне об этом странном телефонном звонке... [*Записано: «продолжить рассказ».*]

Мой младший брат Сергей родился от второй жены папы в 1946 году в Вытегре. Большую часть своей жизни он работал каменщиком, а потом шофёром грузового авто. После смерти матери — моей мачехи — уехал с семьёй на родину жены в Котлас.

Несколько раз Сергей приезжал в Ригу и гостил у нас. О его жизни в Котласе ничего не знаю. Сергей прожил 56 лет, финишировав в 2002 году. Дети сообщили мне телеграммой о смерти отца. Я переговорил с ними по телефону, но прилететь вовремя на похороны я был не в состоянии, надо было лететь в Москву, а там пересаживаться на самолёт «Москва — Архангельск». Не знаю их точного адреса. Собираюсь позвонить и узнать адрес, чтобы возобновить переписку уже не с родителями, а с племянником и племянницей. Я видел их совсем маленькими ещё тогда, когда они жили в Вытегре. Они ничего не сообщили о своей маме, вдове Сергея. У меня с нею был плохой контакт, ибо она не была верна Сергею, часто уходила от него на неделю-две, оставляя его одного с детьми, а потом возвращалась к мужу. Я прямо осуждал её за это в разговорах наедине. Не уверен в том, что она изменилась в лучшую сторону. Сергей пожил бы ещё, если бы его жена не была такой... Наверное, такое поведение его жены и привело к пьянству, авариям по авто, принятию ошибочных, странных решений.

Паршины

Про родителей своих моя жена, Надежда Степановна Корсакова (Паршина), мало знает. Они из Пензенской губернии.

Отец, Паршин Степан Андреевич, родился в 1903 году в селе Кобыки. Рано стал трудиться и ушёл из дома в большую жизнь во вре-

мя гражданской войны, потеряв связь с родными. Умер в 1993 году старым большевиком ленинского призыва (с 1924 года).

Во время ВОВ выполнял ответственное задание Сталина по снабжению Северного флота через реку Сухону в тяжёлое для страны время, когда не работала Мариинская система, и немцы отрезали Мурманскую железную дорогу. Генерал водного транспорта, инженер-гидротехник с большим опытом работы.

Мать жены, Паршина Анастасия Семёновна, родилась в 1905 году в Пензенской губернии, умерла в 1980 году в Ленинграде, прожив 75 лет. Всю жизнь была домохозяйкой. Последние годы жила в Ленинграде, часто приезжала в Ригу на лето. Она, по сути дела, и вырастила нашу дочь Иру. Ира родилась в Калаче-на-Дону, когда Паршины там были в изгнании. Потом Иру перевезли в Кировоград, где я служил. Затем в 1951 году мы переехали с Ирой в Питер. Паршинных перевели в Вытегру строить Волго-Балт, и они взяли себе Иру. Потом они опять вернулись в Питер с Ирой. В Питере мы жили до 1955 года, когда мы переехали в Ригу, где проживаем по сей день. Супруги Паршины регулярно ездили к нам на дачу в Пумпури, Плиенциемс, Саулкрасты и растили Иру. При Анастасии Семёновне родился и внук Андрей (в 1978 году). Она приехала уже больной, когда мы снимали дачу в Пумпури на ул. Лиепу. Она уже была не в силах пойти с нами к реке Лиелупе, когда я катил коляску с Андреем. Она прошла 100 м по сосновому лесу по направлению к реке, и вернулась. Вскоре мы отправили её в Питер, где она умерла в 1980 году, пережив свою младшую дочь Валю на 10 лет.

Сестра жены, Валентина Степановна, родилась в 1929 году в Баку.

Валя окончила школу в Калаче-на-Дону и поехала учиться в Ростов-на-Дону в педагогический институт. Валя Паршина в Ростове-на-Дону вышла замуж за сына офицера, который погиб в начале ВОВ, и стала Старухиной. Её муж Владлен был офицером-артиллеристом конной тяги. После окончания военного училища его направили на озеро Хасан, где у них родился первенец — сын Валерий. Потом семью Старухиных перевели на Чукотку, где у них родилась дочь Наташа.

Впоследствии им разрешили после демобилизации отца возвратиться к его матери в Ростов-на-Дону. У них началась трудная жизнь, ибо Владлен не имел достаточно стажа для получения выслуги лет. Ему пришлось поступать учеником в ремесленное училище настройщиков механических станков-автоматов. Мы с Надей

помогали семье Старухиных материально. Владлен стал настройщиком механических станков-автоматов и долго трудился по этой специальности. Дети росли, а Валя работала воспитательницей детского сада. Жизнь налаживалась. Но произошла беда. Когда семья жила на Чукотке, американцы на Аляске взорвали водородную бомбу, никого из советских военнослужащих, их семей, гражданских лиц не предупредив. И если мужчины во время учений, которые происходили в это время, были в окопах или каких-то других укрытиях, то женщины и дети не были никак защищены. Валя стала одной из первых жертв этого взрыва и умерла в 1970 году в возрасте 40 лет в Ростове-на-Дону. Оставила сына и дочь. Сын живёт в Ростове-на-Дону со своей семьёй. Дочь замужем за полковником ФСБ, живёт в Рязани. У неё есть взрослый сын от первого брака. От второго — дочь, 1994 года рождения, и сын, 2001 года рождения. Окончила Институт дорожного строительства в Ростове-на-Дону, мастер спорта по художественной гимнастике.

Корсаковы

Папа, Ефим Захарович Корсаков, родился 12 октября 1873 года в деревне Лукьяново (а может быть, Зубово) на реке Шоле, в районе Белозерья, в семье (зажиточной) крестьянской, многодетной.

Его отец, Захар Корсаков, имел несколько сыновей и дочь Веру. Вот всё, что я о них знаю.

Мама, Гликерия Ивановна, урожденная Боженова (может быть, Баженова) родилась в 12 мая 1883 года в деревне Слобода Шольского района Вологодской теперь области в многодетной семье обедневшего приказчика. В семье было четыре девочки и один мальчик. Не знаю почему, но семья к рождению моей мамы Гликерии, старшей девочки в семье, обеднела.

Знаю, что дедушка Захар женил сына Ефима и выделил ему хозяйство. Ефим отслужил в царской армии в Гельсингфорсе в пехоте в качестве, кажется, денщика офицера и возвратился из армии в конце XIX века. Возможно, я путаю, но, и дед Захар женил сына после возвращения домой после службы в Финляндии. Однако вскоре папу забрали на русско-японскую войну. Он возвратился на родину с войны с двумя ранениями георгиевским кавалером. Его ждала жена-солдатка и первенец Иван, родившийся в 1902 году.

Мудрая мама поняла, что дважды раненный солдат будет плохим работником на земле, и предложила мужу ехать на поиски работы в Заонежье, в небольшой город Вытегру.

В Вытегре отцу предложили должность кучера — управляющего лесозаготовительной фирмы «Громов и Ко» — и по совместительству быть шорником. Кучеру-шорнику и конюху был отведён домик — «кучерская» — на территории фирмы.

В этом домике родились моя сестра Ираида, брат Александр, Николай, я и Валентин. Многодетной семье георгиевского кавалера — коммуниста Ефима Корсакова — советская власть предоставила просторную отдельную квартиру из четырёх комнат на первом этаже двухэтажного дома недалеко от кучерской, где я и братья родились.

Я не помню, но родители мне рассказывали, что меня первые годы нянчила бабушка со стороны мамы, которую я не помню. Она меня даже возила из Вытегры на родину мамы в Шолу, чего я, разумеется, тоже не помню. Вообще о семье Корсаковых я знаю очень мало. Наверное, с ней я больше не сталкивался, больше дел имел с семьёй Боженых. Так, тётя Полина жила в Вытегре с семьёй и мужем — слесарем и паяльщиком дядей Колей — и там же умерла. Тётя Елена жила во Пскове, но мы не имели с ней связи при тех средствах коммуникации. Тётя Ирина Крутова много раз гостила в Вытегре, когда с мужем жила в Мурманске. Потом тётя Ириша переехала в Кисловодск с мужем и двумя сыновьями, где и умерла в возрасте 70 лет.

Единственный брат мамы был офицером царской армии (я видел его фотографию). Он погиб во время Первой мировой войны где-то под Ригой.

Мой старший брат Иван учился в Петрозаводской фельдшерско-акушерской школе. Но он не стал фельдшером. То ли увлёкся романтикой чекистов, то ли его мобилизовали на службу в ЧК России, но он бросил учёбу и стал чекистом на всю свою оставшуюся жизнь. Создал большую благополучную семью в составе трёх девочек и двух мальчиков. Одна из девочек умерла в младенческом возрасте. Его служба была беспокойной, т. к. его часто перебрасывали из одного города в другой. Мне трудно перечислить города, где он служил.

Иван погиб в Баку в 1942 году в звании подполковника юстиции при выполнении специального задания. После смерти его жены, его дети, жившие в городе Грозном, переехали сначала в Вытегру

к овдовевшему деду, а потом в Ленинград. Оба сына умерли, не создав семьи. Дочери закончили свой жизненный путь в почтенном возрасте, оплакиваемые детьми и внуками.

Помню, как хоронили в Вытегре школьника брата Колю. Он прожил 17 лет — умер в 1927 году, став жертвой конькобежного спорта. После соревнования на коньках он попил воды из проруби и заработал, в конце концов, чухотку. Маршрут похоронной процессии растянулся на несколько километров и проходил через весь город. Я не помню, как я его преодолел. Мне родители хотели вручить иконку, с которой я должен был идти впереди процессии. Уже тогда я был девятилетним октябрёнком и не хотел выполнять предложенную мне миссию.

Однако кто-то дал мне подзатыльника, и... я со слезами на глазах от унижения и боли поплёлся во главе похоронной процессии.

Колю похоронили рядом с могилой сестры Ираиды, которая родилась после Вани в самом начале XX века, причём я не знаю даты её рождения. Она умерла в младенческом возрасте, я знаю об этом из рассказа мамы.

Я запомнил, что около могилы Коли лежал огромный валун, который могильщики подняли, когда рыли могилу. Этот валун потом сыграл положительную роль в истории поиска Колиной могилы. Потом я много раз с родителями посещал могилы сестры и брата во время православных праздников, поминая усопших. Эти могилы были недалеко от северной границы кладбища, за которой уже хоронили только самоубийц. А ближе к церкви, которая была почти в центре кладбища, находились могилы дяди Коли и тёти Полины.

Когда строили на месте Мариинской системы канал Волго-Балт, то он прошёл через кладбище, причём на месте кладбища оказался первый шлюз канала. Мы полагали, что могилы наших сестры и брата, дяди Коли и тёти Полины были срыты.

Действительно, могилы дяди Коли и тёти Полины исчезли, а папа нашёл тот валун на правом берегу канала, если ехать по нему из Ленинграда. Значит, дорогие нам могилы... уцелели. И папа посещал их до тех пор, пока не ослеп в 1953 году, а потом умер в 1960 году. Я часто посещал Вытегру и пытался найти этот валун, но не смог: его то ли его увезли, то ли закопали...

Младший брат Валя, родившийся в 1922 году, вообще не был почему-то везучим мальчиком и юношей. Таких людей бывает достаточно много. Мы их знаем, наблюдаем за ними, ибо они живут среди нас. После смерти Коли мы в 1929 году переехали в село

Александровское (шлюз № 30 Мариинской системы), недалеко от Ковжского озера на реке Ковже — на водоразделе рек Ковжа и Вытегра. Валя только пошёл в школу и заболел scarlatinной. Поэтому его отвезли на шлюз № 31 в село Анненский мост, в scarlatinный детский барак.

Мы с мамой пешком ходили посещать Валию несколько раз. И я помню его обиженное лицо, которое видел через окно scarlatinного изолятора, с мольбой немедленно взять его домой... И особенно горек был его взгляд, когда он увидел, что мы уходим домой.

Потом помню, как Валя, будучи уже школьником, приезжал в Ленинград, где я работал военным авиатехником (в Пушкине). Валя упал с турника (перекладины) во время упражнения и выбил один передний зуб — резец. Когда он пытался в 1939 году вставить недостающий зуб, то не добился успеха. Тогда ему пришлось без зуба стать планеристом-парителем и инструктором планерного спорта в городе Вытегре.

Ради планерного спорта он запустил учёбу в школе и окончил только 8 классов. Это помешало осуществить его мечту — стать военным лётчиком. И в этом была только его вина, хотя он знал, что путь в военную авиацию без 9-классного образования ему был закрыт. Действительно, его призвали в армию, но не в авиацию, которой он бредил, а в железнодорожные войска НКВД. Если бы он имел аттестат средней школы, то его направили бы в лётное училище.

Тогда наркомом обороны СССР был маршал Тимошенко, который резко взвинтил после поражения в войне с финнами требования к солдатам пехоты и других родов войск и командирам, решив учить их ужесточённых природных условиях. Так, во время учений отделение (взвод, рота), где был солдатом Валя, ночевало в лесу нынешней Польши (тогда Западной Белоруссии), под Белостоком, в избушке, сооруженной из нескольких деревьев в виде шатра. Но ночью кряж крыши соскользнул вниз со стройки и придавил нескольких красноармейцев, в том числе и моего младшего брата Валентина. Валя и его пострадавшие друзья были доставлены в больницу. Вскоре он пришёл в норму, вставил зуб и возрадовался спасению. Однако вскоре началась Великая Отечественная война, и Валя погиб в самые первые дни ВОВ, причём я не знаю даты и места его гибели. Ему было 19 лет. Он даже ни разу не был в Москве. Подробности гибели его неизвестны.

Родители до конца дней своих (мамы — в 1945 году, папы — в 1960 году) ждали его возвращения, но так и не дождались.

Мы с внуком Андреем установили новое надгробие маме и папе в Вытегре в 2000 году. В 2002 году мы снова посетили Вытегру и привели в порядок захоронение.

Интересна судьба брата Александра, который родился в 1905 году и умер в 1935 году в сталинских лагерях в Забайкалье (село Могоча). В Кеми осталась его жена с дочерью.

В 1945 году папа овдовел и женился второй раз. В 1946 году родился сын Сергей от второго брака.

*Плывут в океанах, летят высоко в небесах
Солидные люди с мальчишеской искрой в глазах.*

*Мальчишки, мальчишки,
Пускай пролетают года,
Мальчишки, мальчишки,
Для нас вы мальчишки всегда.*

Мальчишки

Слова словно списаны поэтом Игорем Шафераном с четырех друзей, выпускников неполной средней школы города Вытегре Вологодской области: Борьки Корсакова, Васьки Кузнецова, Мишки Лантратова и еще одного Мишки — Яковлева. Они одноклассники, все с 1918 года. Наверняка друзья как-то по-особому различали Михайлов по именам, но кто ж теперь расскажет, как?

Кто был первым в драках, кто слыл «главным умником»? Кто первым влюбился? Кто придумал ехать после 9-го класса всем вместе в Ленинград, чтобы получить среднее, а потом и высшее образование? Годы идут, люди уходят, унося вместе с собой воспоминания, способные объяснить, как четверо обычных деревенских друзей, мальчишек из глубинки, дети крестьян, конюхов и прачек «выбились в большие люди», стали преподавателями, ректорами, профессорами сложных технических вузов, сумев при такой крутой карьерной лестнице сохранить до конца жизни настоящую, крепкую мужскую дружбу? И не только сохранить, но и передать ее как эстафету своим детям и внукам? В чем секрет? Их закалила война? Все воевали, но не все стали профессорами. Тяжелое голодное детство, приучившее бороться за место под солнцем? Мало кто в то время роскошествовал. Может, мальчишеское братство? Та самая мальчишеская искра в глазах, которую они не утратили до конца?

Их дружба продолжалась всю жизнь: они встречались, переписывались, поддерживали друг друга, просто общались. Не забывали и малую родину — место, где все начиналось.

Для нас, их детей, внуков, близких, которые познакомились ближе уже после их ухода, они были любимыми и любящими родителями, причем замечательными родителями, которые своим личным примером сумели научить нас трудолюбию, умению воплощать мечты в жизнь, сумели передать жизнелюбие, стойкость и любознательность, помогли сформироваться и стать личностями, найти себя в разных сферах жизни.

Эта скромная публикация — дань их светлой памяти.

Детство

Были ли в мальчишках с речки Вытегры, что протекает в 15 км от Онежского озера, будущих ученых и преподавателей вузов, дух соперничества? Да наверняка он и был главным двигателем!

Любознательность, стремление к знаниям, желание быть первым — это во все времена главный источник успеха.

Кто из них был заводилой? Можно только предполагать.

Может, Василий, который в 13 лет каждую неделю один ходил с ружьем из школы домой, в деревню Непручи, потому что до дома было 25 километров, идти приходилось и ночью, а в тех краях волки были не редкостью? А идти было надо, потому что его неграмотная мать, одна воспитывавшая сына, готовила к встрече с сыном продукты, чтобы Васенька не голодал в течение следующей учебной недели. Чем не вологодский Ломоносов? Позже, после окончания с отличием школы и Ленинградского химико-технологического института, когда он стал ректором Уральского университета, он помогал материально многим студентам, потому что не понаслышке знал, почему фунт лиха. У него были «золотые руки» (в частности, он прекрасно владел стеклодувным искусством!) и светлая голова.

Или все же Боря Корсаков, сын прачки и конюха, который всю жизнь был весельчаком-балагуром и душой любой компании? О его шуточках слагали легенды, особенно в те годы, когда он преподавал в Рижском Краснознаменном институте инженеров гражданской авиации. О его чувстве юмора можно судить и по строчкам из его подробной автобиографии гвардии техника-лейтенанта, датированной 17 марта 1943 года. Впрочем, во времена написания автобиографии, может, это было не столько смешно, сколько трагикомично: «Из родных был судим отец (по обвинению в порче государственной лошади), но был оправдан из-за ложности обвинения».

Или один из Михайлов? К примеру, Яковлев. Его отец был гидротехником, а мать — дочерью священника. Она окончила епархиальное училище для дочек священников и преподавала математику и астрономию, а позже стала директором школы.

Или верховодил другой Михаил, отчаянный Мишка Лантратов, крестьянский сын, который позже учился в том же Ленинградском химико-технологическом институте, что и его бывший одноклассник и друг детства Василий Кузнецов, защитил диссертацию, пре-

подавал в нескольких вузах, женился на однокурснице Надежде Кулаковской? Их дети — сын и дочь — пошли по стопам родителей, оба получили высшее образование.

Или все же соперничество было второстепенным, и главной была крепкая мужская дружба?

Война

Друзья-односельчане не стали однополчанами, война их разбросала, хотя начинали все они воевать на Ленинградском фронте, оставив на время свои «университеты». Все воевали отважно и честно, все имеют награды.

Михаил Лантратов позже всех друзей закончил войну: в 1946 году в Австрии. Он служил начальником разведки артиллерийского полка 152-миллиметровых пушек-гаубиц. Задачей его подразделения была разведка немецких батарей, нанесение их на карту с координатами привязки к местности, чтобы полк мог подавить эти батареи. Самое страшное начиналось потом: необходимо было опять идти за линию фронта для того, чтобы сфотографировать подавленную батарею. Немцы это знали и ждали.

Всю войну с Михаилом прошли только два человека: его ординарец Владимир Белов и один разведчик, все остальные погибли. В мае 1945 года Михаил Лантратов был ранен. Их полк САУ-152 встретил на подходе к Праге колонну немецких «Тигров» и вступил с ними в бой. Михаил сидел на броне и докладывал в штаб обстановку, держа телефонную трубку около уха, осколок пробил руку, но трубка спасла жизнь. Михаил не любил вспоминать войну. Говорил, что это потерянное время.

Михаил Яковлев в годы Великой Отечественной войны участвовал в следующих крупных операциях: по разгрому немцев под Москвой, в прорыве обороны немцев в районе Витебска, Курской битве, взятии Ржева, Орла, Смоленска, в прорыве обороны немцев в Восточной Пруссии, во взятии Кенигсберга. В начале войны был участником обороны Ленинграда. За боевые отличия в ходе войны многократно награжден орденами и медалями, в том числе орденами «Красная Звезда», «Красное знамя», орденом Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени и множеством других боевых и юбилейных наград.

На долю **Бориса Корсакова** достались две войны: советско-финская и Великая Отечественная, он участвовал в польской компании 1939 года, семь месяцев провел в ленинградской блокаде, где вел блокадный дневник, воевал на Воронежском и Северо-Западном фронтах. Служил авиамехаником в 28-м Гвардейском истребительном авиаполку. Имеет боевые награды.

Василия Кузнецова призвали в Рабоче-крестьянскую Красную Армию в августе 1940 года. Он должен был выучиться на командира взвода, но не успел. Карельский перешеек, граница с Финляндией, 30 километров к югу от Выборга: утром 29 июня 1941 года здесь вступил в бой гаубичный артиллерийский полк 43-й стрелковой дивизии, в котором служил старший телефонист Василий Кузнецов. Преимущество в артиллерии, заранее подготовленные позиции позволили части сдерживать натиск противника до 15 августа. Затем враг прорвал фронт севернее. Оставлен Выборг. Дорогу на Ленинград в последний момент перерезал вражеский десант. 8 сентября пал Шлиссельбург. Началась блокада Ленинграда.

6 ноября 1941 года артиллерийский разведчик Василий Кузнецов был отправлен в соседний пехотный полк для установления с ним взаимодействия... Внезапно Кузнецов понял, что лежит на земле и не может встать. Разрывная пуля перебила кости правой голени. Подобрали свои. Покачивание носилок, передых в яме, оставшейся после разрыва авиабомбы. В неё вновь попадает снаряд. Кузнецов получает ещё два ранения. Это был последний бой Василия Кузнецова. На память о тех днях остался орден Отечественной войны 1-й степени, медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда» и боль старых ран.

И мир

Начало мирной жизни ознаменовалось созданием семей с избранницами, с которыми друзья были знакомы ещё до войны. Разве могли девчонки не дожидаться ТАКИХ избранников в орденках и медалях, готовых к труду, обороне и любви?!

Дальше была длинная, очень интересная жизнь, посвященная науке и преподавательской деятельности.

Василий Кузнецов, «университетский человек», стал ректором Уральского государственного университета. В отличие от предыдущих ректоров — «варягов», — Василий Александрович перед тем,

как занять эту руководящую должность, проработал в Уральском университете 22 года.

Рижский — Корсаков — стал легендой, ходячей историей РКИ-ИГА. Он связал жизнь с этим учебным заведением еще в 1935 году и с тех пор никогда ему не изменял.

Михаил Яковлев выбрал профессию профессионального военного. Когда в 1960 году был принят закон, по которому подлежали увольнению из Советской Армии 1 200 000 человек, возникла угроза потери для армии крупных специалистов с хорошей военно-теоретической подготовкой и большим опытом научной работы. Руководство ракетных войск и артиллерии, где служил Яковлев, решило сохранить научные кадры института. Непосредственно этим вопросом было поручено заниматься Михаилу Яковлеву. Его настойчивость и убедительные аргументы были правильно восприняты Главнокомандующим советских войск, маршалом Советского Союза В. И. Чуйковым, и был подписан приказ об организации при Военной артиллерийской академии им. Калинина в Ленинграде двух военно-научных групп.

За время работы в ВНИГ Яковлевым было сделано более 40 изобретений и открытий, написано множество научных трудов.

Михаил Лантратов после войны вернулся в Ленинград, работал в Электротехническом институте им. В.И. Ульянова (Ленина), а затем перешел на преподавательскую деятельность в Политехнический институт. Защитил кандидатскую диссертацию, имеет научные публикации.

Люди живы, пока их помнят

Если попытаться уложить жизнь замечательной четверки в схему, она получится, с одной стороны, совершенно особенной, но с другой — очень похожей на жизнь всего поколения советского времени, которое росло, развивалось и мужало вместе со страной. Все они с детства жадно тянулись к знаниям, стараясь успеть как можно больше, умели мечтать, дружить и добиваться задуманного, упорно учились, достойно прошли войну, тяжело и честно работали, умели любить и беречь семью и близких, занимались наукой, всю свою жизнь передавали опыт и знания молодым. Передавали свой оптимизм, увлеченность, стойкость, творческое отношение и любовь к жизни. Учили отличать главное от повседневной суеты. Были примером, защитой и опорой для всех, кого сталкивала с ними жизнь. А это были тысячи людей. Такие, как четверо этих друзей — опора нации, ее генофонд. На памяти о них мы сможем выжить и выстоять. Только надо их помнить, помнить обстоятельства, которые закалили их и сделали непобедимыми, непобедимыми даже для смерти. Все они уже не с нами, но в памяти по-прежнему живы.

Михаил Лантратов ушел из жизни в 1974 году. У него случился инфаркт. У отважного человека, умницы и разведчика, сердце не выдержало несправедливости на кафедре своего института.

Василий Кузнецов, замечательный ученый, бывший ректором Уральского университета, позже — заведующим кафедрой физической химии, под руководством которого были подготовлены сотни специалистов в области физической химии и который оставил очень яркий след в научном мире, ушел из жизни в декабре 1990 года.

Дочь Михаила Яковлева так вспоминает об отце: «Мой отец вступил в КПСС в 1939 году, был политруком батареи, впоследствии — заместителем командира батареи полка, в 1961 году был заместителем секретаря парткома Военной артиллерийской академии им. Калинина. Он никогда не изменял своим идеалам, и в партии остался после развала СССР, после начала смутного времени перестройки не перекрасился и не кинул свой партбилет на стол, как это сделали многие для дальнейшего продолжения карьеры.

... У нас была хорошая, дружная семья, родители регулярно и с интересом занимались нами в детстве, много времени проводили с нами. Когда я стала старше, отец стал внимательным другом, мы

часто подолгу беседовали с ним, он умел уважать чужое мнение, даже если оно шло вразрез с его. Если он считал, что я ошибаюсь, он пытался переубедить меня. Он был прекрасным мужем, зятем и отцом — любящим, заботливым, отзывчивым, глубоко вникающим в проблемы всех членов семьи, всегда пытался — и у него это выходило, — разрешить все семейные проблемы. Он также был прекрасным дедушкой для детей моего брата и моей дочки. Он учил их работать руками, обсуждал с ними прочитанные книжки, кинофильмы, различные жизненные ситуации. Ходил с ними в театры, секции, возил в школу и т. д. Умер мой отец 9 июня 2006 года. Память о нем хранят его дети, внуки, сослуживцы и ученики».

Последним из четверых друзей 12 августа 2010 года ушел Борис Корсаков. Он стал последним из могикан — оптимистичный, мудрый и добрый человек, гордившийся тем, что работал до XXI века. Он прожил яркую и насыщенную событиями жизнь. В этой книге содержатся его воспоминания о блокадном Ленинграде.

Избитая истина: люди живы, пока их помнят.

Мы будем всегда помнить веселых, добрых и удачливых друзей из Вытегры. Ведь они стали нашими папами, дедушками, прадедушками, нашей надежной защитой и опорой, что ощущается даже сейчас, когда их нет рядом.

Мы гордимся ими и хотим прожить жизнь, достойную их памяти.

Надежда Котикова,
член Союза журналистов Латвии

Содержание

Чтобы помнили	4
Автобиография гвардии техника-лейтенанта Бориса Ефимовича Корсакова	11
Дневник Б. Е. Корсакова 19 января – 11 мая 1942 года	15
My Autobiography	150
Мальчишки	191

Так это было

(дневник гвардии техника-лейтенанта Б. Е. Корсакова
19 января – 11 мая 1942 года)

Редакторы *И. Б. Корсакова, Д. Г. Сотчихин*

Корректор *Д. М. Соколова*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *А. А. Крыласов*

Подписано в печать 04.08.2014. Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 14
Тираж 200 экз. Заказ № 3665

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)622-01-23